СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие проф. В.М. Акаткина……..... 6
От научного редактора……..... 10

I. ТЕКСТЫ

Песни, собранные А.В. Кольцовым

1. Как у князя было, князя……..... 13
2. Ой Иван, ой Иван……..... 16
3. Попляшите, девушки……..... 17
4. Приехали купчики с-под Москвы……..... 18
5. Как на сосне, на елине……..... 19
6. Матушка, матушка, головка болит……..... 20
7. Ты взойди, ты взойди, красно солнушко……..... 21
8. Милые дружки-целовальнички……..... 22
9. Ты воспой, ты воспой, душа соловьюшек……..... 23
10. Никому так не досталось……..... 25
11. По лужочку гуляла……..... 27
12. Уж мне нынешний день скука……..... 29
13. Ты корчма моя, корчма……..... 30
14. Зеленая роща……..... 31
15. Ни по горам я ходила……..... 32
16. Во сыром-та бору брала Маша ягодки……..... 33
17. А подруженки ожидать……..... 34
18. Поп ты чудила, поп буян……..... 34
19. Танюшка, Татьяна……..... 36
20. От еды младу отбило……..... 38
21. Пойду выду на крыльцо……..... 40
22. Чтой-то за сердце……..... 41
23. Мучаюсь, мальчик, я страдаю……..... 42
24. Не могу я разгуляться……..... 43
25. Ни под свет заря занималася……..... 44
26. Я сажу-сажу капустку……..... 45
27. Как под лесом под темныим……..... 46
28. В селе, селе Измайлове……..... 48
29. Винной мой колодесь……..... 50
30. Течет речка……..... 52
31. Что за диво та такое……..... 53
32. Как и я, молода……..... 54
33. Весенняя песня……..... 56
34. Та же……..... 59
35. Аи Дуняшка Фомина, Фомина……..... 61

36. Как у славнова заводчика……... 62
37. Об чем мальчик сумневался……... 64
38. По морю, по морю, по тихому озеру……..... 65
39. Как по сеням, сеням, сенюшкам…… ……..... 67
40. Вейся, вейся, хмелинушка……..... 68
41. Чернецкое пиво……... 69
42. Как за лесом, за лесочком…….. 71
43. Сохнит в поле травка……..... 73
44. Чей это садочик……... 74
45. Ох ли, пропала пропажа……..... 75
46. Зимовая стужа……..... 77
47. Жил я у пана первое лето……... 78
48. В гостях Дуня гостила……..... 79
Комментарии И.М. Колесницкой и А.Д. Соймонова……..... 80

Современные варианты воронежских песен, собранных А.В. Кольцовым

1. Да копала я черемушку……..... 90
2. Можно, можно мальчоночке разгуляться……... 91
3. Хмель моя, хмелюшка……..... 92
4. Наварил чернец пива……..... 93
5. Не качайся, сосенушка зеленая……... 94
6. Ой, не вздыхай-ка, душа-Машенька……... 95
7. Не буди, соловейко, поутру раненько……..... 96
8. В саду ягода-малина……..... 96
9. Во ку, во кузнице…….. 97
10. Зайди, солнце, только зайди……. 98
11. Погуляйте вы, девушки……..... 99
12. Матушка, матушка, к нам гости едут……... 100
13. Зеленая роща всю ночь прошумела……... 101
14. У нас нынче ввечеру……... 102
15. Вырою я черёмушку……... 103
16. В саду ягода-малина……... 103
17. Люба, ты Люба моя……..... 104
18. Хороша наша деревня, только улица грязна……..... 105
19.Сажу, сажу капустку……..... 106
20. Нотная запись песни «Хороша наша деревня»……..... 107
21. Нотная запись песни «Во ку, во кузнице»……..... 108

Пословицы, поговорки и присловья, собранные А.В. Кольцовым……..... 109

Письма А.В. Кольцова о народном искусстве

А.А. Краевскому, 12 февраля 1837 г. Воронеж……..... 122
А.А. Краевскому, 13 марта 1837 г. Воронеж……..... 124
А.А. Краевскому, 16 июля 1837 г. Воронеж……..... 125
А.А. Краевскому, 28 июля 1837 г. Воронеж……..... 127
А.А. Краевскому, 15 декабря 1837 г. Воронеж……..... 128
В.Г. Белинскому, 28 сентября 1839 г. Воронеж……..... 129

II. ИССЛЕДОВАНИЯ

1. П.Д. Ухов Кольцов – собиратель народных песен……..... 133
2. И.М. Колесницкая А.В. Кольцов и народная поэзия……..... 149
3. А.М. Путинцев А.В. Кольцов как собиратель русских народных пословиц……..... 160
4. В.А. Тонков Народные песни, пословицы и поговорки, записанные А.В. Кольцовым……..... 167
5. А.М. Новикова А.В. Кольцов – собиратель народных песен Московской губернии……..... 170
6. В.А. Павлова Кольцов – собиратель Воронежского фольклора..... 184

III. СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ……... 195

ПРЕДИСЛОВИЕ

Параллельные миры

Есть жизнь неприметная, самая обыкновенная, однако и она может быть интересной и содержательной, а для окружающих небесполезной. Но есть жизнь подвижническая, жертвенная – как непрерывное стремление к высоким целям и ценностям, подкрепленное волей и талантом, как неустанное восхождение над самим собой. Такова короткая, «прекрасная и яростная» жизнь Кольцова, жизнь, равновеликая подвигу.

Воронежский прасол не только создал уникальный жанр – «русскую песню», но и постоянно размышлял о песне, о ее месте в жизни человека. И тут открывается любопытная картина: песня как действо чаще всего звучит в стихах светлых, радостных, где человек азартно и весело работает, добивается желанных результатов. Но песня часто звучит каким-то предупреждением о беде, о неудаче, о поражении или преступлении. И тогда слово «песня» произносится в совсем другой тональности, чем в стихотворениях первого ряда. А все вместе это говорит о том, как мощно влияла на Кольцова народная песня, как глубоко она проникла в его мирочувствование и поэтическое мышление. Именно из народной песни выросла его русская песня и, породнившись с поэзией литературной, ушла в народ и стала народной.

При всей порывистости, полетности кольцовского стиха, он не лишен внутренней сложности, богатых оттенков чувства, противоречивых настроений. Песня, упомянутая в стихе, и предсказывает ведущее переживание, и окрашивается им, что и создает удивительную цельность и эмоциональное единство его произведений. Они энергичны и многоголосы, как оперные увертюры – недаром Кольцов собирался написать либретто какой-то оперы. Этот музыкальный жанр его интересовал. Уже в самом начале творческого пути (1827 г.) он называет одно из своих стихотворений Песня («Если встречусь с тобой…»), а в «Послании В.Г.О.» (1829 г.) называет свои стихи песнопениями. У него поют все – чумаки, поэты, русалки, рыбаки, друзья на шумном пиру, соловей, наяда, поселянин, косарь, молодая жница, Лихач Кудрявич, удалец, разбойник, даже от нагруженных возов «скрипит музыка», словно самая сладкая песня. У него песня звучит и в беде, и в радости, порой предвещает недоброе, трагическое, но чаще всего как торжество человека над нелегкими или роковыми обстоятельствами. Кольцов как человек и поэт буквально вырастал в песенной колыбели народа, а потому никак не мог оказаться вне влияния песни и в творчестве, и в жизненных устремлениях.

Фольклор был для него духовной родиной, поэтической школой, побуждением к песне. Многие строки его стихов и писем по энергии и афористичности напоминают пословицы и поговорки, готовые песенные формулы, а немалая часть стихотворений названа песнями. Как никто из русских поэтов, Кольцов давал поводы для переложения своих стихов на музыку – на их основе создано более 800 песен и романсов! Многие из них, утратив имя автора, стали народными. Поистине: откуда пришел, туда и вернулся. «Есть одно состояние души, которое объединяет всех людей, – писал поэт-песенник С. Островой. – Это состояние человеческой души называется песней». Первую свою песню Кольцов, еще не записав на бумаге, запел во весь голос и на всю бескрайнюю степь! Иного бытия своих стихов, кроме как в песне, он и не представлял: «Нашедши лиру петь начал».

Народные песни Кольцов стал записывать в зрелую пору своего творческого развития, во второй половине 1830-х гг., убежденный в том, что в песне, «кроме ее собственной души, есть еще душа народа в его настоящем моменте жизни».

Что подвигло Кольцова на собирание песен, пословиц и поговорок русского народа? Ответ лежит на поверхности: советы Белинского, Краевского, Жуковского или даже самого Пушкина. Однако этого недостаточно. Кольцов с самых ранних лет был буквально погружен в стихию фольклора, в народную речь и песню, в дела и думы народа и, будучи наделен от Бога талантом, вскоре сам запел от переизбытка переживаний и музыки, переполнявшей его пылкое, любящее сердце. Он хорошо знал известные в ту пору фольклорные сборники и отчетливо видел, как записанное заметно отличается от живого исполнения. Очевидно, сказать свое не только в собственных стихах и песнях, но и в записях народного творчества и побудило его к собиранию фольклора. Советы столичных друзей пали на уже подготовленную почву, и Кольцов в довольно короткое время записал с поистине профессиональным умением множество песен, пословиц и присказок, которые до сих пор неизвестны широкому читателю. Эта сторона его деятельности, как и многое другое (распространение книг и журналов, изучение читательских оценок, организация литературной жизни в Воронеже, литературных вечеров в Петербурге), о чем мы узнаем из его писем, резко укрупняют масштабы Кольцова как культурного деятеля своей эпохи.

Почему именно эти песни выбрал Кольцов для записи? Не потому только, что он их чаще других слышал, но и потому, что увидел много общего между своими стихами и народными песнями (любовные и семейные драмы, удальство и разбойничество, неволя и сиротство, мотивы разлуки и чужой-дальней сторонки, измены и любви-злодейства,

худой славы и одиночества и т.п.). В них те же добрые молодцы и красные девицы, старый муж-ревнивец и молодая жена-красавица, запретная любовь и бегство на вольный Дон, где свободная, счастливая жизнь. Порой трудно отличить, собственные ли это стихи Кольцова или народная песня.

Белая лебедушка.
Она меня иссушила,
Она сокрушила,
Вынула румянец
Из белова лица
Удалова молодца.
Уж не милы мне без ней
Ни болоты, ни луга (№ 8).

Но если народная песня, при всем ее драматизме, тяготеет к рассказу, к отстраненному эпическому повествованию, то кольцовские стихи предельно личностны, они клокочут страстью, полыхают огнем эмоций, поражают динамикой, переменчивостью настроений. В народной песне все уже случилось, произошло, момент пересказа отдален от событий, у Кольцова же все происходит здесь и сейчас, на наших глазах, налетает вихрем, обжигает пламенем, и мы оказываемся в эпицентре этого вихря. Песня Кольцова – не для обряда, не для хоровода (хотя многие из них сценичны – недаром он называл «Хуторок» степной драмой), а для индивидуального восприятия, для чтения – и в этом ее литературность. Кольцов не допускает словесных пустот, чтобы ради соблюдения ритма заполнять их междометными восклицаниями или другими звуковыми комплексами. В народных песнях больше всевозможных частностей, бытовых подробностей, имен, названий сел, местностей, они ближе к сказкам своей повествовательностью, поэтикой троекратности и т.п. в них появляются героиня Дуняша Фомина, тогда как в собственных стихах и песнях Кольцов ни разу не упомянул это имя. В народных песнях нередки драматические эпизоды, диалоги, сцены, у Кольцова по преимуществу монологи, исповеди, признания, жалобы героев, его стихи ближе к поэзии, к лирике литературной. Как видим, сопоставление фольклорных записей Кольцова с его собственными стихами и песнями дает дополнительную возможность ощутить их новаторство и своеобразие, их переходность от фольклора к литературе. В смелости этого перехода мы видим одну из величайших заслуг Кольцова, выросшего из безымянного певца в индивидуального автора.

В народных песнях довольно много безрадостного, тягостно-неподвижного. Песня Кольцова нередко озарена божественным светом, в ней есть место радости, взаимной любви, счастью. Особой духоподъ-

емностью отличаются его стихи о самом главном в жизни поселянина – о его работе на земле («Песня пахаря», «Урожай», «Косарь» и др.). Кольцов в них как бы дополняет народный характер, возвращает ему силу и уверенность Микулы Селяниновича, былинного богатыря. При некоторых оговорках, Кольцова смело можно назвать одним из первых исследователей русского народного характера, его сложного, противоречивого, амбивалентного состава: труженик, созидатель, пахарь – и разбойник; законопослушный и глубоко верующий христианин – и бунтарь, преступник; покорный долгу и обстоятельствам – и мститель, мятежник; волевой, одалевающий любые трудности работяга – и ленивый, спящий мужичек; гордый свободолюбивый удалец – и всего боящийся, нерешительный раб обстоятельств. Поражает, как во многом совпадают позднейшие характеристики русского национального характера (Достоевский, Толстой, Чехов, Бунин – «икона и топор», Горький, И. Ильин, Н. Лосский и др.) с песенными характеристиками Кольцова. Это еще раз убеждает, насколько он глубок и самостоятелен, насколько зорок и дальновиден в своих раздумьях о человеке и народе, которому был так близок. Он во многом предсказал появление будущих протестантов-нигилистов, революционеров-террористов, и если на какой-то грани роднился с ними, то решительно расходился в главном – вере в Бога. Безверие же часто оборачивается не благородным протестом, не стремлением к идеалу, а союзом с дьяволом, хулиганством и кровопролитием, желанием натешиться пиршеством, пожить вольно, нараспашку. Эту греховность русского человека он увидел и в народных песнях (Ванька-ключник и другие), и запечатлел в собственных стихотворениях. В частности, его смущало и отталкивало в народных песнях обилие «соленого» и «перченого», чего он не допускал в собственных стихотворениях. Когда мы прочитаем разом написанное им и собранное, мы лишний раз убедимся, что народные песни как бы расширяют и подтверждают поэтический мир Кольцова. С другой стороны, Кольцов облагораживает песенную народную стихию, возвращает ей былую идеальность и поэтичность, жизнелюбие и оптимизм. Перед нами словно два параллельных мира – близко родственных, открытых друг для друга, но все же пролетающих на разных высотах, определяемых исторически и творчески…

Проф. В.М. Акаткин

От научного редактора

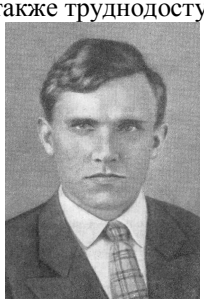
Сборник «Песни, пословицы и поговорки, собранные А.В. Кольцовым» подготовлен к знаменательной дате в культурной жизни Воронежа и всей России – 200-летию со дня рождения поэта.

Так сложилось, что поэтические произведения А.В. Кольцова, его переписка с В.Г. Белинским, А.А. Краевским, В.А. Жуковским, П.А. Вяземским и с другими русскими литераторами стали хорошо известны читателю. А его собирательская деятельность, достаточно напряженная и плодотворная, остается в какой-то степени в тени.

Занятия Кольцова прасольством (торговлей скотом) давали ему прекрасную возможность постоянного общения с народом, возможность записывать песни, пословицы, поговорки не только в Воронежской губернии, но и в Московской.

Судьба записей А.В. Кольцова сложна, тетради с песнями терялись и находились. В полном объеме песни, собранные А.В. Кольцовым, были изданы в 1968 г. в серии «Литературное наследство» (Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П.В. Киреевского. Т. 79. – М, 1968. – с. 281–338). Это издание сейчас, в начале XXI в., стало библиографической редкостью.

Пословицы и поговорки, собранные А.В. Кольцовым, были напечатаны еще в XIX в., в «Воронежской беседе на 1861 г.», затем в 1909 г., в полном собрании сочинений А.В. Кольцова под редакцией А.И. Лященко, в 1926 г. А.М. Путинцев издает пословицы в «Трудах Воронежского университета». Последний раз пословицы и поговорки издавались в 1958 г. в 2-х томном собрании сочинений изд-ва «Советская Россия» и в повторном издании 1961 г. Сейчас эти произведения также труднодоступны читателям.



Во второй половине XX в. вышел целый ряд статей и книг, посвященных творчеству А.В. Кольцова, проблемам фольклоризма, а также его собирательской деятельности, истории находки «кольцовских тетрадей» в конце 50-х гг. Петром Дмитриевичем Уховым – доцентом кафедры фольклора МГУ.

Не случайно именно в Воронеже, на родине Кольцова, на кафедре теории литературы и фольклора Воронежского государственного университета возникла идея собрать вместе все произведения фольклора, записанные А.В. Кольцовым, а также важнейшие статьи фольклористов и литературоведов, посвященные этой проблеме. А.М. Путинцев, В.А. Тонков, С.Г. Лазутин, А.И. Кретов, Я.И. Гудошников, В.А. Павлова, Б.Т. Удодов, О.Г. Ласунский,

В.М. Акаткин и многие другие раскрыли в своих научных трудах своеобразие творчества поэта, воспевшего труд, мысли и чувства русского крестьянина.

Наш сборник начинается предисловием профессора В.М. Акаткина «Параллельные миры» и состоит из нескольких разделов: первый раздел – «Тексты» и второй – «Исследования».

В разделе **«Тексты»** публикуются 48 песен, записанных А.В. Кольцовым, по изданию 1968 г. (Песни, собранные писателями: новые материалы из собрания П.В. Киреевского / Литературное наследство. – М., 1968. – Т.79., с. 290–338). Песни в записях Кольцова публикуются нами в том порядке и в том виде, как они были опубликованы в 79 томе «Литературного наследства», т.е. по его пяти тетрадям, порядковая нумерация (1–48) дается также по изданию 1968 г.

Затем следуют комментарии И.М. Колесницкой и А.Д. Соймонова, содержащиеся также в 79 т. «Литературного наследства», с. 334–338. Потом даются 21 современный вариант воронежских песен, собранных А.В. Кольцовым. Они взяты из сборников воронежских песен под редакцией С.Г. Лазутина (1962, 1974, 1978, 1991 гг., из сборника «Песни и сказки Черноземного края России», 2006), из архива кафедры. Данную подборку текстов и сравнительные комментарии к ним подготовила Т.Ф. Пухова. Нотные записи песен сделаны сотрудником лаборатории народной культуры А.А. Чернобаевой.

После публикации песен следует тексты пословиц, поговорок и присловий, собранных А.В. Кольцовым. Они издаются в соответствии с современными нормами орфографии по собранию сочинений А.В. Кольцова 1958 г. К этому собранию пословиц добавлены 35 пословиц из приложения к статье А.М. Путинцева, ненапечатанных в издании А.И. Лященко.

Заканчивается раздел «Тексты» публикацией (по изданию 1958 г.) шести писем А.В. Кольцова 1837 и 1839 гг. о народном искусстве, о том, как шла запись песен, какие задачи для себя при этом ставил поэт.

Во втором разделе **«Исследования»** издаются статьи известных российских и воронежских фольклористов о А.В. Кольцове – собирателе фольклора.

Первой публикуется статья П.Д. Ухова «Кольцов – собиратель народных песен», – исследователя, который обнаружил в 1958 г. пропавшие записи А.В. Кольцова и сделал первый анализ этого материала («Подъем» (Воронеж), 1958, № 6, стр. 93–96.).

Затем следует статья И.М. Колесницкой «А.В. Кольцов и народная поэзия» (в серии «Литературное наследство» (Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П.В. Киреевского. – т. 79,

1969, с. 281–289), в которой подробно излагается история собирания А.В. Кольцовым фольклорных произведений и дается сопоставительный анализ стихотворений поэта и собранных им народных песен.

Об истории собирания и издания пословиц, поговорок и присловий, собранных А.В. Кольцовым, говорится в статье А.М. Путинцева «А.В. Кольцов как собиратель русских народных пословиц», написанной им в 1926 г. А.М. Путинцев впервые *полностью* опубликовал кольцовский рукописный сборник пословиц и дал исчерпывающий комментарий. Мы в своем сборнике публикуем пословицы, опираясь именно на это издание. (А.М. Путинцев. А.В. Кольцов, как собиратель русских народных пословиц // «Труды Воронежского университета», педагогич. фак-т, т. 3, 1926, с. 75–94. Также отд. оттиск; Воронеж, 1926. 20 с.). Пословицы печатаются в соответствии с современными правилами орфографии, за исключением пословиц с диалектизмами.

Небольшая статья В.А. Тонкова «Народные песни, пословицы, и поговорки, записанные А.В. Кольцовым» предваряет раздел с этими произведениями в 2-х томном собрании сочинений А.В. Кольцова 1958 г. (А.В. Кольцов. Сочинения в 2-х тт. – М. Изд-во «Советская Россия». – Т. 2, с. 181–184).

Затем дается статья А.М. Новиковой «А.В. Кольцов – собиратель народных песен Московской губернии», в которой рассказывается об уникальных записях поэтом хороводных, игровых и шуточных песен, сделанных им в Московской губернии, делается сравнительный анализ современных вариантов этих песен, приводится их нотная запись (Филологические записки. Серия литературы и фольклора. – Воронеж, 1971. – с. 86–101).

Завершает этот раздел статья воронежской фольклористки В.А. Павловой «Кольцов – собиратель воронежского фольклора» (Филологические записки. Серия литературы и фольклора. – Воронеж, 1971. – с. 102–112) В ней исследовательница прослеживает маршруты прасоловских поездок А.В. Кольцова по Воронежской губернии и доказывает, что, «судя по обилию собранного А.В.Кольцовым материала, по точности записей, сохранению диалектных особенностей, вполне можно рассматривать поэта как одного из непосредственных предшественников ученых-фольклористов 60-х гг.».

В конце сборника дается «Словарь устаревших и диалектных слов» к песням и пословицам, включающий 69 слов, составленный О.М. Скляр. В оформлении и подготовке к публикации участвовали сотрудник лаборатории народной культуры им. проф. С.Г. Лазутина Ж.В. Фомичева и художник-оформитель Г.В. Марфин.

Доц. Т.Ф. Пухова

I

ТЕКСТЫ

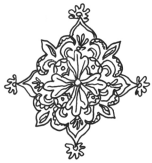
ПЕСНИ, СОБРАННЫЕ А.В. КОЛЬЦОВЫМ

№ 1

Как у князя было, князя,
У князя Волконского,
Собиралася беседа,
Беседа веселая;
Они пили и гуляли,
Прохлаждалися,
Молодыми женами
Князья похвалялися.
Выхвалялся князь Волконской
Молодой княгинею.
– Не хвались, Волконской князь,
Ты своей княгиней.
Как твоя ли та княгиня
Живет с Ваней клюшничком.
Живет-поживает
Ровно три годочка.
На четвертой на годочик
Князечик доведался,
Как взошел Волконской князь
На свой на высок балкон
Закричал Волконской князь
Своим громким голосом:
– Уж вы, слуги мои, слуги,
Слуги мои верный!
Вы послы мои, послочки,
Послы мои скорыя!
Вы пойдите приведите
Ко мне Ваню клюшника.
Уж как стану я Ваню,
Ванюшку допрашивать:

– Ты скажи-скажи, Ванюша,
Скажи, варвар мой,
Со которой поры-времени
Ты живешь с княгинею?
– Уж я знать тово не знаю,
Ведать, князь, не ведаю,
Со которой поры-времени
Живу я с княгинею.
Закричал Волконской князь
Своим громким голосом:
– Уж вы, слуги мои, слуги,
Слуги мои верныя!
Вы послы мои, послочки,
Послы мои скорыя!
Вы берите лопатки,
Лопатки железныя,
[Вы берите веревки,
Веревки куровыя],
Ройте вы, копайте
Ямочки глубокия,
Становите столбики,
Столбики точеныя,
Да кладите переклады,
Перекладины дубовыя,
Берите-вяжите
Петелку куровую.
Вешайте-цепляйте
Ванюшку за шеюшку.
Как возговорит Ванюша
Своим тихим голосом:
– Прикажи ж ты мне,
Волконской князь,
При смертной кончине
Заиграть в последний раз
Любимую песню:
«Во саду ли, во садочке,
В садику зеленом
С молодой княгиней
Было там погуляно,
И во сахарны уста
Было поцеловано».

Как со вечера Ванюшу,
Ванюшку повесили,
Сы полуночи Ванюша,
Ванюшка качается.
Молодая же княгиня
В постели кончается.



№ 2

Ой Иван, ой Иван,
Иван – девичий обман!
Ой що ж, ну да що ж,
Говори, милай, що хошь.
Ох, што ж ты, Иван,
Вчера в гости не бывал?
Ой що ж и прочее.

Под каждым куплетом
писать все припевы.

Сударушка ты моя,
Мне времечко заняла,
Мне времечко заняла:
Жена сына родила.
Я сам банюшку топил,
Сам за бабушкой ходил,
Сам за бабушкой ходил,
Попа в дом приводил.
Поп молитву прочитал,
Сыну имя нарекал,
Сыну имя нарекал,
Пантелюхой называл.
Мой Пантюха невелик –
Во всю лавочку лежит.
Во всю лавочку лежит,
Под ним лавочка дрожит.
Он на дыбки встал,
Потолок достал,
Потолочина упала:
Попу в голову попала
Ой що ж, ну да що ж,
Говори, милай, що хошь.

№ 3

Попляшите, девушки,
Да попляшите, молодушки.
Ой, лёль, лёли, лёли, лели;
Лель, лели, лели, лёль, лели, ле.
Молодушки, попляшите,
Меня, младу, повеселите.

И протчие у каждого куплета припев писать весь.

У меня ли муж ревнивой,
Муж ревнивой, кропотливой.

Долго с вечера гуляет,
Поздно дома не бывает.

Поздно вечером приходит,
В страх меня, младу, приводит.

Заставляет разувати,
Постелюшку стлати.

На кроватушку ложится,
На край носом воротится.

Пойду, млада, за водою,
Сунусь в пролубь головою.

Оставайся, чёрт с тобою,
Не ломайся надо мною.
Ой, лёль, лели, лёли, лели;
Лёль, лели, лели, лёль, лели, ле.

№ 4

Приехали купчики с-под Москвы,
Приехали купчики с-под Москвы.
Ох люли, с-под Москвы,
Люли-люли, с-под Москвы.
Привели коника под ковром,
Привели коника под ковром.
Ох люли, под ковром,
Люли-люли, под ковром.
Да повели его до воды,
Да повели его до воды.
Ох люли, до воды,
Люли-люли, до воды.
Конь стоит, воды не пьет,
Конь стоит, воды не пьет.
Ох люли, он не пьет,
Люли-люли, он не пьет.
Он копытом камень бьет,
Он копытом камень бьет.
Ох люли, камень бьет,
Люли-люли, камень бьет.
С тово камня огня нет,
С тово камня огня нет.
Ох люли, огня нет,
Люли-люли, огня нет.
В моем милом правды нет,
В моем милом правды нет.
Ох люли, правды нет,
Люли-люли, правды нет.

№ 5

Как на сосне, на елине,
На самой вершине,
Как на самой на вершине
Стоял нов домик.
Во том ли во домике
Высокой балконик.
Как на том ли на балконе
Капитан гуляет,
Капитан гуляет,
В гитару играет,
Он в гитару-то играет,
Себя забавляет.
Степанида приходи(ла),
Речи говорила:
– Ты, послушай, капитан,
Рассуди, пожалуй,
Твоей роты подпорутчик
Мою дочь обидел.
…….
……..
…….
*
…….

* Точки поставлены Кольцовым. – Ред.

№ 6

Матушка, матушка, головка болит,
Сергун-моргун, моргунчики,
Головка болит.
Дитятко милое, свяжи хоть платком,
Сергун-моргун, моргунчики,
Свяжи хоть платком.
Матушка, матушка, платок короток,
Сергун-моргун, моргунчики,
Платок короток.
Дитятко милое, возьми хоть другой,
Сергун-моргун, моргунчики,
Возьми хоть другой.
Матушка, матушка, головка болит,
Сергун-моргун, моргунчики,
Головка болит.
Дитятко милое, на печку полезь.
Сергун-моргун, моргунчики,
На печку полезь.
Матушка, матушка, сноха на печи,
Сергун-моргун, моргунчики,
Сноха на печи.
Дитятко милое, сноха там одна.
Сергун-моргун, моргунчики,
Сноха там одна.
Матушка, матушка, ведь я родила,
Сергун-моргун, моргунчики,
Ведь я родила.
…….
Сергун-моргун, моргунчики,
…….
Матушка, матушка, сходи за попом,
Сергун-моргун, моргунчики,
Сходи за попом.
……..... ведь поп не пойдет.
Сергун-моргун, моргунчики,
Ведь поп не пойдет.
Матушка, матушка, сули пять холстов,
Сергун-моргун, моргунчики,
Сули пять холстов

… да он не возмет.
Сергун-моргун, моргунчики,
Да он не возмет.

№ 7

Ты взойди, ты взойди, красно солнушко,
Взойди над горою,
Взойди над высокой.
Обогрей нас, добрых молодцов,
Добрых молодцов,
Удалых бурлак,
Удалых бурлак, бездомовников.
Мы не воры ведь,
Не разбойнички,
Атаманы все мы, охотнички,
Уж мы души, души
Мы не губливали.
Через три поля, на синем море
Плывут два кораблика,
Два кораблика,
Третья лоточка.
Хорошо лоточка изукрашена,
Кругом гребцами
Лотка остановлена,
Белым парусом наряжена,
Царскою казною
Сресь насыпана.
На корме сидит есаул с веслом,
На носу сидит
Атаман с ружьем,
На казне сидит красна девушка,
Атаманова
Слезно девушка, слезно плакала,
На духу попу
Она каилась:
– Я зарезала своево брата роднова,
На ножу его
Сердце вынула.
На ножу сердце встрепенулося,
Альни девица
Усмехнулася.

№ 8

Милые дружки-целовальнички,
Они пьют-едят чужое,
Носят краденое.
Они день сидят толкают,
Вечер денежки щитают,
Вечер денежки щитают,
Ночь по девушкам гуляют.
Ой, нет таких воров,
Что портных мастеров.
Они платьеце кроят
И лоскутики таят.
По подворью девушка идет
И водицу несет.
Коромыслицы кипаресовые,
Ведерцы дубовые,
Коромыслица гнется,
Свежа-свежа, свежа вода льется,
Девушка смеется.
Молодой детинка
В окошичко смотрит,
Тяжело вздыхает,
Сам плачет-рыдает.
Ты б, моя милая,
Пореже ходила,
Иных не любила.
Сушит-крушит молодца
Чужа дальня сторона.
За рекою слободка стоит,
В слободушке домик,
Во домике вдовушка,
У вдовушки девушка,
Зовут ее Аннушка,
Белая лебедушка.
Она меня иссушила,
Она сокрушила,
Вынула румянец
Из белова из лица
Удалова молодца.
Уж не милы мне без ней

Ни болоты, ни луга.
Веселила лишь одна
Сударушка моя
На питейные дома.

№ 9

Ты воспой, ты воспой, душа соловьюшек
Весной при долине,
И- и – при долине.
Взвеселишь меня, раздоброва молодца,
При горе-кручине,
И- и – при кручине.
Да я сам тебе, душа соловьюшек,
Я сам пригожуся,
И- и – пригожуся.
Я срублю тебе, душа соловьюшек,
Клетку кленовую,
И- и – кленовую.
Я поделаю тебе, душа соловьюшек,
Снасти золотыя,
И- и – золотыя.
Я сплету тебе, душа соловьюшек,
Сетку шелковую,
И- и – шелковую.
Я насыплю тебе, душа соловьюшек,
Яровой пшеницы,
И- и – пшеницы.
Рассычу я тебе, душа соловьюшек,
Сахарной сытицы,
И- и – сытицы.
– Не мила твоя, раздобрыя-т молодец,
Клетка кленовая,
И- и – кленовая.
Не милы твои, раздобрыя-т молодец,
Снасти золотыя,
И- и – золотыя.
Не светлы твои, раздобрыя-т молодец,
Сетки шелковыя,
И- и – шелковыя.
Не скусна твоя, раздобрыя-т молодец,

Ярова пшеница,
И- и – пшеница.
Не сладка твоя, раздобрыя-т молодец,
Сахарна сытица,
И- и – сытица.
Уж ты выпусти меня, раздобрыя-т молодец,
Соловья, на волю,
И- и – на волю.
Я тогда тебе, раздобрыя молодец,
Тогда заиграю,
И- и – заиграю.
Я тогда твою, раздобрыя-т молодец,
Тоску разгуляю,
И- и – разгуляю.

№ 10

Никому так не досталось,
Как мне, горькой сироте,
Съела рыбушку живую –
Трепещится в животе.
Мне морковки захотелось,
Я на рыночик пошла;
Хороша у нас деревня.
Только улица грязна,
Хороши у нас ребяты
Только славушка худа.
Называют их ворами
И разбойниками.
– Мы не воры ведь,
Ни разбойнички,
Удальцы-молодцы,
Рыболовнички.
Уж мы рыбушку ловили
По сухим бережкам,
Закидали невода
Под богатыя дома,
По анбарам, по клетям,
По конюшинкам.
Мы поймали осетра
У дядюшки у Петра,
Сивую кобылу
Да гнедова жеребца.
Вот как матушка старинка
Нас научивала:
– Если по лесу пойдете,
Вы не бойтеся,
Вы не каркайте,
Не шумархайте.
Ко двору ли подойдете,
Вы не бойтеся,
А заборы разбирайте,
Мало стукайте;
А в конюшенку взойдите,
Хозяина вспомяните:
– Уж ты здравствуй, хозяин,

Со хозяюшкою!
У них черная собачка
Побрехивает,
Сам хозяин со женою
Покряхтывает.

№ 11

По лужочку гуляла,
По лужочку девушка гуляла;
Злы коренья девушка
Рвала-вырывала.
Накопавши злы коренья,
На Дунай-реку пошла,
На Дунае на реке
Чисто-начисто их мыла;
Перемывши злы коренья,
Мелко-намелко крошила;
Искрошивши злы коренья,
Мелко-намелко толкла;
Истолокши злы коренья,
В меду-патоке варила;
Развaривши злы коренья,
В темном погребе томила;
Потомивши злы коренья,
К себе друга позвала,
Друга в гости зазвала,
Во спаленку повела,
На кроватку посадила,
Стакан меду поднесла,
Стала милости просить:
– Уж ты выпей, друг мой, выпей,
Выпей, доброй молодец,
Ты почу(в)ствуешь, дружочик,
Какова моя любовь.
– Ах ты, девушка злодейка,
Твою вижу я любовь,
В мое сердце ретивое
Словно камушек упал.
Ты сулилася, злодейка,
С света белова известь,
Так сумей же ты, каналья,
Куда тело схоронить.
Схорони мое ты тело
Между трех больших дорог:
Между Тульской, между Курской
И Тамбовскою большой.

Положи ты с моим телом
Сбрую ратную мою,
Положи ты, не забудь,
Золот перстень с вензелём;
Закопай мою могилу
Мелким желтеньким песком.

№ 12

Уж мне нынешний день скука, 2
Еще скука – что разлука, 2
Разлучает нас невольна,
Чужа дальния сторонка, 2
Питербурская дорожка,
Московская широкая. 2
Сколько раз по ней езжала,
Много горя принимала. 2
В слезах письма я писала.
Пишу письма, не доходят,
Слуги верны не доносят,
К буйным ветрам относят.
Уж вы, ветры-ветерочки,
Осенние вихорочки! 2
Не бушуйте вы, буйныя,
Не мутите синя моря, 2
Не пужайте белу рыбу.
Сине море всколыхалось,
Бела рыба испугалась, 2
Знать, поехал миленькой жениться
На душе красной девице,
На названой на сестрице. 2
Она тем ли ему лутче,
Что живет поближе. 2
Взойду на гору крутую,
Сломлю травушку-крапиву,
Брошу в быстры реку.
Тонит ли крапивка-травка?
Тужит ли по мне друг милой?
Ох, не тонит травушка-крапива,
Знать, не тужит по мне милой.
Нет, нас с милым не разлучит
Матушка родная.
Разве в те поры разлучит,
Когда в гроб меня положут,
Гробовой доской накроют, 2
И в могилушку поставют, 2
И желтым песком засыпют, 2
Резвыми ножками притопчут, 2
Зарастай, моя могила, 2

Ты травою-муравою, 2
Полынь горькою крапивой. 2

№13

Ты корчма моя, корчма,
Корчма польская,
Королевская!
Как во той ли во корчме
Шинкарочка сидит,
Шинкует шинкарка
Пивом и вином 2
И сладким медком.
Как и шли прошли
Чумак да бурлак,
Да третий казак.
Как бурлак-ат пьет,
Серебро кладет;
А чумак-ат пьет,
Червонцы кладет;
А казак-ат пьет,
Нечево не кладет,
Не кладет, не дает,
Шинкарочку манит:
– Шинкарочка, шинкарочка,
Пойдем со мной на Дон,
На тихой Дунай.
Как у нас ли на Дону
Да не ткут, не прядут
И не ткут, не прядут,
Хорошо живут,
Горилочку пьют.

№ 14

Зеленая роща
Всю ночь прошумела,
А я, молоденка,
Всю ночку не спала,
Всю ночку не спала,
Сидела все пряла.
Пряди ж, моя пряха,
Пряди, раскурваха,
Да пряди ж, моя пряха,
Пряди не ленися.
Я бы рада пряла,
Да льну не достала,
Купить опоздала.
Да меня, младу-младешенку,
Меня в гости звали
Ко соседу в беседу.
Сосед свою дочку,
Сосед свою дочку
Замуж выдавает.
Приехали к соседу,
Приехали двое,
Да приехали двое
На вороных конях
В белых балахонах,
В белых балахонах.
Шапочки с углами,
Молодцы с усами,
Молодцы с усами,
Они стоят перед нами,
Словно пред князьями.
Один парень холост,
Холост-неженатой,
Белой кудреватой.
То-то мой милой,
То-то мой любезной.

№ 15

Ни по горам я ходила,
Ни во трубы я трубила,
Всё бы с милым говори(ла).
Друг мой милый чернобровой,
Не садись против меня,
Люди скажут: любишь меня,
Если любишь, мил, скажися,
А не любишь – откажися.
Закладайте лёхки санки,
Я поеду к другу в гости.
Сашинка навстречу выходила,
Милая навстречу выходила,
Ваня с саночек слезает,
Со здоровьем поздравляет:
– Здраствуй, мила<я>, как живеши?
– Я живу ли поживаю,
Все с купцами пребываю,
Все с купцами молодцами.

№ 16

Во сыром-та бору брала Маша ягодки,
Она, бравши ягодки, заблудилася,
Заблудившись, приаукнулась:
– Ты ау, ты ау, мил сердечной друг.
– Не аукайся, моя Машинка,
За мной ходят здесь три сторожа:
Первой сторож – тесть мой батюшка,
Другой сторож – теща матушка,
Третий сторож – молода жена.
Ты взойди-ка взойди, туча грозная,
Ты убей-ка громом тестя-батюшку,
Молоньей ты сожги тещу-матушку,
Лишь не бей ты, не жги молодой жены.
С молодой женой сам я справлюся,
Я слезами ее – слезьми вымочу,
Я кручинушкой жену высушу,
Во сыру землю положу ее,
А тебя, Машинка, за себя возму.

№ 17

…….
А подруженки ожидать,
Будет миленкой пенять.
Пойду с горя за водою,
Возму перстень я с собою,
Пущу перстень по воде,
Он не мокнет, не плывет,
Прочь от девушки нейдет.

№ 18

Поп ты чудила, поп буян
Безобразно всегда пьян,
Разбессовес(т)ны глаза,
Куда дел ты образа?
Образов ты не нашел,
Так домой поп пришел,
Попадью послал искать.
Попадья не нашла,
Так домой опять пришла,
К попу грубо приступила,
Попа за косы рвала.
Поп с досады побежал
Ко Танюшки во терем.
Как увидели попа
Три сержанта из окна,
Они хлопнули окно,
Побежали за попом.
Три сержанта приходили,
С Таней грубо говорили.
Учливо Таня отвечала:

– Вы, сержанты молодцы,
Вы зачем ко мне пришли?
– Нам не надобно тебя,
А нам выдай лишь попа,
За молебен денег дать,
За молебен заплачу,
С попа рясу сколочу.
Поп увидел, что беда,
Он кидается с окна
Из третьего этажа.
Поп по улице бежал,
Никто попа не держал.
Поп увидел, что не время,
Ухватил портки в беремя,
Ко заставе подбежал,
Солдат ружьем удержал,
Три оплеухи попу дал.

№ 19

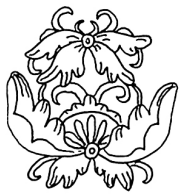
Танюшка, Татьяна,
Соседка моя!
Почему же, Татьянушка,
По мыслям пришла,
По моему разуму
Молодецкому?
По горенке Таня ходит,
Головку чешет,
Чешет Таня головушку
И косу плетет,
Букетову алу ленту
В косу вплетает,
А другую, голубую,
На шею кладет,
Третью, разноцветну,
Подпоясывает.
Иванушка Танюшку
Стал спрашивати:
– Скажи, скажи, Танюша,
Кто ленты купил?
– Букетову алу ленту
Мой батюшка купил,
А другую, голубую,
Милой подарил,
Третью, разноцветну,
Сама нажила.
Иванушка Танюшку
Зовет в темный лес:
– Пойдем, пойдем,Танюша,
В темной лес гулять.
Вырыем черемушку
Что молодинкую,
Посадим черемушку
У себя во саду,
У себя в саду-садочке
Под красным окном,
Будем мы черемушку
Чаще поливать.
Нельзя черемушку

Зелену ломать,
Не выбравши красну девку,
Нельзя замуж брать.
Я выберу-повысмотрю,
Возьму за себя.
Поил-кормил сударышку,
Все прочил себе,
Досталась любезная
Иному, не мне,
Иному, немилому,
Злодею моему.

№20

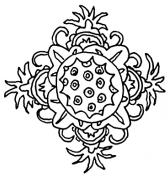
От еды младу отбило
Бражка в горлушко нейдет,
Аи люли, аи люди,
Бражка в горлушко нейдет,
Все мерещится детинка
Наяву мне и во сне,
Где не встретится со мною,
Взбудоражится все во мне.
Как мил пройдит да не взглянит,
То морозом подерет.
Вдоль спины он перпояшит
Хворостиной аль кнутом,
А мне за чисть * и не больно.
Хоть малиной не корми.
Одно слово милой скажит:
– Окаянна лихорадка,
Привязалася, отстань!
Захотелось мне марковки,
Я на рыночик пошла.
Все Петровки исходила,
Я марковки не нашла
Ни в Тихинки, ни в Полянки,
Ни в Охотном ряду нет.
Я дождуся той поры,
Как наедут торгаши,
Молодчики хороши,
Накуплю шелку белова,
Я краснова кумачу,
Ширинoчек настрочу.
Я дождуся тово парня,
Как овин пойдет сушить.
Он подарочик примет,
Он погуторит со мной.
Если хочешь разгуляти,
Были б денежки с тобой.
Когда пьян будешь валяться,
Возьми Губкина с собой.
Играл Губкин на гитаре,
А Тритон белой плясал,

А Петрушка косолапой
Наливал пива стакан,
Павел с рыжей бородою,
Взявши скрыпку, заиграл,
Развернулся, топнул он ногою,
Себя за бороду рвал.
Что такое за собранье
Появилось ныне здесь,
Все народное гулянье,
Без цыганок негде сесть,
Торбанисты с торбанами,
Будто черти с кистенями,
Подойти к ним не велят.
А цыганки, рожи сморщив,
На них издали глядят.
* Честь. – Ред.



№ 21

Пойду выду на крыльцо,
Не увижу ль милую в лицо.
Перед молодцом девчонка
Призадумавшись стоит. 2
Не ты ль меня, сударушка,
Повысушила,
Без лютова мороза
Сердце вызнобила.
Пустила сухоту
По белому животу,
Рассыпала печаль
По моим по очам,
Заставила знать
И чужую сторону.
Приневолила любить
Чужу-мужнюю жену.



№ 22

Чтой-то за сердце
Все во мне изныло.
Ляли, лели, лели,
Все во мне изныло.
Сердечново друга
Верно полюбила.
Чтой-то за милой,
Что за любезной:
Не дает покою
Ночною порою,
Принуждает милой
Всегда быть с собою.
Не смутить бы очи,
Сидеть до полночи.
Видишь, я страдаю,
А ты лицемеришь,
Милой, лицемеришь,
Сушишь, не жалеешь.
Али позабыл,
Как прежде-та любил,
А ныниче, радость,
Любовь перменил,
Любовь перменил,
Других полюбил.
А иная-то милая,
Чем меня полутче?
Лицом не белее,
Бровью не чернее.
Разве тем полутче,
Что живет поближе,
Что живет поближе,
Ходит поснарядней,
Ходит поснарядней
Да глядит почище,
Да глядит почище,
Да целует послаще.

№ 23

	Мучаюсь, мальчик, я страдаю,
о, ай	Что далеко милая живет,
а	Живет, радость, за горами
а, ой	Между двух гор высоких.
	Между двух гор высоких
а	Там слободушка стоит,
ой	В этой новой во слободке
	Там сударушка живет.
	Как бы знал я про нещастье,
а	Сам бы в гости к ней сходил,
ой	Всеё правду ой расспросил:
	– Скажи, радость ты *ой* моя.
	Верно любишь ли меня?
	Если, радость, верно любишь,
а	Возьму замуж за себя, *ой,*
а	Если, радость, ты не любишь,
ой	Убью, мальчик, сам *а* себя *ой.*
	Подпишу я свое *аа* имя,
	Что я, мальчик, верен был,
	Одноё тебя любил.
	Со восточной со сторонки
	Воздух повеваит,
	Знать, моя любезная
	Под окошечком *аи* сидит,
ой	Таки речи говорит:
	– Как и что это за годы
	За тяжелыя пришли,
	Что это за люди
	Неразгадливыя.
	Будто эти сами люди
	Молоды не бывливали *ии*
	Никакой они любов<и>
	Аль не важывали?

№ 24

Не могу я разгуляться,
Тоски-горя разогнать.
Слышит мое сердце,
Долго мне уж не видаться
Со любезным со своим.
Пойду с горя на быструю речку,
Сяду я, сяду на крутой бережок,
Я сидела, девушка, глядела,
Увидала тень свою в воде,
Тень сухая, тень моя холодна,
Со мной нету никаво, *оо*.
Из лесочка было полегонку
Выезжает мой милой,
Он на вороном на коне,
На черкасском на седле:
– Здравствуй, милая моя забава,
Я прощаюся с тобой,
Я теперя отъезжаю.
В славен город Питербург.
Я недолго там пробуду,
Назад скоро ворочусь, 2
Подарочков тебе привезу.
А первой ли подарок –
На голову алинкой платок,
А другой тебе подарок –
На шеюшку жемчушку,
Третий ли подарок –
На руку золот перстенек.
Как на этом перстенечки
Вся написана наша любовь.

№ 25

Ни под свет заря занималася,
Ай люли, люли, занималася.
Ни красно солнце выкаталося,
Мой распостылой муж во постелю слёх,
Во постелю слёх, постель мяхкую,
На перинушку на пуховую.
На кроватушку на тесовую.
Захотел пострел ключевой воды,
Ключевой воды со Дунай-реки,
Приказал постыл в три часа сходить,
В три часа сходить в три минуточки.
В первой час я туда дошла,
А в другой час воду черпала,
А во третий час ко двору пришла.
Мой высок терем растворен стоит,
Все окошечки прираскрытыя,
Разнегодный муж во гробу лежит,
Отец с матерью в головах стоят,
Молода жена во ногах стоит,
Во ногах стоит, думу думает,
Думу думает, думу крепкую:
– Как не плакати – вся исплачуся,
А не плакати – от людей стыдно.
Как одна слеза покатилася,
Да и та назад воротилася.
Мой негодный муж из мертвых востал,
Из мертвых востал, целовать начал.

В хороводе молодой парень ложится наземь. В головах стоят вместо отца и матери парень с девушкой, а в ногах вместо жены – девушка. Хоровод поет песню. Девушка, заменяющая жену, в конце песни плачет. Мертвый встает, целуется с ней. Весь хоровод грохочет наповал.

№ 26

Я сажу-сажу капустку,
Сажу белинкую – аи ли-ли-люли,
Сажу белинкую.
У кого нет капусты,
Иди к нам в огород,
Иди к нам в огород
Да капустку полоть.
Ваня взял тычину,
Пришел к нам в огород,
Пришел к нам в огород
Да капустку полоть.
Он капусты не ломал,
Красных девок выбирал,
Выбирал он, выбирал,
За белыя руки брал,
За белыя руки брал,
За себя становил,
За себя становил,
С собой спать положил.
В небе белая заря,
Пора, милой, со двора,
На улице белой свет,
Погляжу за милым вслед:
Куда ж миленкой пошел,
Куда скоро побежал?
Он зашел, пострел, зашел
Ко Дуняше вдовиной.

№ 27

Как под лесом под темным
Шелкова трава,
Ай люли, аи люшинки,
Шелкова трава.
По травушки по муравушки
Девок хоровод.
Ходил-гулял донской казак,
В гудочик играл,
Играл-играл, выигрывал,
Невест выбирал.
Выходила девчоночка
Тонка, высока,
Танёшинка, равнешинка,
Собой высока.
– Хорошая-пригожая,
Поди за меня!
А не пойдешь, вспокаешься,
Вспомянешь меня.
– Пойти сперва к соседушкам
Спросить про тебя:
Соседушки-шабровушки,
Каков человек?
Соседушки-шабровушки
Не хвалят тебя.
Ой, под лесом под темным
Шелкова трава,
По травушки по муравушки
Девок хоровод.
Ходил-гулял донской казак,
В гудочик играл,
Играл-играл, выигрывал,
Невест выбирал.
Выходила девчоночка
Тонка, высока,
Танёшинька, равнешинка,
Собой хороша.
– Хорошая-пригожая,
Поди за меня!
А не пойдешь, вспокаешься,

Вспомнишь меня.
– Пойду сперва к соседушкам
Спрошу про тебя:
Соседушки-шабровушки,
Каков человек?
Соседушки-шабровушки
Не хвалят тебя:
– Он пьяница-пропойца,
Пропьет и тебя.
Ой, под лесом под темныим
Шелкова трава,
По травушки, муравушки
Девок хоровод.
Ходил-гулял донской казак,
В гудочик играл,
Играл-играл, выигрывал,
Невест выбирал.
Выходила девчоночка
Тонка, высока,
Танёшинка, равнешинка,
Собой хороша.
– Хорошая-пригожая.
Пойди за меня!
А не пойдешь, вспокаишься,
Вспомянишь меня.
– Пойтить сперва к соседушкам
Спросить про тебя:
Соседушки-шабровушки,
Каков человек?
Соседушки-шабровушки
Все хвалят тебя,
Соседушки-шабровушки:
Доброй сосед.

№ 28

В селе, селе Измайлове,
Калина, малина,
В приселочке Черкесове,
У дуба ли у сырова
Сидит девушка красавица.
Не так сидит –
Тачот пояс,
Тачот пояс
Разных шелков
Семи цветов,
Семи цветов
Рассыпчатых.
Она точот,
Слезно плачит:
– Кому ж я достануся?
Достанусь ли я старому,
Как старой муж
– Неровня мне,
Не под ровню, не по росту.
Он спать идет
– Кахи, кахи!
Вставаючи, перхаючи.
Меня, младу, горе берет,
Кручинушка великая.
В селе, селе Измайлове,
В приселочке Черкесове,
У дуба ли у сырова
Сидит девка красавица.
Не так сидит
Тачот пояс,
Тачот пояс
Разных шелков,
Разных шелков
Семи цветов,
Семи цветов
Рассыпчатых.
Сама точот,
Слезно плачит:
– Кому же я достануся?

Достанусь ли я малому,
Как малой муж –
Неровня мне,
Не под ровню, не по росту.
Он спать идет,
Сам слезы льет,
Вставаючи, рыдаючи.
Меня, младу, горе берет,
Кручинушка великая.
В селе, селе Измайлове,
В приселочки Черкизове,
У дуба ли у сырова
Сидит девка, что ягода.
Не так сидит –
Тачот пояс,
Тачот пояс
Разных шелков,
Разных шелков
Семи цветов,
Семи цветов
Рассыпчатых.
Она тачот,
Песни поет:
– Кому же я достануся?
Достанусь я ровнюшки.
Он спать идет,
Песни поет,
Вставаючи, играючи.

№ 29

Винной мой колодесь,
Винной мой глубокой,
А что в тебе воды нет? 2
– Конь воду выпивал, 2
Копытами выбивал. 2
Нашева Ивана 2
Дома не случилось, 2
Поехал наш Иван 2
В Казань-город погулять. 2
Приехал наш Иван 2
Из Казани-города, 2
Привез наш Иван 2
Казанскую умницу. 2
– Казанская умница, 2
Стели ты постелюшку. 2
Винной мой колодесь, 2
Винной мой глубокой, 2
А что в тебе воды нет? 2
– Конь воду выпивал, 2
Копытами выбивал. 2
Нашева Ивана 2
Дома не случилось, 2
Поехал наш Иван 2
В Каширу погулять. 2
Приехал наш Иван 2
Из Каширы-города, 2
Привез наш Иван 2
Каширскую умницу. 2
– Каширская умница, 2
Клади изголовьеце. 2
Винной наш колодесь,
Винной наш глубокой,
А что в тебе воды нет? 2
– Конь воду выпивал, 2
Копытами выливал. 2
Нашева Ивана 2
Дома не случилось, 2
Поехал наш Иван 2
В Москву-город погулять. 2

Привез наш Иван 2
Московскую умницу. 2
– Московская умница,
Ложись со мной спать. 2

№ 30

Течет речка
Вниз по камушкам,
Ай люли-люли
Вниз по камушкам.
По новым сеням,
По чистым ступеням
Кто охоч гулять,
Передайся к нам,
У нас молодцы
Есть хорошие:
Первой молодец –
Алексей сударь,
Другой молодец –
Ларион сударь,
Третий молодец –
Что Иван сударь.
Течет речка
Вниз по камушкам.
По новым сеням,
По чистым ступеням
Кто охоч гулять,
Передайся к нам,
У нас девушки
Есть хорошие:
Перва девушка
У нас Аннушка,
Друга девушка
Есть Агафьюшка,
Третья девушка –
Что Авдотьюшка.
Кто охоч гулять,
Передайся к нам.

№ 31

Что за диво та такое,
Офицер молодой,
Офицер молодой,
Под ним конь вороной,
Офицер молодой,
Под ним конь вороной. 2
Черна шляпа со пером,
Под ним конь вороной,
Черна шляпа со пером, 2
Аполеты с серебром,
Черна шляпа со пером,
Аполеты с серебром.
На нем шляпа-та смеется,
Аполеты говорят,
На нем шляпа-та смеется,
Аполеты говорят,
Золотая портупея
Улыбается на нем,
Золотая портупея
Улыбается на нем.
Черну шляпу скидает
Саши честь отдает:
– Здраствуй, Сашинка моя,
Дома ль матушка твоя?
Здраствуй, Сашинка моя,
Дома ль матушка твоя?
– Ни батюшки, ни матушки
Ни бывало никово,
Ни батюшки, ни матушки
Ни бывало никово, 2
Полезай ко мне в окно!
Ни бывало никово,
Полезай, сударь, в окно!
Офицер молодой
В окно руку протянул,
Казак плеткою стегнул,
Он лишь руку протянул,
Казак плеткою стегнул:
– Не боярска, сударь, честь

В окно к девушке лезть,
Не боярска, сударь, честь
В окно к девушке лезть.

№ 32

Как и я, молода,
И бела и румяна.
Ай що ж, ну да що ж,
Ну що ж, ягодка моя!
И бела и румяна,
Черноброва хороша,
Черноброва хороша
Чернобыль-траву рвала,
Гусей-лебедей гнала,
Гусей-лебедей гнала
Приговаривала:
– Привыкайте, мои гуси,
Ко студеной ко воде,
Ко студеной ко воде,
Ко Воронежу-реке,
Как и я молода –
Ко чужой семье,
Ко чужой ко семье,
Ко свёкрову ко двору,
Ко свёкрову ко двору.
Ходит свёкор во двору
Ходит свёкор по двору,
Расчесавши голову,
Расчесавши голову,

Разбумашавши бороду,
А свекровья на пече,
Как борзая на чепе,
Что борзая на чепе,
Держит гребень на плече.
А деверья, что кобелья,
По залавочью лежать,
По залавочью лежать,
По-собачьи говорять.
А золовки-колотовки
Под окошечком сидят,
Под окошечком сидят
Перешептывают,
Перешептывают,
Перговаривают.
– Вы, золовки-колотовки,
Не кутите, не мутите,
Не ку(ти)те, не мутите,
Сами в людях будете,
Сами в людях будете
И мне разумеете,
И мне разумеете,
Про меня вспомя (не)те.
Ой що ж, ну да що ж,
Ну що ж, ягодка моя!

№ 33

Весенняя песня

ио ой Ты стой, моя роща,
оой Ты стой, моя роща,
Стой, не расцветай,
Стой, не расцветай!
ой Стой, мил хороводец,
ой Стой, мил хороводец,
Стой, не расходись,
Стой, не расходись!
а ой Я в том хороводи,
а ой Я в том хороводи,
Молодчик, плясал,
Молодчик, плясал.
а ой Плясал я, молодчик,
а ой Плясал я, молодчик,
Водил я таночик,
Водил я таночик;
а ой Водил я таночик,
а ой Водил я таночик,
Сронил я веночик,
а ой Сронил я веночик,
а ой Сронил я веночик;
Против батюшки,
Против батюшки.
а ой Ты, батюшка, поди,
а ой Родимый, поди
Венок подыми,
Венок подыми!
а ой Батюшка нейдет,
Родимый нейдет,
Венка не несет,
Венка не несет.
То горе мое,
а ой То горе мое,
Гореваньице,
Гореваньице.
а ой Головка моя,
а ой Головка моя,

Победненькая,
Победненькая,
Сердечко мое,
Сердечко мое
Занывчатое,
Занывчатое,
а ой Занывчатое,
а ой Занывчатое,
Надрывчатое,
Надрывчатое.
а ой Ты стой, моя роща,
а ой Ты стой, моя роща,
Стой, не расцветай,
Стой, не расцветай!
Стой, мил хараводец,
Стой, мил хараводец,
Стой, не расходись,
Стой, не расходись!
Я в том хараводе,
а ой Я в том хараводе
Скакал я, плясал,
а ой Скакал я, плясал;
а ой Скакал я, плясал,
Таночик водил,
Таночик водил,
а ой Таночик водил.
Водил я таночик,
Сронил я веночик,
Сронил я веночик,
а ой Сронил я веночик
Против матушки,
Против матушки.
а ой Матушка, поди,
Родимая, поди,
Венок подыми,
Венок подыми.
а ой Матушка нейдет,
Родима нейдет,
Венка не несет,
Венка не несет.
а ой То горе мое,

а ой То горе мое,
Гореваньеце!
Головка моя,
Головка моя
Победненькая,
Победненькая,
а ой Сердечко мое,
Сердечко мое
Занывчатое,
Занывчатое;
Занывчатое,
Надрывчатое,
Надрывчатое.

а ой Стой ты, моя роща,
а ой Стой ты, моя роща,
Стой, не расцветай,
Стой не расцветай,
а ой Стой, мил хараводец,
а ой Стой, мил хараводец,
Стой, не расходись,
Стой, не расходись!
а ой Я в том хараводе,
а ой Я в том хараводе
Скакал я, плясал,
Скакал я, плясал,
а ой Скакал я, плясал,
а ой Скакал я, плясал;
Скакал и плясал,
Таночик водил,
Таночик водил,
а ой Таночик водил.
а ой Водил я таночик,
а ой Водил я таночик,
Сронил я веночик,
Сронил я веночик,
а ой Сронил я веночик,
а ой Сронил я веночик
Против девушки.
а ой Ты, девушка, поди,
а ой Красная, поди

Венок подыми.
а ой Девушка идет,
а ой Красная идет,
а ой Веночек несет,
а ой Веночек несет,
Веночек несет.
а ой То радость моя
И весельице,
И весельице.

№ 34

Та же

Ты стой, моя роща,
Стой, не расцветай,
Стой, мил хараводец,
Стой, не расходись.
Я в том хараводе,
Молодчик, плясал,
Плясал я, молодчик,
Водил я таночик,
Сронил я веночик
Против батюшки,
Против роднова.
Ой ты, батюшка, поди,
Родимой, поди
Венок подыми!
Батюшка нейдет,
Родимой нейдет,
Венка не несет.
То горе мое,
Гореваньеце,
Головка моя
Победнинкая,
Сердечко мое
Занывчатое,
Занывчатое,
Надрывчатое!
Ты стой, моя роща,
Стой, не расцветай,
Стой, мил хараводец,

Стой, не расходись.
Я в том хараводе,
Молодчик, плясал,
Таночик водил.
Плясал я, молодчик,
Водил я таночик,
Сронил я веночик
Против матушки,
Против роднинкой.
– Ой ты, матушка, поди,
Родима, поди
Венок подыми!
Матушка нейдет,
Родима нейдет,
Венка не несет.
То горе мое,
Гореваньеце,
Головка моя
Победнинкая,
Сердечко мое
Занывчатое,
Занывчатое,
Надрывчатое!
Ты стой, моя роща,
Стой, не расцветай,
Стой, мил хараводиц,
Стой, не расходись.
Я в том хараводе,
Молодчик, плясал,
Таночик водил.
Скакал я, молодчик,
Скакал я, плясал,
Водил я таночик,
Сронил я веночик
Против девушки,
Против краснинкой.
Ой ты, девушка, поди,
Красная, поди
Венок подыми!
Девушка идет,
Красная идет,

Веночик несет.
То радость моя
И весельеце.

№ 35

Ай Дуняшка Фомина, Фомина
По бережку ходила, ходила.
Правой ручкой махнула, махнула.
Сердечушком вздохнула, вздохнула:
– Ах свет моя сторона, сторона
Немецкая слобода, слобода,
Знать, мне там не бывать, не бывать,
Вина-пива не пивать, не пивать,
Калачиков не едать, не едать.
Вдоль улицы, вдоль улицы, улицы
Мимо кузницы, мимо кузницы
Кует кузнец, приговаривает,
Меня, младу, подговаривает:
– Пойдем, Дуня, в огород, в огород.
Сорвем, Дуня, лопушок, лопушок.
Сошьем, Дуня, сарафан, сарафан.
А пуговки – а рипей, а рипей*,
А петилки – павитель, павитель.
Носи, Дуня, не жалей, не жалей.
Износишь, Дуня, наживем, наживем.
* репей.– Ред.

№ 36

Как у славнова заводчика
У Титова на дворе
Собиралися набойчики
На Яузу погулять.
Они речи говорят,
Все Матюшина бранят: 2
– Пропадай ты, Матюшин, 2
Со заводом со своим,
Со заводом со своим,
Со товаром со гнилым, 2
И с приказчиком лихим,
Со товаром со гнилым
И с приказчиком лихим.
Как дай, боже, пожить,
Нам Титову послужить.
Как и дай, боже, пожить,
Нам Титову послужить.
На работу посылает,
Вперед денежки дает,
На работу посылает,
Вперед денежки дает.
Обделяет молодцов
Он по сотни по рублей,
Обделяет молодцов
Он по сотни по рублей.
Как мы день-то работали,
Ночь по улицам гуляли,
Как мы день-то работали,
Ночь по улицам гуляли,
Красных девок забавляли,
Ночь по улицам гуляли,
Красных девок забавляли.
Как пропился моторной,
Прогулялся удалой,
Как пропился моторной,
Прогулялся удалой.
Спонадеялся моторной
На добычу на свою,
Спонадеялся моторной

На добычу на свою.
Как большая-то добыча
Хуже маленкой,
Как большая-то добыча
Хуже маленкой,
А с болшим барышом
Находишься-находишься.
А с болшим молодцом
Находишься нагишом.

В Москве поют на фабрике фабричные на семик.

№ 37

	Об чем мальчик сумневался,	
	Век об девушки страдал,	
au	Век об девушки страдал,	2
aa	По нещасной воздыхал,	2
	Дён веселых не видал,	
a	За твою красу прелестну	
aa	Уродилась хороша,	2
aa	Будто краль, душа моя.	
	Не от жару цветы вянут,	
	Не с прохладныя росы,	2
	Не узрил твоей красы.	
	Я не для красы страдал –	2
	Для мученья своего.	2
	– Что твое ли я мученье	2
	Почитала ни за што.	
	Я за то дружка любила,	2
	Не занялся ни с какой,	2
	Ни с Сашиной красотой.	
	Уж ты, Сашинка-Сашутка,	2
	Саша милая моя,	2
	Не ходи мимо сада,	
	Саша милая моя,	
	Не ходи мимо сада,	2
	Не прокладывай следа,	2
	Дороженки не тори,	
	Молодчика не суши,	2
	Худой славы не клади;	
	Худа славушка пройдет, –	
	Никто замуж не возмет.	
	Не ходи мимо сада,	
	Саша милая моя,	
	Не ходи мимо сада,	
	Не прокладывай следа,	
	Дороженку не тори,	
	Молодчика не суши,	
	Худой славы не клади.	
	Худа славушка пройдет, –	
	Никто замуж не возмет,	
	Худа славушка пройдет, –	
	Никто замуж не возмет.	

№ 38

По морю, по морю, по тихому озеру
Ехал пан, ехал пан, ехал пан,
Ехал пан со князем.
Увидал-усмотрел
Красных девок во кругу.
Всех дарил, всех дарил, всех дарил,
Дарил девок лентами,
Красных алыми.
Сронил пан, сронил пан, сронил пан
Черную шляпу со пером,
Черную шляпу со пером,
Со пером, со пером, со пером
Павлиньим
Против двух, против двух, против двух,
Против двух красных девушек.
– Девушки красныя, девушки красныя,
Подай шляпу черныя!
– Панушка батюшка, мы твои не служанки,
Мы твои не верныи.
Служанки мы, служанки
Родимому батюшки.
По морю, по морю, по тихому озеру
Ехал пан, ехал пан, ехал пан,
Ехал пан со князем
Увидал-усмотрел
Красных девок, красных девок во кругу,
Красных девок во кругу.
Всех дарил, всех дарил, всех дарил,
Дарил девок лентами,
Дарил красных алыми.
Сронил пан, сронил пан, сронил пан
Черную шляпу со пером
Против двух, против двух, против двух
Красных девушек.
– Девушки красныя,
Подай шляпы черныя!
– Панушка батюшка,
Мы ваши не служенки,
Мы ваши не верныи.

Служенки, служенки
Родимой матушки.
По морю, по морю, по тихому озеру
Ехал пан, ехал пан, ехал пан,
Ехал пан со князем пьян, 2
Увидал-усмотрел
Красных девок во кругу.
Всех дарил, всех дарил,
Дарил девок лентами,
Дарил красных алыми.
Сронил пан, сронил пан
Черную шляпу со пером,
Со пером павлиньим
Против двух, против двух,
Против двух красных девушек.
– Девушки красныя,
Подай шляпы черныя,
Подай шляпы черныя,
Черныя, черныя
Со пером павлиньим!
– Панушка батюшка,
Мы твои все служанки,
Мы твои все верныи.

Один парень становится на одном месте. Все пары (1нрзбр.), друг дружку беря (1 нрзбр.) за руки. Начинают ходить кругом парня и поют песню. «Сронил ленту» – в то время бросит шляпу парень. Хоровод останавливается и поет до «панушки, батюшки». Парень сам поднимает шляпу, ходит среди хоровода и подпевает до «сронил пан шляпу со пером». Он снимает шляпу, бросает на землю и стоит над ней. Хоровод себя останавливает до «панушки, батюшки, мы твои не служанки». Потом хоровод (1 нрзбр.) Парень поднимает шляпу в третий (раз); в то же время бросит шляпу и в конце песни: «мы твои служанки». Две девушки входят в середину хоровода, поднимают шляпу, надевают на парня, он их целует.

№ 39

Как по сеням, сеням, сенюшкам,
По новым сеням решотчатым
Тут ходила красна девица душа,
Пробужала удалова молодца:
– Уж ты встань-проснись, удалой молодец,
Пробудись, душа отецкой сын,
Отвязался твой удалой конь
От столба, столба дубовова,
От колечка полужонова;
Поломал он весь железной тын,
Прищипал весь зеленый сад
Со калиною, малиною,
С черной ягодой смородиной.
– Не тужи ты, красна девица душа,
Не печаль ты удалова молодца,
Наживем с тобой железный тын,
Разведем с тобой зеленой сад,
С калиною, малиною,
С черной ягодой смородиной.

№ 40

Вейся, вейся, хмелинушка,
Через тын на улицу.
Во моем ли во садику
Раздолье широкое, 2
Приволье хорошее.
По том по раздольицу
Ходил-гулял молодец,
Связал свою головушку
Фатою зеленою.
Увидала матушка
Из высока терема.
– Дитя ль мое, дитятко,
Дитя-чадо милое,
Что ходишь не весело,
Гуляешь не радостно?
– Родимая матушка,
К чему веселиться мне?
Друзья, братцы женются,
А я неженат хожу.
– Дитя ль мое, дитятко,
Дитя-чадо милое,
Иди в хоровод девичий,
Возьми что ни лутчую 2
Дочерю соседскую.

№ 41

Чернецкое пиво
Разымчиво было.
Чернечик, чернечик,
Чернечик ты мой,
Горюн молодой.
Вступила хмелина
В буйну голову.
Чернечик, чернечик,
Чернечик ты мой,
Горюн молодой.
Березки я резал,
Метелки вязал.
Березки, березки,
Березки я резал,
Метелки, метелки,
Метелки вязал.
Метелки вязал,
Я возок наклал.
Я возок, я возок,
Я возок, возок наклал.
Я возок наклал.
Буренку впрягал.
Буренку, буренку,
Буренку впрягал.
Буренку впрягал,
В Москву отправлял.
В Москву, в Москву,
В Москву отправлял.
В Москву отправлял,
По метлы кричал,
По метлы, по метлы,
По метлы кричал.
Случилося ехать
Немецкой слободой.
Чернечик ты мой,
Горюн молодой.
Увидел он девчонку,
Сидит под окном,
Сидит, сидит,
Сидит под окном.

Сидит под окном,
Играет цветком.
Играет, играет,
Играет цветком.
Лягонко подкрался,
Тихонко сказал.
Тихонко, тихонко,
Тихонко сказал.
Тихонко сказал:
– Я тебя люблю,
Люблю, люблю,
Люблю, люблю.

№ 42

Как за лесом, за лесочком,
Как за темным за зеленым
Долинка была широкинькая.
Как на этой на долине,
Как на этой на широкой
Осока растет, зелено цветет.
Как на этой на осоке,
Как на этой на зеленой
Пастушок овец пасет,
Стадо стережет.
Из тово ли из лесочка,
Из тово ли из темнова
Девушка идет,
Красная идет,
В руках несет два платочка,
В руках несет два веночка:
Себе да ему – милому своему.
– Пастух, пастух, пастушочик
Пастух миленкой дружочик,
Скотинку паси, ночевать ходи.
– Уж, девка красавица,
Дай со стадом управиться,
Стадо соберу, домой погоню
Через то село Покровски,
Через то село большое,
К жене забегу, про все расскажу:
– Жена ль моя, боярыня,
Московская сударыня,
Не жди ночевать
На стару кровать:
Вечор меня девки звали,
Вечор красны позывали
К себе ночевать
На нову кровать.
Я пошел на ту долину,
Где вечор гонял скотину.
Там девушки нет,
Молоденкой нет.
Знать, девчонка запропала,

За часты кусты запала.
Девчонка услыхала,
Громким голосом вскричала:
– Я, миленкой, здесь, хорошинкой, здесь!
Парень девки взрадовался,
На белы груди бросался,
Начал целовать, целовать,
Начал миловать.
– Отойди ты, пастух мерзкой,
Мужик деревенской!
– Полно, не шути со мной, не дури.
Чем ты мною недовольна,
Чем ты, красна, недовольна?
Позволь говорить,
Я буду дарить
На шеюшку платочик,
На ручку перстенечик,
Аршин кумачу.
Люблю, что хочу.

№ 43

Сохнит в поле травка
И завянит корешок,
Долго-долго дожидался
Тучи грозной со дождем.
Полно, сердце, сокрушатся,
Мил не слышит обо мне.
Было время тосковала,
Когда мил меня любил.
Нынче милой перменился,
Он иную полюбил.
Сколько писем не писала,
Ни одно друг не читал,
Ручьем слезы проливала,
А тово он не видал.
Сколько вздохов испущала,
Ни дново * он не слыхал;
Я пойду в леса дремучи,
Там скончаю жизнь мою.
Ничего в лесах не слышно,
Лишь дубровушка шумит,
Ничего в лугах не видно,
Только стадо лебедей.
Все лебедушки попарно
Ходют по лугу они,
А я, горькая, нещасна,
Живу в горе и одна.

* ни одного. – Ред.

№ 44

Чей это садочик
Зеленёшинек стоит?
Чей во садике терем?
Побывал бы я в нем.
Чья во тереме
Кроватушка тесовая?
На кроватушки лежит
Перина пуховая,
На перине одеяло
Соболиное лежит,
Соболиное, тафтяное,
Лежит девушка Татьяна,
Хороша-пригожа,
Взял бы, взял бы за себя,
Приукрасил для себя.
Снаряжу свою сударушку
Полутчее всех,
И полутче, и почище,
И повежливее.
Я состроил бы сударушки
Червончатой корабль,
Нанял своей сударушки
Гребцов молодцов, 2
Славных песенников.
Вниз по речинки гребут,
Песни весело поют.
Как один молодец
Он гресть не гребет, 2
Он и песен не поет,
Только с ножки на ножку
Поскакивает,
Да сапог о сапог
Поколачивает,
Приговаривает:
– Как и эти сапоги
Издалече везены
Из матушки из Москвы, 2
Из Немецкой слободы,
Полтора рубля даны.

№ 45

Ох ли, пропала пропажа
У богатова купца,
Да не сто рублей пропало,
Да не тысяча его,
Да не сто рублей пропало,
Да не тысяча его.
Ох ли, пропала пропажа –
Чадо милое, дитя.
Ох ли, искали пропажу
По болотам, по лесам,
Ох ли, нашли эту пропажу
У соседа на саду,
У соседа на дворе,
В новой бани под полком.
Ох ли, буйная головушка
Испробитая лежит,
Ее русая коса –
Растрепаны волоса,
А ее цветное платье
На жёрдочки висит,
Миткалитная рубашка
В кровь измаранная.
Ох, вот рассукин сын Гришутка
Под окошечком сидит,
Сам в окошечко глядит:
– Ох, не за мною ль, молодцом, едут,
Не меня ли в гости звать
Ох, на тройки лошадях
Да на новых на санях?
Посадили Гришутку
В новы сани на задок,
Повезли Гришутку
К губернатору на двор.
Вот стал губернатор
Его спрашивать:
– Ты скажи, скажи, Гришутка,
Не утаи своево греха,
С кем же ты девицу,
С кем ее убил?

Кто товарищ тебе был?
– Ох, да не один я был
И товарищ со мной был:
Вот мой первой товарищ –
То моя темная ночь,
Другой мой товарищ –
То булатной нож,
А как третий-то товарищ –
То мой доброй конь,
А четвертый товарищ –
Востра сабля наголо.
Потом губернатор Гришу
И домой пустил.
Пошел наш Гришутка
Да и песенку запел.

№ 46

Зимовая стужа
Нам, солдатушкам, служба,
Гонют на ученье,
Очень холодно.
Ножинки озябли
От белова снега,
Ручинки простыли
От светлова ружья.
Сума да патроны
Плечи обломили,
Тесак, остра сабля
Ножинки отбили,
Бела портупея
Сердце переела.
Господа гуляют,
Ничего не знают.
Капитан наш Разин
Вышел на крылечко,
Он молвил словечко,
Вышел на крутое,
Промолвил другое:
– А што ж вы, ребяты,
А што ж приуныли?
Водочки не пили?
– Мы водочки не пили:
В карауле были.

№ 47

Жил я у пана первое лето,
Дали мне у пана курочку за это.
Моя курка (...) по двору ходит,
Ай, курочка, курочка, черной хохолок.
Дали мне у пана утюшку за это.
Моя утка (...)
По двору ходит, хохол раздувает.
Жил я у пана третие лето,
Дали мне у пана гусака за это.
Мой гусак черноус.
Жил я у пана четвертое лето,
Дали мне у пана зайца за это.
Мой заяц о трех (...).
Жил я у пана и пятое лето,
Дали мне у пана теленка за это.
Мой теленок (...).
Жил я у пана на шестое лето,
Дали мне у пана жеребца за это.

№ 48

В гостях Дуня гостила,
Во беседушке сидела.
Я немного посидела,
Много дела сделала:
Что ни лутчива молодчика
Ко любови призвала
И любовником назвала.
Хорош, пригож уродился,
До девушек ласков,
На речах-то говорлив.
Вечор с милым танцевали,
Милый ручку крепко жал,
Проявился в лице жар
Пойду-выду на крылечко,
Простужу белое лицо.
Неужели лица простудить?
Мил по улице идет,
Он подарочик несет,
Подарок дорогой –
С руки перстень золотой.
Мне куда его девать?
Как самой его носить,
Будет матушка бранить.

Комментарии И.М. Колесницкой и А.Д. Соймонова

Песни, записанные А.В.Кольцовым. Автограф. ГИМ, ф. 56 (Бессонов «Песни, собранные Киреевским»), п. 2.

Рукопись состоит из пяти тетрадей формата современной школьной тетради в 1/4 л. Бумага первых трех тетрадей голубовато-серая, выцветшая. Все три тетради пронумерованы римскими цифрами I, II, III, и каждая озаглавлена «Народные песни». Первая тетрадь на л. 2 имеет второе заглавие: «Народные песни, собранные Алексеем Кольцовым. Воронеж, 1837».

Каждая песня писалась Кольцовым с новой страницы. Судя по почерку, это беловые тетради: зачеркнутые и замененные строки и слова встречаются редко, почерк ровный. Листы первой тетради сшиты нитками (20 лл.). В первой тетради содержится 14 песен (пронумерованных № 1–14).

Вторая тетрадь представляет собою непосредственное продолжение первой. Нумерация песен в ней – 15–18, но пагинация отдельная (лл. 1–4).

Запись песни № 17 не имеет начала, по-видимому, одного листа с записью этой песни недостает. На оборотной стороне л. с записью песни № 16 – черновой автограф ранее не публиковавшегося стихотворения Кольцова «Прокатился месяц по небу...», написанного в стиле народной песни. На листе стоит цифра «40», очевидно, номер страницы из какой-то тетради Кольцова с его стихотворениями. Страница эта перечеркнута Кольцовым, очевидно, для того, чтобы издатель не спутал его стихотворений с подлинными народными песнями.

На полях каждой из следующих песен первой и второй тетрадей в правом или левом верхнем углу рукою Кольцова чернилами сделана надпись: «Сдано Белинскому в „Наблюдатель”»: № 1 «Как у князя было, князя, у князя Волконского»; № 3 «Попляшите, девушки»; № 4 «Приехали купчики с-под Москвы»; № 7 «Ты взойди, ты взойди, красно солнушко»; № 9 «Ты воспой, ты воспой, душа соловьюшек»; № 10 «Никому так не досталось»; № 11 «По лужочку гуляла»; № 14 «Зеленая роща»; № 15 «Ни по горам я ходила»; № 16 «Во сыром-та бору брала Маша ягодки». Все перечисленные десять песен переписаны Кольцовым набело в особую тетрадь (условно названную нами пятой тетрадью), состоящую из 12 листов серой бумаги. Последний лист тетради чистый; титульного листа нет. На л. 1 начата песня о Ваньке ключнике. Она озаглавлена Кольцовым: «Русская народная баллада» и обозначена цифрой «1». Далее следуют остальные девять песен, но в другой последовательности, нежели в первой и во второй тетрадях. На полях пятой тетради

карандашом рукою Бессонова указаны соответствующие номера каждой песни по первой и второй тетрадям, равно как и на полях первой и второй тетрадей в верхнем углу Бессонов карандашом отмечал соответствующий номер данной песни по пятой тетради, которую он везде называет четвертой, обозначая ее «IV» (по-видимому, Бессонов рассматривал первую и вторую тетради, где нумерация песен сплошная, как единое целое).

Вероятно, эта-то пятая (по обозначению Бессонова IV) тетрадь и была отправлена Кольцовым Белинскому, который переписал из нее пять песен, намереваясь напечатать их в «Отечественных записках» (опубликованных в 1954 г. Р.Б. Заборовой по рукописям Белинского из архива А.А. Краевского, см. вступ. заметку, прим. 20. Далее: Заборова). Цензура воспрепятствовала этому намерению.

По свидетельству И.А. Бычкова, песня о Ваньке ключнике («Как у князя было, князя, у князя Волконского») не была пропущена цензором и зачеркнута красными чернилами («Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 г.». СПб., 1893, стр. 72–73).

В третьей тетради 16 лл. Титульный лист ее с надписью «Народные песни III», как и титульный лист тетради II, разорван. Осталась лишь полоса бумаги примерно в 1/3 страницы, на которой сохраняется надпись. Можно предположить, что титульные листы обеих тетрадей были намеренно оборваны для того, чтобы уничтожить какие-то пометки. Песни в третьей тетради нумеруются заново: 1–14, два последних листа чистые, нумерация листов отсутствует.

Четвертая тетрадь такого же формата, как и первые три, но бумага другая, серая. Тетрадь состоит из 17 лл., сшитых нитками. Титульного листа нет и, очевидно, не было. Наверху первой страницы крупными буквами написано: «Весенняя песня». Под этим заглавием текст песни «Ты стой, моя роща» (запись с распевом). После нее с названием «Та же» следует текст песни, записанной под диктовку (оба текста не нумерованы). Далее следуют песни под № 2 («Ай Дуняшка Фомина, Фомина»), № 3 («Как у славнова заводчика») и т. д., всего семнадцать песен.

Кроме пяти названных тетрадей, в папке имеется еще одна тетрадь того же формата, представляющая собою копию тетради № 1 (песни 1–14), в № 14 восстановлен вычеркнутый Кольцовым зачин песни – 6 ст. Тексты каллиграфически переписаны набело неизвестной рукой. На титульном листе надпись «Народные песни», на л. 2: «Народные песни, собранные Алексеем Кольцовым. Воронеж, 1837 г.».

Песни в записях Кольцова публикуются нами в том порядке, как они переписаны в его тетрадях I–IV, причем вводится порядковая нумерация – 1–48. Две песни, эротические, не печатаются. Очевидно, об этих

песнях Кольцов писал Краевскому: «... знаете ли, такая дрянь, что уши вянут; похабщиной битком набиты» (16 июля 1837 г.). Подобные песни входили обычно в репертуар купечества, городского мещанства, дворовых, с которыми Кольцов постоянно сталкивался в повседневной жизни. Сам факт записи этих песен объясняется попыткой следовать новой методике собирания, требующей сплошной записи всего песенного репертуара данной местности.

Список сокращений:

1. Балакирев – М. Балакирев. Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано. Ред., пред., исследования и прим. Е.В. Гиппиуса. М., Музгиз, 1957.

2. Белинский – В.Г. Белинский. Полн. СОБР. соч., т. I–XIII. М. – Л., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

3. Варенцов – Сборник песен Самарского края, сост. В. Варенцовым. СПб, 1862.

4. Герцен – А.Н. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. I–XXX. М., Изд-во АН СССР, 1954–1965.

5. Кашин – Русские народные песни, собранные и изданные для пения и фортепиано Даниилом Кашиным, кн. I. М., 1833; кн. II и III. М., 1834 (переизд.: М., Музгиз, 1959).

6. Соб. – Великорусские народные песни, изд. А.И. Соболевским, т. I–VII. СПб., 1895–1902.

7. Студицкий – Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний, собранные Ф. Студицким. СПб., 1841.

8. Терещенко – А. Терещенко. Быт русского народа, т. I–VII., 1848.

9. Шейн – Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Материалы собраны и приведены в порядок П.В. Шейном, т. I, в. 1. СПб., 1898; в. 2. СПб., 1900.

10. Якушкин – Сочинения П.И. Якушкина. СПб., изд. Вл. Михневича, 1884.

11. Якушкин. Русские песни – Русские песни из собрания П.И. Якушкина. М., 1860.

№ 1. Помещена в I тетради под № 1; в тетради, переписанной Кольцовым для Белинского, песня эта находится под общим заглавием «Русские народные баллады» № 1. Вм. «Волконский» князь везде назван «Русинским».

Запись этой песни была напечатана А.И. Лященко в Полн. собр. соч. Кольцова. Изд. Академии наук. СПб., 1909, стр. 305–306 по авто-

графу Кольцова из архива А.А. Краевского. Текст ее, скопированный рукою Белинского и хранящийся там же («д 20»), был опубликован Р.Б. Заборовой. Разночтения с публикуемым текстом незначительны.

Песня относится к балладам конца XVII – начала XVIII вв., встречается в рукописных сборниках XVIII в. До 1860-х гг. публикация ее была запрещена, исполнение преследовалось. П.В. Шейн приводит рассказ о том, как в 1850-х гг. приближенный царя князь П.М. Волконский, услышав эту песню, приказал высечь певшего ее ямщика («Русская старина», 1885, № 2, стр. 484). Песня была широко популярна в народной традиции; вар.: СС, в. 5, стр. 128–163; НС № 1929, 1777 (краткие вар.); Соб., т. I, № 25–48.

Без указания имени собирателя (Кольцова) публикуемый текст вошел в СС, в. 5, стр. 129; разночтения с публикуемым текстом незначительны. Сюжет песни известен в записи Пушкина (см. Литературное наследство, 1968, стр. 192), он послужил основой популярного стихотворения В.В. Крестовского, также широко распространенного в устной традиции.

№ 2. Песня лирическая «уличная» (народное название «алелешная»). Соб., т. IV, № 690. Распространена в южных областях (Белгородской, Курской, Орловской и др.). Запись мелодии в книге М.А. Стаховича «Русские народные песни» (переизд. под ред. Н.М. Владыкиной-Бачинской. М., 1964, стр. 40). Текст Кольцова оригинален, в особенности последние строки песни.

№ 3. Лирическая песня. В тетради, переписанной для Белинского, перед текстом заголовок: «Русские народные песни», № 2 (л. 3). Песня развивает широко распространенный в народной традиции сюжет о ревнивом муже-неровне, с деспотизмом которого женщина не хочет мириться. Вар.: Соб., т. II, № 118–128, 373–374.

№ 4 и 15. Лирические частые песни, иногда сопровождающие пляску. В одном тексте соединяются традиционные образы, фрагменты сюжетных песен и отдельные сюжетные ситуации. В таком сочетании в основных песенных сборниках не встречаются.

№ 5. В др. вар. – лирическая частая. Аналогичного содержания песни – см. Соб., т. VI, № 313–314, 320.

№ 6. Лирическая. Близкий вар.: Соб., т. VII, № 96.

№7. Широко распространенная песня о вольных людях. Переписана Кольцовым для Белинского. В тетради Белинского следующие разночтения с публикуемым текстом: ст. 6 – «удалых бурлаков»; ст. 14 повторен дважды; ст. 17 – «хороша лодка изукрашена»; ст. 20 – «лодка обставлена». Текст, переписанный Белинским, опубл.: Заборова, стр. 94. Вар.: *НС* № 1563, 1670, 2480; Соб., т. VI, № 406–418; с упоминанием

Разина и разинцев входит в состав разинского цикла. Текст, записанный Кольцовым, отмечен в СС как лучший образец, который предполагалось поместить в одном из выпусков «Песен» (в. 7, стр. 155).

Вместо «добрых молодцев людей беглыих» или «сирот бедныих, солдат беглыих беспачпортныих», встречающихся в др. вар., у Кольцова названы «добры молодцы, удалы бурлаки», «бездомовники», в ряды которых также попадали беглые крестьяне и солдаты. Вм. «атамановых помощничков» – атамановы «охотнички». Разработка сюжета в конце песни редкая – введен эпизод о сестре, погубившей брата, что сближает песню с балладами семейно-бытового цикла. В такой редакции см. у Якушкина «Народные стихи и песни», стр. 577 (Соб., т. VI, № 416). В др. вар. девушка в конце песни либо плачет об утраченной воле (Соб., т. VI, № 406), либо рассказывает сон, предрекая гибель атаману, есаулу и др. (там же, № 408, 410, 413 и др.).

№ 8. Лирическая. Соединены несколько мотивов: о портных (ст. 1–11), упреки молодца девице (ст. 12–27) и основной сюжет – о любви молодца к дочери вдовы (ст. 28–43). Вар.: *НС* № 1362, 1391, 1534, 1924. Образ домика за рекой, где живет вдовушка, использован Кольцовым в стихотворении «Хуторок» (1839). В стихотворении Кольцова характерная для русских песен «слободка» заменена «хуторком», героиней является не дочь вдовушки, а сама вдова.

№ 9. Лирическая. Относится к группе разбойничьих. Аналогичный зачин: Соб., т. VI, № 485–494. В некоторых вар. вм. соловья – жавороночек. Дальнейшая разработка текста в них иная: молодец просит птицу сообщить о своем житье в неволе отцу, матери и вызволить его из неволи (*НС* № 1403, 2482). В таком виде, как у Кольцова (обещание соловьюшке клетки кленовой, сетки шелковой и т.п., отказ соловыошки и просьба отпустить на волю), песня в сборниках не встречается. Но текст ее был использован Чайковским в опере «Опричник» – «Песня Наташи» (I акт), либретто которой составлено по одноименной трагедии И.И. Лажечникова. В драме текст этой песни отсутствует.

№ 10. По содержанию близка к известной народной балладе «Усы» (текст, переписанный Белинским, опубликован: Заборова, стр. 96). Начало сравнительно позднее. Белинский в статье о народной поэзии называл эту балладу, отмечая в ней элементы социального протеста (Белинский, т. V, стр. 439–440). Он процитировал ст., аналогичные ст. 13–16: «Мы не воры, – мы <не> разбойнички, атамановы мы работнички», встречающиеся также в песнях разинского цикла.

В Собрании Киреевского опубликован небольшой отрывок, соответствующий ст. 7–24 публикуемого текста. Сопоставление его с текстом, переписанным из тетради Кольцова Белинским, – см. Заборова, стр. 91.

№ 11. Текст, переписанный Белинским, опубликован: Заборова, стр.95. Разночтения с публикуемым в настоящ. Томе (Лит.наследство, № 79, М., 1968) незначительны. Ст. 10–11 в тексте Белинского отсутствуют.

Песня лирическая, вар. широко распространенного сюжета: *НС* № 1582, 1897, 1982, 2081; Соб., т. I, № 139–146. Из них ряд вар. в записях XVIII – начала X1X вв. Наиболее близок к данному вар. – Соб., т. I, № 146 (из «Отечественных записок», 1848, № 8, Смесь, стр.27).

Текст Кольцова отличается большей полнотой и поэтичностью.

№ 12. Лирическая. В основе – распространенный сюжет о разлуке с милым, тяжело переживаемой девушкой. Наиболее близкие вар.: Соб., т. V, № 559–564. Текст Кольцова полнее и поэтичнее. В нем встречаются образы бушующих ветров, синего моря, мотив гадания девушки по траве-крапиве, отсутствующие в др. вар.

№ 13. Лирическая, широко распространенная; вар.: Соб., т. I, № 216–225.

№ 14. Игровая. В тетради (II) песня первоначально имела другой зачин (6 ст.), вычеркнутый Кольцовым:

Зеленая дубрава
Всю ночь прошумела,
Лютая свекровь
Всю ночь пробурчала,
Досужая пряха
Всю ночевку пряла (л. 20).

Вычеркнутые стихи заменены ст. 1-6 публикуемой песни. Вар.: Соб., т. IV, № 53–58. В большинстве записей текст песни начинается словами «Пряди, моя пряха», у Кольцова к нему присоединен другой зачин: «Зеленая роща». В 1830-е гг. вар. песни «Пряди, моя пряха» был опубликован: Кашин, кн. III, № 109. Вар. Кольцова отличается от него большей полнотой.

№ 16. Лирическая. Текст, переписанный Белинским, опубликован: Заборова, стр. 95. Существенных отличий от публикуемого текста нет.

Песня была широко распространена в первой половине XIX в. Вар.: *НС* № 1389, 1508, 2069 (запись 1831 г.). Вар. Кольцова наиболее полный. В др. вар. отсутствует обещание расправы с тестем, тещей и молодой женой, вм. него – выражение покорности. Текст Кольцова был опубликован Белинским в приложении к четвертой статье о народной поэзии (Белинский, т. V, стр. 447) в числе других песен, где выражался протест и нежелание покориться обстоятельствам жизни. Для Белинского песни эти были свидетельством силы и несломленности народного духа.

№ 17. Фрагмент неизвестной песни.

№ 18. Антиклерикальный фольклор был широко распространен среди крепостного крестьянства. «Героем всех народных непристойностей, – писал Герцен, – всех уличных песенок, предметом насмешки и презрения всегда являются поп и дьякон или их жены» (Герцен, VI, стр. 211). Но исполнители и собиратели фольклора опасались фиксировать такие материалы, и первые записи их, исключая рукописные сборники, встречаются только в Собрании Киреевского.

Текст, записанный Кольцовым, уникален. Отдельные стихи перекликаются с песней, известной по рукописным сборникам, записанной в 1832 г. семинаристом Рагузинским из г. Кашина («Против церкви и религии», № 134, коммент., стр. 275).

№ 19. Лирическая песня. В тетради III под № 1. Вар.: *НС* № 1576; Соб., т. IV) № 799–801. Отклонения публикуемого текста незначительны.

№ 20. Лирическая частая – сочетание разных мотивов (ст. 1–17 – популярный мотив любви к милому, далее со ст. 18 о гулянье с цыганками носит явно городской характер), параллелей обнаружить не удалось.

№ 21. Частая, хороводная, близкий вар.: Соб., т. III, № 468; Варенцов, стр. 130.

№ 22. Сюжет относится к группе лирических частых песен об измене милого. Девушка сравнивает себя со своей соперницей, аналогичный мотив: Соб., т. V, № 304; Якушкин, стр. 596.

№ 23. Лирическая песня из городского репертуара; контаминация ряда популярных мотивов (см. Соб., т. IV, № 261–266, 268–270).

№ 24. Лирическая песня о разлуке с милым. Представляет собою сочетание нескольких мотивов: 1. С горя девушка идет на быструю речку, садится на крутой бережок (ср. «Песни и сказки Ярославской области». Под общ. ред. Э.В.Померанцевой. Ярославль, 1958, стр. 254; запись 1955 г.); 2. Милый выезжает из лесу, прощается с девушкой (ср. Шейн, в. 1, № 756); 3. Милый обещает привезти подарки в знак любви – широко распространенный песенный мотив. См. Студицкий, стр. 2–26.

№ 25–30. Игровые песни. *№ 25.* Вар.: *НС* № 2932; Соб., т. III, № 153, 250; IIIейн, в. 1, № 444–446. Ближе к записи Кольцова – Шейн, № 444; др. вар. более отдаленные, имеют иные зачины: «Не сырой-то дуб разгорается» и т. п. № 26. Вар.: *НС* № 2901; Соб., т. IV, № 636–637 (все три вар. очень краткие); Шейн, в. 1, № 290–291 (в прим. указано, что под эту песню производится выбор девицы в хороводе). Наиболее близок к записи Кольцова по полноте и образам вар.: Соб., т. III, № 340 – из Рязанской губ. № 27. Вар.: *НС* № 2731, 2924; Соб., т. II, № 224–232. Вошла во многие сборники начала XIX в.: «Песенник», 1814, ч. IV, стр. 49; «Песенник», 1817, ч. II, стр. 48; «Песенник», 1819,

ч. IV, стр. 57; Сахаров, ч. III, № 12, стр. 30; № 2, 3, стр. 50; Терещенко, т. IV, стр. 153. Текст Кольцова типичен, но более полон и строен. № 28. Вар.: *НС* № 2936; Соб., т. II, № 380–382. Зачины во всех вар. другие: «Аи у дуба у сырого» или «Как под дубом, под сырыим». № 29. Песня на этот сюжет была опубликована в 1833 г. Кашиным, кн. III, № 14 (вар. краткий). Др. вар.: *НС* № 2668; Соб., т. VII, № 524–530; IIIейн, в. 1, № 426–427 – записи из Рязанской, Калужской, Казанской, Орловской и др. губ.; Балакирев, ч. I, № 5.

Шейн описывает игру в хороводе, сопровождавшуюся этой песней: «Во время пения этой песни играющие стоят или сидят, изображая собою круг. В кругу ходит парень-хозяин, который при словах «Питерскую умницу» указывает рукой на излюбленную им девушку и, выводя ее на улицу, т. е. в круг, целует и ставит посредине. Когда всех их, поставленных рядом, он перецелует, они принимаются за дело: питерская умница стелет постелюшку – рязанская кладет возголовьице, скомкав для этого свой ручной платок» и т. д. В некоторых местностях песня эта бытовала в качестве свадебной. Исследователи считают, что и по происхождению своему она «восходит к игрищам, связанным с народными брачными обычаями» (Балакирев, стр. 290), на это указывает и напев песни.

Балакиревым напев был записан от волжских бурлаков, среди которых песня бытовала в качестве «лямочной». Вариант напева, записанного Балакиревым, был использован Чайковским в опере «Опричник» (IV акт).

№ 31. Лирическая, широко распространена в народной традиции. В роли офицера выступают иногда барин, купец, поп. Вар.: *НС* № 1997, 2646, 2657, 2720; Соб., т. IV, № 410–417. В данном вар. своеобразно описание наряда офицера.

№ 32. Хороводная песня. По содержанию и образам близка к семейным песням (свекор, свекровь, деверья, золовки): Соб.. т. II, № 144, и к свадебным: *НС* № 339.

№ 33–34. Обе песни помещены в тетради, не имеющей номера. Тексты также не пронумерованы; перед первой – заглавие: «Весенняя песня», перед второй – «Та же». Оба текста представляют собою запись одной и той же песни. Один (№ 34) записан, по-видимому, под диктовку; второй (№ 33) – с голоса, при исполнении, с сохранением запева. Он содержит многочисленные запевы: «ио ой, о ой, а ой» и повторы стихов. Песня эта была послана Кольцовым Краевскому; опубликована А.И. Лященко в Полн. собр. соч. Кольцова. СПб., 1909, стр. 305, коммент., стр. 404. В письме к Краевскому Кольцов сообщал сведения о ее бытовании (см. вступ. заметку, стр. 286). Сведения эти сопровождают текст песни в рукописной тетради (лл. 8 об. – 9). Песня приурочивалась к «семику», ве-

сеннему празднику молодой растительности, где связывалась с обрядом свивания венков. В наиболее ранней ее записи: НС № 2971 (Звенигородского у. Московской губ.) – песня отнесена к «Подвенечным»; в 1858 г. два вар. ее записал Н.Ф. Щербина. По сообщению Щербины, в Покровском у. Владимирской губ. девушки пели эту песню на семик в роще, стоя в кругу. (Семик – четверг на седьмой неделе после Пасхи.) Напев и слова песни впервые опубликовал в 1860-е годы Балакирев (в разделе «Песни, записанные М.А.Балакиревым и Н.Ф. Щербиной», № 24). Мелодия записана им в исполнении бурлака. М.П. Мусоргскпй использовал эту мелодию в опере «Хованщина» (д. П). Др. вар. текста песни: Соб., т. IV, 338–340; Шейн, в. 1, № 1243.

№ 35. Шуточная распространенная песня. Вар.: *НС* № 2321; Соб., т. VII, № 260–270.

№ 36. Одна из ранних записей песен рабочих первой половины XIX в. Песня семицкая. Однако в отличие от крестьянских семицких песен (см. Шейн, в. 1, № 1202–1204, 1245), в ней дано сатирическое изображение хозяина завода и охарактеризовано положение рабочих. Песни такого типа см. Соб., т. VI, № 553–554, 556–559.

№ 37. Частая игровая песня, городского репертуара, контаминирующая ряд популярных мотивов (ср. Соб., т. V, № 151, 374–380).

№ 38. Игровая. Вар.: *НС*, № 1245, 2615, 2898; Соб., т. V, № 779–783: Шейн, в. 1, № 1200; Балакирев, № 14.

В примечании к тексту из Муромского у. Владимирской губ. Шейн указывает, что песня эта исполнялась в Троицын день в хороводе, который водили вокруг березки. В большинстве вар. текст краткий, не имеет поэтического зачина, начинается просто словами «ехал пан», обращение пана – к одной девушке.

№ 39. Широко распространенная свадебная песня. Поется гостям. Вар.: *НС* № 86, 359, 682; Соб., т. IV, № 826–829.

№ 40. Популярная игровая песня, исполнявшаяся в хороводе. Вар.: Соб., т. III, № 274–282. В настоящ. томе в записи Писемского, № 12 (подробнее см. коммент. к этой песне).

№ 41. Шуточная. Представляет собою контаминацию двух песенных сюжетов: первые два куплета с припевом «Чернечик, чернечик, чернечик ты мой, горюн молодой» (вар.: *НС* №. 1227; Соб., т. VII, № 640–643; Шейн, в. 1, № 380; во всех вар. этой песни есть первый куплет: «За рекою диво/Чернец варил пиво») и широко известной песни «Метелки».

№ 42, Лирическая. Вар.: *НС* №. 2882, с зачином «Как на той на долине». В записи Кольцова – развитый поэтический зачин, рисующий картину природы. Весь текст более распространен. Зачин «Как под ле-

сом, под лесочком – шелкова трава» встречается в сочетании с другим песенным сюжетом (Балакирев, № 27; он сочетается с сюжетом песни, рассказывающей о том, как казак предлагает девице выйти за него замуж, а она справляется о нем – «каков человек» – у соседей). См. выше, № 27.

№ 43. Лирическая. Распространенный сюжет – жалоба покинутой девушки на одиночество. Вар.: *НС* № 1273; Соб., т. V, № 61–64.

№ 44. Частая плясовая песня; сочетаются образы сада, терема, тесовой кровати и мотив – обещание снарядить сударушку, см. Соб., т. VII, № 718.

№ 45. Поздняя баллада; первые записи в Собрании Киреевского (*НС* № 435, Московская губ.); первая публикация – «Отечественные записки», 1841, т. XIII, Смесь, стр. 11 (Костромская губ.). Обычно контаминируется с плясовой песней «Как под яблонью» (Соб., т. I, № 247–252), запись мелодии: Балакирев, № 26. В вар. Кольцова совершенно иная контаминация с песней «Не шуми, мати зеленая дубравушка», которая получает своеобразное развитие и концовку. Следовательно, и мелодия этой песни была иная. Варенцов, записавший балладу в середине прошлого века, писал: «Песня, очень известная на Волге (...) старики еще помнят происшествие, которое рассказывается в ней» (Варенцов, стр. 238). Чернышев высказывал предположение, что она могла быть сложена по какому-то конкретному случаю «в среде ярмарочных певцов, трактирных увеселителей торгового люда» (стр. 469). Гипотеза Варенцова и Чернышева кажется вероятной, однако нельзя не обратить внимание, что в разных вар. баллады, в том числе и в записи Кольцова, названы различные имена участников этого трагического происшествия. Следовательно, баллада запечатлела не случайное, а характерное событие для своего времени и среды, в которой она бытовала.

№ 46. Типично солдатская песня, воссоздающая картину тяжелой солдатской службы. Аналогичного вар. песни обнаружить не удалось. Близкие по содержанию песни, где солдат жалуется на тяжесть службы,– см. Соб., т. VI, № 164–165, 195–197.

№ 47. Популярная в городской среде песня. Вар.: Соб., т. VII, № 481–486.

№ 48. Плясовая песня, в которой сочетаются два мотива: встреча с милым на беседе и подарок милого – широко популярный мотив. Ср.: Шейн, в. 1. № 1148.

СОВРЕМЕННЫЕ ВАРИАНТЫ ВОРОНЕЖСКИХ ПЕСЕН, СОБРАННЫХ А.В. КОЛЬЦОВЫМ

Из сб. «Воронежские народные песни», под ред. С.Г. Лазутина. – Воронеж, 1962 г.

№ 1

Да копала я черемушку
Да вы темном-а-лясу. (2)
Ой, да сажала я да черемушку
В зеленом саду, (2)
Ой, поливала я черемушку
И холодной водой. (2)
– Ох, расти, моя черемушка,
Тонка, высока, (2)
Ой, тонкая, не высокая,
Да листом широка. (2)
Ой, нельзя, нельзя черемушку
Не спелую рвать, (2)
Ой, нельзя красную девку
Несватану брать. (2)
Серед двора стоит
Крыльцо возрублено, (2)
С того крыльца ведут
Молодца с красной девкою. (2)
Один ведет за ручушку,
Другой за рукав, (2)
Третий стоит, сердце болит:
– Любил, да не взял. (2)
Досталася красавица
Иному, ня мне, (2)
Досталася сударушка
Мужику-свинье. (2)

Современный вариант любовной песни «Танюшка, Танюша, соседка моя» (№ 19), записанной А.В. Кольцовым. Кольцовский текст гораздо полнее современного, представляет собой развернутый сюжет данный песни. Молодец признается в любви соседской девушке Татьяне, затем описывается ее красота и наряды, он предлагает ей пойти в темный лес выкопать черемушку и посадить у себя в саду, т.е. символически в песне говорится о предложении выйти за него замуж. Но также

символически делается намек на отказ со стороны ее семьи, поэтому затем звучат сетования молодца на то, что досталась она «иному, немилому, злодею моему».

Лазутин, 1962. № 47. Да копала я черемушку. Записана Р. Николаенко и Т. Никоновой в с. Осиновка от А.С. Переверзевой (75 лет). Старинная лирическая песня, исполнялась, по словам А.С. Переверзевой, весной, когда расцветала черемуха. Одна из любимых песен исполнительницы. Песня привлекает внимание поэтичностью образов, глубиной лирического чувства, вложенного в нее. Встречается в сб. «Песни и сказки Воронежской области», № 30. Широко распространена в районе.

№ 2

Можно, можно мальчоночке разгуляться,
Тоску-скуку, печаль-горе разогнать.
Пойду с горя я к синему морю
И разгуляюсь я одна,
И сяду у синего моря
На крутенький бережок.
Я сидела, на воду глядела
И увидала свою тень на воде.
И тень-то моя худая,
И тень-то моя плохая,
И тень холодная,
Как в быстрой речке вода.
– Расскажи ты, моя быстрая речка,
Не видала ты тут никого?
Отвечала мне быстрая речка:
– Не видала я тут никого.
Из лесочку по желтому песочку
Выезжал милый на быстром коне:
– Не пужайся, моя дорогая,
Три подарочка тебе я везу.
Первый подарочек –
На голову шалевый платочек,
А второй подарочек –
На шею прутик весовой,
А третий подарочек –
Прутик золотой.

Современный вариант песни «Не могу я разгуляться » (№24), записанной А.В. Кольцовым. В кольцовском тексте традиционные средства художественной изобразительности более выдержаны, точны,

взаимосвязаны, даются в виде целостной картины. Например, «выезжает мой милой, Он на вороном на коне, На черкасском на седле». То же самое относится и к описанию подарков: «На голову алинкой платок, … На шеюшку жемчужку, … На руку золот перстенек.» В воронежском варианте такое описание сохранились или частично, или в искаженном виде. Все же сравнение с данной песней XIX в. показывает, что современный текст в целом сохранился. Сказочный образ тени – собеседницы героини – остался и в современном тексте.

Лазутин, 1962. № 48. Можно, можно мальчоночке разгуляться. Песня записана Т. Дешко в 1960 г. в с. Копанище от Н.И. Новиковой. Песня лирическая, любовная. По словам исполнительницы, это старинная песня, и знают ее теперь только старые люди. Песня встречается в классических сборниках XIX в.. См.: Якушкин, стр. 215; Шейн, т. 1, № 762. Сюжеты нашего текста и песен, встречающихся в указанных сборниках, совпадают. Исключение составляют несколько строчек конца, в песне Шейна мотив конца – девушка пытается вернуть милого, покидающего ее. Текст же из сборника Якушкина значительно беднее, короче нашего по сюжету. Наиболее близка к нашему песня, встретившаяся в советском сборнике, см.: Т. Акимова, № 145. Другой, менее полный вариант записан З. Пироговой и Е. Трухачевой в 1960 г. от Д.Б. Воронковой (66 лет).

Из сб. «Народные песни Воронежской области», под ред. С.Г. Лазутина. – Воронеж, 1974 г.

№ 3

Хмель моя, хмелюшка,
Хмелиная пирушка,
Передайся, хмелинушка,
На мою на сторонушку.
На моей на сторонушке
Приволье великое,
Раздолье широкое.
По том по раздольице
Там шел молодец.
Он шел-прошел по двору,
Повесивши головушку
На правую сторонушку.
Увидела матушка с высокого терема,
С вышнего оконушка.
– Что ж ты, мое дитятко,
Не радостно ходишь?
– Родимая мамушка,

Как мне быть веселому?
Товарищи женились,
А я не женат хожу.
– Женись, мое дитятко,
Женись, мое милое,
Бери себе барыню,
Купецкую дочь.
– Родимая мамушка, она не понравилась,
Она не полюбилась.
Родимая мамушка, во соседе есть девушка.
Девушка-то Марьюшка.
Она мне понравилась, она мне полюбилась
Своею ухваткою,
Головкою гладкою.

Современный вариант песни «Вейся, вейся хмелинушка» (№ 40), записанной А.В. Кольцовым. Песни в целом близки по сюжету, есть небольшие различия в финале. В кольцовском варианте матушка сразу направляет сына в хоровод девушек – «Возьми что ни лучшую Дочерю соседскую».

Лазутин, 1974, *№* 40. *Хмель моя, хмелюшка.* Записана Берестневой и Мешковой в 1967 г. в с. Медовка Рамонского района от П.С. Федоровой (78 лет). Песня встречается в сб.: Киреевский, нов. сер., вып. 1, № 755, 773; Соболевский, т. 3, № 274–282; Шейн, т. 1, вып. 2, № 1574, 2411; Померанцева, № 42; Минц и Савушкина, № 49; Васнецов, № 84; Бардин, № 5; Сидельников, с. 52; Серебренников, № 10; Пропп, с. 217. Сравнение с публикациями XIX в. показывает, что песня значительно изменилась по содержанию. В Воронежской области она широко не бытует, у нас есть три варианта, близких к публикуемому.

№ 4

Наварил чернец пива,
Наварил зеленого.
Чернецова пива
Разгульчива была,
В голову вступила,
Голову разбила.
Сестра Прасковья,
Расти поскорея,
Дадим тебе замуж
В иную деревню,
В неуютную семью.
Куды ни поеду,
К сестрице заеду.

– Сестрица дорогая,
Шелковая плетка
Не на месте висела.
Всю ночь просвистела.
Ореховая клетка
Не на месте стояла,
Всю ночь простояла.

Современный вариант песни «Чернецкое пиво разымчиво было» (№ 41), записанной А.В. Кольцовым. Кольцовский и современный вариант схожи лишь началом песни, в дальнейшем сюжеты расходятся. В тексте Кольцова описывается поездка чернеца в Москву, а современный вариант представляет семейно-бытовую песню о будущей тяжелой судьбе сестры в замужестве.

Лазутин, 1974. № 45. *Наварил чернец пива.* Записана В. Макаренко в 1961 г. в с. Кочетовка Хохольского района от Князева Д. В. (80 лет). Встречается в сб.: Киреевский, нов. сер., вып. 2, ч. 2, № 2972; Соболевский, т. 2, № 261–266; Иваницкий, № 194; Фольклор Дона и Кубани, № 7; Иванов, с. 289. Сравнение с публикациями XIX в. показывает, что песня довольно хорошо сохранилась, хотя несколько сокращена и имеет другой зачин. Распространения в Воронежской области она не получила.

№ 5

Не качайся, сосенушка зеленая.
Не печалься, Марьюшка молодая,
Не далеко тебе батюшка отдавает,
Он не ростом, не дородством – красотою,
Во хорошую деревню, в Хвощеватку,
Во хорошую семейку – ко Ивану,
За хорошего за парня – за Николая.
Хорош сударь Николай уродился,
Он своей Марьюшке полюбился.
Он не ростом, не дородством – красотою,
Красотою и своею высотою,
Молодецкой чистотою.
Мово Николая дома нету,
Он в тот город,
Город Петербург уехал.
Он ходит по городу,
Гуляет вдоль по лавкам.
Он купил всем девушкам по ленте,
А своей Марьюшке не такую – голубую.

Современный далекий вариант песни «Танюшка, Танюша, соседка моя» (№ 19), записанной А.В. Кольцовым. В данной песне схожи только описания подарков девушке. Упоминается воронежское село-Хвощеватка.

Лазутин, 1974. № 53. *Не качайся, сосенушка зеленая.* Записана В. Корягиной в 1967 г. в с. Хвощеватка Подгоренского района от М.Ф. Париной (54 года). Песня не распространена в области, у нас имеется еще один близкий вариант, записанный в том же селе.

№ 6

– Ой, не вздыхай-ка, душа-Машенька,
Ой, да не вздыхай-ка ты да тяжело.
Да когда ж тебе дружка жалко,
Забывай ты про него.
– Я тогда дружка забуду,
Когда скроются мои глаза.
Резвы ноженьки мои подломятся,
Я не буду к дружку ходить.
Белы рученьки мои опустятся,
Я не буду дружка обнимать.
Уста кровью мои запекутся,
Я не буду его целовать.
Вы выройте мне могилку
Во зеленом во саду.
Вы сделайте мне гробницу
Из лаврового листа.
Закопайте вы гробницу
Желтой мягкою землей,
Помяните мою душу
Белым мягким серебром.

Современный вариант песни «Уж мне нынешний день скука» (№ 12), записанной А.В. Кольцовым. Кольцовский текст гораздо полнее современного, представляет собой развернутый сюжет данной песни. Девушка сетует на то, что ее милый уехал далеко, что может там жениться на другой. Но в тоже время она не хочет верить в это, признается в своей глубочайшей верности ему. Кольцовский вариант отличается богатством традиционных средств художественной изобразительности.

Лазутин, 1974. № 56. *Ой, не вздыхай-ка, душа-Машенька.* Записана Т. Сухановой и Н. Пешковой в 1967 г. в с. Старая Тойда Аннинского района от А.А. Миловановой (78 лет). Песня не получила широкого распространения в на-

стоящее время. В архиве ВГУ имеется три ее варианта, записанных в Аннинском и Новоусманском р-нах.

№ 7

Не буди, соловейко, поутру раненько,
Поутру раненько,
У меня с милым дружком
Совета не стало, любовь перестала.
Совета не стало от лютого свекра,
От лютого свекра, от старого черта,
Еще от свекровки, от старой чертовки,
Еще от деверей, борзых кобелей,
Еще от золовок, злых колотовок.
Я злой колотовке сама отказала:
– Золовка, золовка, злая колотовка,
Сама в людях будешь.
Про волю забудешь, (2 раза)
Про меня вспомнишь.

Современный вариант семейно-бытовой песни «Как и я, молода» (№ 32), записанной А.В. Кольцовым. Кольцовский текст гораздо полнее современного, представляет собой развернутый сюжет данный песни. Молодая жена привыкает к жизни в семье мужа. Песня начинается с психологического параллелизма, с образа «чернобыль-травы». Подробно говорится об отношении к свекру, свекрови, деверьям и особенно к золовкам.

Лазутин, 1974. № 97. *Не буди, соловейко, поутру раненько.* Записана И. Заикой в 1963 г. в с. Татарине Подгоренского района от О.Д. Лопатиной (52 года). *У* нас есть еще один вариант этой песни, записанный в Острогожском районе.

№ 8

В саду ягода-малина
Под закрытием росла,
Свет-княгиня молодая
С князем в тереме жила,
А у князя был слугою
Ванька-ключник молодой.
Ванька-ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.
Князь дознался-догадался,
Замкнул жинку на замок:
– Эй, вы слуги мои, слуги,

Слуги верные мои,
Вы пойдите приведите
Ваньку-ключника ко мне!
Слуги быстро собралися,
За Ванюшею пошли:
– Ну-ка, Ваня, собирайся,
Князь во терем вас зовет.
И вот ведут-ведут Ванюшу
По широкому двору,
А у Ванюши на головке
Кудри вьются колесом.
– Ну-ка, Ваня, расскажи-ка,
Сколько лет с княгиней жил?
– Только знают грудь, подушка,
И перина пуховая (2 раза)
Да княгиня молодая.

Современный вариант песни-баллады «Как у князя было, князя у Волконского» (№ 1), записанной А.В. Кольцовым. Кольцовский текст гораздо полнее современного, представляет собой развернутый сюжет данный песни. Начало песни и ее финал (описание «веселой беседы» у князя Волконского, похвальба князя женой, сообщение князю, что его жена уже «три годочка» живет с Ваней-«клюшничком», подробное описание казни Ванюши) отсутствуют в современном варианте. Кольцовский вариант отличается богатством традиционных средств художественной изобразительности.

Лазутин, 1974. № 134. В саду ягода-малина. Записана И. Ампиловым в 1965 г. в с. Русская Буйловка Павловского района от А.Ф. Хатунцева. Ранние публикации см. в сб.: Соболевский, т. 1, № 25–47; Киреевский, нов. сер., вып. 2, ч. 2, № 1776, 1777, 2007; Гуляев, № 56; Кравчинская и Ширяева, № 199; Тамбовский фольклор, № 73. В сб. Шейна и Соболевского есть отсутствующее в нашем варианте окончание песни: казнь Ваньки-ключника. Песня широко распространена в настоящее время. В архиве ВГУ имеется 27 вариантов, записанных в разных р-нах нашей области.

№ 9

Во ку, во кузнице,
Во ку, во кузнице,
Во кузнице молодые кузнецы
Куют, куют они,
Куют, куют они,
Куют, Дуню приговаривают:
– Пойдем, пойдем, Дуня,

Пойдем, пойдем, Дуня
Пойдем, Дуня, в лесок, в лесок.
Сорвем, сорвем, Дуня,
Сорвем, сорвем, Дуня,
Сорвем, Дуня, лопушок, лопушок.
Под са, под саменький,
Под саменький корешок, корешок.
Сошьем, сошьем Дуне,
Сошьем Дуне сарафан, сарафан.
Носи, носи, Дуня,
Носи, Дуня, сарафан, сарафан.
Носи, Дуня, не марай, не марай,
По пра, по праздникам
Одевай, одевай.
Отку, откуда-то, откуда-то
Таракан, таракан
Прогрыз, прогрыз Дуне,
Прогрыз Дуне сарафан, сарафан.

Современный вариант шуточной песни «Ай Дуняшка Фомина, Фомина» (№ 35), записанной А.В. Кольцовым. Кольцовский вариант полнее, имеет начало, в котором описываются переживания девушки. Песня записана в Москве, есть детали («Немецкая слобода») указывающие об этом. В финале песни описание сарафана более богатое: «Сошьем, Дуня, сарафан, сарафан, А пуговки – а рипей, а рипей, А петилки – павитель, павитель».

Лазутин, 1974. № 164. Во ку, во кузнеце. Записана Хромых и Резниченко в 1962 г. в с. Бродовое Аннинского р-на от А.И. Лопатиной (62 года). Песня распространена в области. Кроме публикуемого в архиве ВГУ имеется еще 24 варианта, записанных в Эртильском, Павловском, Бобровском, Грибановском районах.

Из сб. «Воронежские народные песни в современной записи», под ред. С.Г. Лазутина. – Воронеж, 1978 г.

№ 10

Зайди, солнце, только зайди,
Ай, зайди, красное,
Зайди, красное, над горою,
Только над высокою,
Ай, над высокою, над высокою,

Над поляною, только над широкою,
Над широкою.
Вы пригрейте да добрых молодцев,
Добрых молодцев, бедныых сирот,
Сирот бедных,
Солдат безбилетных. (2 раза)
Мы построим себе церковь,
Церковь славную, церковь славную,
Да мы семиглавую, семиглавую.
Мы построим себе крест,
Ай да крест серебряный,
Крест серебряный да позолоченный.

Современный вариант разбойничьей песни «Ты взойди, ты взойди, красно солнушко» (№ 7), записанной А.В. Кольцовым. Кольцовский текст гораздо полнее современного, представляет собой развернутый сюжет данный песни. Он включает в себя эпизоды с плаванием разбойников по синему морю, разговор с девушкой, убившей своего брата.

Лазутин, 1978. № 20. Зайди, солнце, только зайди. Записана в с. Сухие Гаи Верхнехавского района О. Разводовой и Н. Немаховой в 1971 г. от Ф.Е. Пядуховой. Наш вариант разрушен (утрачен эпизод с атаманом на корабле). Близкие варианты с тем же зачином: Киреевский, с. 1–53, 155; Миллер, № 336; Лопатин и Прокунин, № 55; Путилов, с. 191, 192. Варианты с другим зачином: Соболевский, т. 6, № 406–418. Полный вариант: Стахович, с. 2, 3.

№ 11

Погуляйте вы, девушки,
Погуляйте вы, красные,
Погуляйте у батюшки,
У своей родной матушки.
Не равно ли замуж выйдется,
Не равно ли какой навалится:
Либо вор, либо пьяница какой,
Либо до девочек охотничек,
Либо бабий корогодничек.
Он в кабак идет – шатается,
Из кабака идет – валяется,
Домой придет – придирается.
Заставляет разувать, раздевать,
Часты пуговицы расстегивать,
Из портов гашник выдергивать.

Современный вариант семейно-бытовой песни «Попляшите, девушки» (№ 3), записанной А.В. Кольцовым. Кольцовский текст гораздо полнее современного. В варианте Кольцова в тексте шире представлен образ молодой жены, ненавидящей постылого мужа («ревнивый, кропотливый»), подчеркивается ее стремление к независимости, даже ценой жизни.

Лазутин, 1978. № 97. Погуляйте вы, девушки. Записана в с. Старая Тойда Аннинского района Б. Суермановой в 1972 г. от А.Т. Швыревой (68 лет). Наш текст неполный. Наиболее близкие варианты: Соболевский, т. 2, № 125, 126, 127. Далекие варианты: Шейн, т. 1, вып. 1, № 856, 888; Леонтьев, № 34.

Из сб. «Воронежские народные песни», под ред. С.Г. Лазутина. – Воронеж, 1991 г.

№ 12

– Матушка, матушка,
К нам гости едут,
Сударыня-матушка,
К нам гости едут.
– Дитятко милое,
Я тебя не выдам.
– Матушка, матушка,
На крыльцо всходят,
Сударыня-матушка,
На крыльцо всходят.
– Дитятко милое,
Я тебя не выдам.
– Матушка, матушка,
В дом уже заходят,
Сударыня-матушка,
В дом уже заходят.
– Дитятко милое,
Я тебя не выдам.
– Матушка, матушка,
Образа снимают,
Сударыня-матушка,
Меня благословляют.
– Дитятко милое,
Господь с тобой!

Современный вариант песни «Матушка, матушка, головка болит» (№ 6), записанной А.В. Кольцовым. Кольцовский вариант является, возможно, одной из первых песен-переделок. Сюжетом-основой была известная свадебная песня «Матушка, матушка, что во поле пыльно» (Киреевский, 1911, №№ 330, 412 – Московской, Калужской губерний). В шуточном варианте Кольцова взята только форма диалога матушки и «дитятка милого», содержание же прямо противоположное: дочь родит до замужества.

Лазутин, 1991. № 21. Матушка, матушка... Зап. Е. Кожевниковой, О. Усковой в 1984 г. в с. Верхняя Тишанка Таловского района от Т.А. Власовой (1920 г. р.). Варианты песни см. в сб.: Фольклор Дона и Кубани, № 11, 27.

№ 13

Зеленая роща
Всю ночь прошумела,
А я, молодая,
Всего ночь просидела.
Всю ночку не спала,
Сидела и пряла.
«Пряди, моя пряха,
Пряди, не ленися.»
«Я бы рада пряла,
Меня звали в гости (2 р.)
К соседу в беседу (2 р.)
Во пир пировати, (2 р.)
Гостей забавляти.
Как приехал в гости
На золотом коне,
На вороном коне,
В белом балахоне, (2 р.)
Мой милый с усами, (2 р.)
С русыми кудрями».

Современный вариант любовной песни «Зеленая роща всю ночь прошумела» (№ 14), записанной А.В. Кольцовым. Кольцовский текст более полный, сюжет богат различными деталями (например, о прядении). В конце песни в обращении к гостям и, особенно, к неженатому гостю, звучат слова из свадебной песни «Березничек кустоватый, да кто ж у нас неженатый», которая исполнялась на свадьбах холостому гостю.

Лазутин, 1991. № 31. Зеленая роща... Зап. Е. Кожевниковой, Т. Тарабарой, О. Усковой в 1984 г. в с. Великая Тишанка Таловского района от А.Д. Лазукиной (1918 г. р.). Наш текст сокращенный. Более полные варианты см. в сб.:

Васнецов, № 69, с. 53; Георгиевский, с.119. Сокращенный вариант см. в сб.: Серебренников, № 4, с. 255.

№ 14

У нас нынче ввечеру
Небывалый гость побывал,
Ой, леле, ой, леле,
Небывалый гость побывал.
Небывалый гость дорогой,
Иванушка, князь молодой,
Ой, леле, ой, леле,
Иванушка, князь молодой.
Поздно гостем приезжал,
Подарочек привозил,
Ой, леле, ой, леле,
Подарочек привозил.
Подарочек небольшой:
С руки перстень золотой.
Ой, леле, ой, леле,
О руки перстень золотой,
Позолоченный, литой.
Ой, леле, ой, леле,
Позолоченный, литой.
Пойду, молода, за водой,
Возьму перстень с собой,
Ой, леле, ой, леле,
Возьму перстень с собой.
Кину-брошу на море,
На самую глубину,
Ой, леле, ой, леле,
На самую глубину.
Он не тонет, не плывет,
Прочь от берега не идет.
Ой, леле, ой, леле,
Прочь от берега не идет.
Я думала – блёсточка,
А это – Аннина слёзочка,
Ой, леле, ой, леле,
А это – Аннина слёзочка.

Современный вариант любовной песни «А подруженьки ожидать» (№ 17), записанной А.В. Кольцовым. Кольцовский текст представляет собой только заключительный фрагмент песни.

Лазутин, 1991. № 103. У нас нынче ввечеру... Зап. Г. Файдулаевой и О. Чурсановой в 1983 г. в с. Кучугуры Нижнедевицкого района от М.Н. Пахомовой (1928 г.р.). Песня хорошей сохранности, хотя и малораспространена в области.

№ 15

Вырою я черёмушку
Во тёмном во лесу,
Ох, посажу я черёмушку
В зелёном саду.
Расти, расти, черёмушка,
Ох, тонка, тонка, высока,
И тонкая, и высокая,
Ой, листом широкая. (2 р.)
Нельзя, нельзя черёмушку,
Ой, неспелую рвать, *(2* р.)
Нельзя, нельзя девчоночку
Несватамши брать.

Современный вариант любовной песни «Танюшка, Танюша, соседка моя» (№ 19), записанной А.В. Кольцовым. См. комментарий к песне № 1.

Лазутин, 1991. № 131. *Вырою я черёмушку...* Зап. А. Касплер и С. Якуниной в 1982 г. в с. Александровка Таловского района от А.П. Афанасьевой (1905 г. р.). Песня широко распространена в области. В архиве ВГУ имеется 22 варианта песни. Близкие варианты см. в сб.: Соболевский, т. 4, № 799–801; Киреевский, № 1576; Новикова, № 30; Лит. наследство, № 19, с. 305. Далекие варианты см. в сб.: Киреевский, № 1576; Лопатин и Прокунин, ч. 2, № 39; Иваницкий. № 20, с. 103; № 128, с. 159–160.

Из сб. «Сказки и песни Черноземного края России». Материалы фольклорной экспедиции 1936 года. / сост. Пухова Т.Ф. – Воронеж, 2006 г.

№ 16

В саду ягода-малина
Под прикрытием росла,
Свет-княгиня молодая
С князем в тереме жила.
У князя был слугой

Ваня-клюшник молодой.
Ваня-клюшник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.
Люди про то дознались,
Стали князю доносить.
Князь дознался, догадался,
Посадил жену в острог.
У князя были слуги,
Слуги верные яво.
– Пойдите, арестуйте
Ваню-клюшника мово.
Арестованного Ваню
Ведите Ваню ко мне.
Ведут Ваню по дворику,
На Ване ветер кудри веет,
На Ване на моём
Сапожки поблескивают.
– Докажи, мне, Ваня мои,
В чём дело у вас было.
– Про то знает
Один сад зелёный,
В саду розовый кусток.
Ещё знает про то дияло
И тисовая коровать.
Ишшо знаю я
И рубашка на мне моя.

Современный вариант песни-баллады «Как у князя было, князя у Волконского» (№ 1), записанной А.В. Кольцовым. См. комментарий к песне № 8.

Сказки и песни Черноземного края России, 2006. №3. В саду ягода-малина под прикрытием росла (Ванька-ключник) Записано в с. Оськино Гремячинского района от колхозника Шаблыкина Родиона Семеновича, 1874 г. р. По рукописи № 165, с. 266.

№ 17

Люба, ты Люба моя,
Погляди-ка ты,
Люба, на меня,
Какова я зимою была:
Я зимою бела-румяна,
Я на карточке написанная,

А из кралички вырезана.
Рассыпали печаль по плечам,
Присушили сухоту к животу.
При пути-пути дорожка ляжит,
По дорожке детинка бяжит,
Под полою балалайку нясет,
Балалайка выговаривая:
– Что ж ты, молодец, не женися,
На кого же ты надеешься:
– Я надеюся на денежки,
А жанюся я на девушке,
На ближней на суседушке.

Современный вариант любовной песни «Пойду-выду на крыльцо» (№ 21), записанной А.В. Кольцовым. В кольцовском тексте речь идет о страданиях влюбленного юноши, вынужденного уехать на «чужую сторону» и полюбить «чуже-мужнюю жену».

Сказки и песни Черноземного края России, 2006. № 44. Люба, ты Люба моя. Записано в с. Кучугуры Нижнедевицкого района от Севастьяновой Акулины Федоровны. По рукописи № 36, с.43.

Из архива кафедры теории литературы и фольклора

№ 18

Хороша наша деревня,
Только улица грязна.
Хороши наши ребята,
Только славушка худа.
Называют нас ворами,
Ох, и разбойничками.
Ох, мы ня воры,
Ох, ня плуты,
Ох, и не разбойнички.
Наловили мы щук,
Ох, из которых шубы шьють.
Ох, у отца, у Пятра,
Ох, унесли осетра.
Ох, а такого жеребца,
Ох, что гнедого жеребца.

Современный вариант шуточной песни «Никому так не досталось» (№ 10), записанной А.В. Кольцовым.

Записано от Мещеряковой Анны Тимофеевны (1910 г.) в пос. Хохол Н. Минаковой, И. Полуэктовой в 1974 г. АКТЛФ, 1974, п. № 15.

№ 19

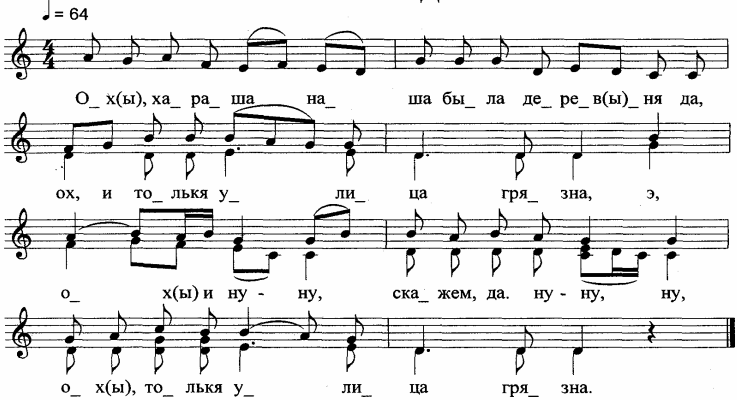
Сажу, сажу капустку,
Сажу мою, сажу беленькую.
Уродись, моя капуста,
Что бела, зелена.
Приходи к моим капусткам,
Приходите торговать.
Я не буду торговать
Где не был друг Ванюша
С огородика зашел.
Он торгуя, не торгуя,
Сам на девушку глядит (2 р.)
Верно, хочет полюбить (2 р.)
Колечешком подарить.
Колечек-сердечко
Не золот мой перстенек
Он не тонет, плывет,
Вдоль бережком идет.

Современный вариант любовной песни «Я сажу-сажу капусту» (№ 26), записанной А.В. Кольцовым.

Записано от Найденовой Анны Николаевны (70 л.) в с. Новая Чигла в 1972 г. АКТЛФ, 1972, п. № 4.

№ 20

ХОРОША НАША ДЕРЕВНЯ



Ох, хараша наша была деревня да,
Ох, толькя улица грязна.
Ох, ну-ну, скажим, да ну-ну, ну,
Ох, толькя улица грязна.

Ох, хараши наши были ребята,
Ох, пра них славушка легла.
Ох, ну-ну, скажим, да ну-ну, ну,
Ох, пра них славушка легла.

Ох, пра них славушка, ана, идёт,
Ох, никто замуж ни пайдет.
Ох, ну-ну, скажим, да ну-ну, ну,
Ох, никто замуж ни пайдет.

Ох, никто замуж, тота ни пайдет,
Ох, стали ворами их звать.
Ох, ну-ну, скажим, да ну-ну, ну,
Ох, стали ворами их звать.

Ох, мы не воры, а мы ни брадяги,
Ох, мы ахотнички.
Ох, ну-ну, скажим, да ну-ну, ну,
Ох, мы ахотнички.

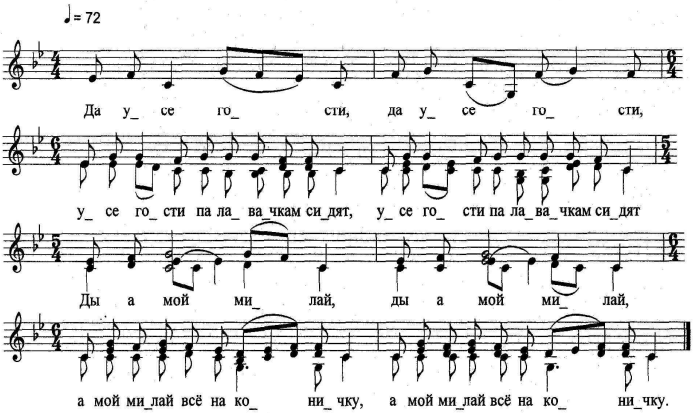
Ох, мы ахотнички, ахотнички,
Ох, рыбаловнички.
Ох, ну-ну, скажим, да ну-ну, ну.
Ох, рыбаловнички.

Ох, а мы рыбачку толькя лавили,
Ох, да на сухом беришку.
Ох, ну-ну, скажим, да ну-ну, ну,
Ох, да на сухом беришку.

Песня записана в с. Кочетовка Хохольского р-на Воронежской обл.
от Комаровой М.И. 1940 г.р., Князевой Е.В. 1931 г.р., Коротких Е.Д. 1937 г.р.,
Белоусовой М.А. 1939 г.р., Кожевниковой В.А. 1921 г.р., Минаковой А.Т. 1939 г.р.
студ. 1 курса фил. ф-та ВГУ Сырых Л. в 2002 г. АКТЛФ К 02/14.
Нотация Чернобаевой А.А.

№ 21

ВСЕ ГОСТИ ПО ЛАВОЧКАМ СИДЯТ



Да усе гости,
Да усе гости,
Усе гости па лавачкам сидят,
Усе гости па лавачкам сидят.

Ды а мой милай,
Ды а мой милай,
А мой милай всё на коничку,
А мой милай всё на коничку.

Да на коничку, (2)
На коничку всё на войлачку. (2)

Да а я, млада, (2)
А я, млада, пад канец стала стаю. (2)

Да кивну-маргну, (2)
Кивну-маргну, сама вон пайду. (2)

Да мой милай, (2)
Да мой милай недагадливай был. (2)

Да пастылай муж, (2)
Пастылай муж дагадается.

Да с беседушки, (2)
С беседушки падымается. (2)

А мне, младой, (2)
А мне, младой, не хателася дамой. (2)

Да хателася, (2)
Хателася вдоль па улице прайти. (2)

Да па улице, (2)
Па улице мима кузницы. (2)

Да ва кузнице, (2)
Ва кузнице маладыя кузницы. (2)

Да ани куют, (2)
Ани куют и наваривают. (2)

Да сабе Дуню, (2)
Сабе Дуню пригаваривают. (2)

Да пайдём Дуня, (2)
Пайдём, Дуня ва лисок, ва лисок. (2)

Со слов: Сарвём, Дуня, лапушок.
Сашьём, Дуня, сарафан.
Наси, Дуня, не марай.
Па праздничкам надевай.

Песня записана в с. Семидесятное Хохольского р-на Воронежской обл. от Прилепиной Т.Ф. 1930 г.р., Пановой М.П. 1926 г.р., Прилепиной Т.Б. 1929 г.р., Войлоковой Н.В. 1926 г.р. экспедицией ВГУ в 1999 г. АКТЛФ К 99/4. Нотация Чернобаевой А.А.

ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ И ПРИСЛОВЬЯ, СОБРАННЫЕ А.В. КОЛЬЦОВЫМ

А

1. 1. Абрек на поле, пустил в поле – пусть гуляет.
2. 2. Аталъются волку коровьи слезки.
3. 3. Ат казла – не молоко.

Б

4. 1. Были и наши рога в торгу.
5. 2. Борода с ворота, а ум с прикалиток.
6. 3. Без ума голова – что лукошко.
7. 4. Без имени овца – баран.
8. 5. Быть бычку на обрывочке.
9. 6. Береги денежку про черный день.
10. 7. Бог даст день: бог даст пищу.
11. 8. Бедность – не порок.
12. 9. Бодливой корове бог рог не дает.
13. 10. Белой свет ни углом сведен.
14. 11. Белой свет на волю дан.
15. 12. Брань в боку не лежит.
16. 13. Богу молись, а к берегу гребись.
17. 14. Барыш с накладом на одном полозу ездит.
18. 15. Без хозяина дом – сирота.
19. 16. Без чужой вши чесаться не будет.
20. 17. Беден бес, богат бог милостью.
21. 18. Бог дал, бог взял.
22. 19. Бедлив, как кошка, труслив, как заяц.
23. 20. Будь пьян, да не будь упрям.
24. 21. Беда придет, ум за разум зайдет.
25. 22. Бог не выдаст, злодей не съест.
26. 23. Бей сороку и ворону, добьешься до ясна сокола.
27. 24. Бей в куст, виноватого бог выдаст.
28. 25. Браниться – бранись; рукам воли не давай.
29. 26. Бельмо б те на глаз.
30. 27. Была бы шея – хомут будет.
31. 28. Бог не попустит – собака не съест.

В

1. Всяк пляшет, да не как скоморох.
2. Видишь в поле погоду – не езди.
3. Вытяни язык, вылупи глаза. (Употребляется за столом при кушанье лапши).
4. В старину живали двор обо-двор и калитка на двор.
5. Ворон ворону глаз не выколет.
6. Выстрел в воздух, а черт в воду.
7. Воин-трус – вооруженный мундир.
8. В гостях хорошо, а дома лучше.
9. В головах кулак, под боком так.
10. Всего не переймешь, что по морю плывет.
11. Всякой молодец на свой образец.
12. Видна птица по полету.
13. Всем девка, да нага.
14. Весна говорит: уколочу, а осень говорит: как захочу.
15. В леси жить – пенкам богу молиться.
16. Вольному – воля, спасенному – рай.
17. Волк из щетнова берет.
18. Взялся за гуж – не говори: не дюж.
19. Всем сестрам по сергам.
20. В надежде конь копытом бьет; видно, подкован.
21. Век протянется, всему достанется.
22. Век живи, век учись.
23. В дугу согнуть.
24. В бараний рог скручу.
25. В лесу бирюка не блюдут.
26. Видно по кулю, что четверть.
27. В одну пору сено косють.
28. Всякая лисица на свой хвост не наступит.
29. В своей семье не велик расчет.
30. В доброю голову сто рук.
31. В нашей могиле кости гремят.

Г

1. Гляди в оба.
2. Говори, говори: да и мол.
3. Горбатого могила справить.
4. Гордому бог противится.

5. Грех да беда на ком не лежит.
6. Грех сладок: кусает и в синим.
7. Гром не грянет, мужик не перекрестится
8. Гинь на лес, и лес ломится.
9. Глаза страшать, руки делают.
10. Горькому горькая песенка поется.
11. Голод не свой брат.
12. Голо-голо, да и синя.
13. Горшок с горшком стыкается.
14. Где поведется, там и петух понесется.

Д

1. Дулась гора родами, а родила мышь.
2. Думала я так, передумала инак: ну-ка, бабушка, на новый лад.
3. Дурной глаз на осину взглянет, осина завянет.
4. Дурак камень бросит в воду, умной не достанет.
5. Десять раз смеряй, однажды отрежь.
6. Добрая слава при дорожки лежить, а худая слава по дорожке бежит.
7. Далече куцому за зайцем гнаться.
8. Денежка рубль бережет.
9. Дуракам закон не писан.
10. Дитя не плачет – мать не разумеет.
11. Дурака в алтаре бьют.
12. Деньги – черви, а без денег – люди черти.
13. Дитя не плачет, мать не разумеет.
14. Дареному коню в зубы не глядят.
15. Дальше положишь, ближе возьмешь.
16. Для глухого две обедни не служат.
17. Дело мастера боится.
18. Дело делу – рознь, другое – хоть брось.
19. Будь пьян да не будь упрям.
20. Девушка, пей, да дельце разумей.
21. Дорога бороздна к загону.
22. Далеко свинье на небо смотреть.
23. Дела, как лутошки.
24. Два бела, третье – как снег.
25. Дать себе волю – спустишь и отцовскую долю.
26. Дай бог сидню ноги.
27. Доброй жернов все мелет.

Е

104. 1. Едешь на день – бери хлеба на неделю.
105. 2. Ешь, конь, сено – поминай, конь, лето.
106. 3. Ерема, Ерема! сидел бы ты дома, точил веретены.
107. 4. Ешь, собака, да неведомая.

Ж

108. 1. Жизнь протянется, всему достанется.
109. 2. Жизнь пережить – не поле перейти.
110. 3. Жила правду выведет.
111. 4. Жены стыдиться – детей не видать.
112. 5. Жив живое говорит.
113. 6. Жена не коза, дети не пчелы.

З

114. 1. Запрос в карман не лезет.
115. 2. Залетела ворона в высокие хоромы.
116. 3. За чем пойдешь, то и найдешь.
117. 4.За морем телушка по полушке, да рубль перевозу.
118. 5. Зашел Макар в кут, где телят пасут.
119. 6. Знай больше, говори меньше.
120. 7. Знай честь, утирай бороду.
121. 8. Золотые руки, да рожа в г…е.
122. 9. Злой собаке много надо.
123. 10. Знай своих, поминай наших.
124. 11. За правду господь лица прибавляет.

И

125. 1.Из пустой хоромины – либо сыч, либо сова, либо сам черт – сатана.
126. 2. Из того кузнец клещи держит, чтоб руки не обжечь.
127. 3. Из злой собаки хоть шерсти клок.
128. 4. И на Малашку бывает промашка.

К

129. 1. Какова ловля, такова и кормля.
130. 2. Кто нови не видал, тот ветоши рад.
131. 3. Как у мужа т….о, так у жены ш….о.

132. 4. Красен словами, рассудком беден.
133. 5. К берегу не попал, а от другого отстал.
134. 6. Как клад – не дается.
135. 7. Купец – метла: все подметай.
136. 8. Каков в колыбелку, таков и в могилку.
137. 9. Кто бога не слушает, тот богу противник. 2 р.
138. 10. Конец дело венчает.
139. 11. Как пришло, так и прошло.
140. 12. Когда маленько, кроши меленько.
141. 13. Кормил до уса, корми до бороды.
142. 14. Кожа наружи, глаза во лбу.
143. 15. Куда ни кинь – везде клин.
144. 16. Конь о четырех ног, и то спотыкается.
145. 17. Купил – сват; не купил – доброй человек.
146. 18. Как аукнется, так и откликнется.
147. 19. Кто кому посмеется, тот тому поработает.
148. 20. Кто бога не слушает, тот богу противник.
149. 21. Как бельмо на глазу.
150. 22. Кус – деньга, кус – алтын.
151. 23. Каков царь, таков и псарь.
152. 24. Казенная палата от мужиков богата.
153. 25. Кто бабке не внук.

Л

154. 1. Лежень лежит – счастье растет.
155. 2. Ласковое телятко две матки сосет.
156. 3. Либо полон двор, либо корень вон.
157. 4. Лбом стену не пробьешь.
158. 5. Люби ездить, люби возить.
159. 6. Люблю, как душу, трясу, как грушу.

М

160. 1. Миллион под угол... пьет сам богач.
161. 2. Моя изба с краю, я ничего не знаю.
162. 3. Мерила бабушка крюкой, да махнула рукой: быть по-старому, как поставлено!
163. 4. Медведь быка дерет: и тот ревет, и тот ревет; а кто кого дерет, черт их разберет.
164. 5. Мягко стелет, да жестко спать.

6. Маслиная головка – отцу-матери не кормилица.
7. Мы про людей вечеринку, а люди про нас – всю ночь не спят.
8. Мир – большой человек.
9. Мал золотник, да дорог; велика Федора, да дура.
10. Маленькая собачка – целой век щенок.
11. Молодое растется, старое стареется.
12. Москва бьет с носка.
13. Мы с тобой истцы, а прежние – молодцы.

Н

1. Не родом старцы ведутся; кого бог приведет.
2. Не угадывай в год, угадывай в гроб.
3. На … … карандаш, не товарищ ты наш.
4. Наш брат Исайка – без струн балалайка.
5. Не штука в сапогах, штука – босиком.
6. Ни в поле, ни на дворе.
7. Не пойман – не вор.
8. Не ставь пышку лепешкою.
9. Не всякой гром бьет; авось, и староста помилует.
10. Не робей, воробей, – синицу поймали.
11. Не то, что у вас: у нас пряники ломай да со щами хлебай.
12. На звук пчела летит.
13. Нет в поле дерева, где б птица не сидела.
14. Не угадывай в род, угадывай в гроб.
15. Не всякому слуху верь.
16. На чужом коне не наездишься.
17. Не смейся, кисель: не лучше людей.
18. На гнилой товар – слепой купец.
19. Назвался груздем – лезь в кузов.
20. На грех утка б...ь.
21. Не только за чужого, не ручись за отца родного.
22. Не место человека просвещает, а человек место.
23. Не лгет душа – а лгет мошна.
24. Не держался на голове, на хвосте не удержишься.
25. Нашел – молчи, потерял – молчи.
26. Не радуйся – нашел, не тужи – потерял.
27. На то щука в море, чтоб карась не дремал.
28. На чужой роток не накинешь платок.
29. Не гребень голову чешет, а время.
30. На всякого мудреца есть довольно простоты.

31. На чужом коне далеко не уедешь.
32. На леченой кобыле не наездишься.
33. Не в коня корм.
34. Не нашей губицы исть отрубицы.
35. Не к шубе рукав.
36. Не бойся умного лихого, бойся смирного дурака.
37. Не купи место, купи соседа.
38. Не в пору гость – хуже татарина.
39. Не было бегу – не было следу.
40. Не всякому слуху верь.
41. Нет молодца, чтоб обмануть винца.
42. Не сули журавля в поле – дай синицу в руки.
43. На посуле, как на стуле.
44. Не верь людям, а верь глазам.
45. Не все коту масленица.
46. Нанялся – продался.
47. На людях и смерть красна.
48. Не молись о постылом, бог возьмет милого.
49. Не плюй в колодец; годится водицы напиться.
50. Не рой людям яму – сам упадешь.
51. Нет конца без начала.
52. На кого бог, на того и люди.
53. Ни богу свеча, ни черту кочерга.
54. На травлю ехать – собак кормить.
55. Не зарекайся воровать.
56. Нет худа без добра.
57. Невольной грамоты нету.
58. Не влекет судьба – влекет охота.
59. Не надейся, Роман, на чужой карман: раньше вставай да свой наживай.
60. Не по летам, а по ребрам.
61. Не нашего плеча епанча.
62. Не нашего поля ягода.
63. Не купи дом – купи угодье.
64. Не хочешь ли на я-ть голубей менятъ.
65. Не разжевавши, не проглотишь.
66. Недосоль на столе, а пересоль на спине.
67. На грех мастера нет.
68. Не вошь голову точит, а гнида.
69. На обухе рожь молочивали.
70. Неволя упряма.
71. Ночная кукушка денную перекукует.

О

244. 1. Около носа вертится, да в рот не попадет.
245. 2. Один в поле не воин.
246. 3. От яблоньки далече яблочко не катится.
247. 4. От беды не уйдешь.
248. 5. От чужих ворот – трое поворот.
249. 6. Об исходе – с ума сходя.
250. 7. Он знает, где раки зимуют.
251. 8. Он прост, как дуга.
252. 9. Один гусь травы не вытопчет.

П

253. 1. Пей, да не воруй; люби, да не целуй; беды на волос не будет.
254. 2. Пуля виноватого найдет.
255. 3. Писец без пера, что солдат без ружья.
256. 4. По саже хоть гладь, хоть бей – все будешь черен от ней.
257. 5. Пришей кобыле хвост.
258. 6. Пролито – полно не живет.
259. 7. Пиво на сусле не узнаешь.
260. 8. Плетень-то заплели; кто-то расплетет.
261. 9. Плеть обуха не перебьет.
262. 10. Пьянице капля дорога.
263. 11. Проиграл яичко? Играй желвачком.
264. 12. Противу жару камень треснет.
265. 13. Птица по зернышку клюет, да сыта живет.
266. 14. Посмотрим мы на вас; не будет ли бархат-атлас.
267. 15. Пустая трава из поля вон.
268. 16. Пока солнце взойдет, роса глаза выбьет.
269. 17. При пире, при беседе – друзей-братьев много; при горе, при печали – нет никого.
270. 18. Перемелется – мука будет.
271. 19. Правда светлей солнца.
272. 20. Пить до дна – не видать добра.
273. 21. Проданному товару золотой верх.
274. 22. Первой кус – разбойник.
275. 23. Пьяному человеку – море по колено.
276. 24. Правда глаза колет.
277. 25. Первой блин комом.
278. 26. Плохо не клади, вора в грех не вводи.

279. 27. Плохой мир лучше доброй брани.
280. 28. Плохая рыбка – поганая юшка.
281. 29. Пар костей не ломит.
282. 30. Поехал ни по што, привез ничего.
283. 31. По делам вору мука.
284. 32. После скобля – топором.
285. 33. Прямая дорога на кривую наведет.
286. 34. Перевел шило на мыло.
287. 35. Понюхал пробой да поехал домой.
288. 36. Подле чертенка не заведешь дитенка.
289. 37. Прошел спас, бери руковицы про запас.

Р

290. 1. Растрепал мир мою бороду.
291. 2. Рад бы душой, да хлеб чужой.
292. 3. Руби дерево по себе.
293. 4. Ранняя птичка носок очищает, а поздняя только глазки продирает.
294. 5. Руби дерево по себе.
295. 6. Рука руку моет, чтобы обе белы были.
296. 7. Рано птичка запела: видно есть захотела.
297. 8. Решетом воды не наносишь.

С

298. 1. С лица воды не пьют, абы умен-то был.
299. 2. Своя избушка, свой простор.
300. 3. С суда – ни деньги, с потравы – ни хлеб.
301. 4. Слово скажет – рублем подарит.
302. 5. Сундук без замка – язык без привязи.
303. 6. Собака собаку знает.
304. 7. Собаке собачья честь.
305. 8. Сердит да не силен: дерьму брат.
306. 9. Съел один гуся – заведало гусна.
307. 10. Сеял мужик репу – вышел пусторнак.
308. 11. Славны бубны за горами; к нам приедут – что лукошки.
309. 12. Семеро сватают – одному достается.
310. 13. Сам плох – не даст бог.
311. 14. С чужого коня среди грязи долой.
312. 15. Соловья баснями не кормят.

16. С одного вола двух кож не дерут.
17. Стреляй в куст, виноватого бог выдаст.
18. Сила солому ломит.
19. С умом суму носить.
20. С посмеха люди живут.
21. С сильным поборись, с богатым не тягайся.
22. Сколько веревку ни вить, а концу делу быть.
23. Слушай, дуброва, что лес говорит.
24. Старики-дураки клали в кучи чураки, а умники-детки размотали щепки.
25. Стол в избе – хозяин дома.
26. Своя рубашка к телу ближе.
27. С боя собака бежит.
28. С волками жить по волчьи выть.
29. Стар пестрец – да уха сладка.
30. Страшен сон да милостив бог.
31. Свою клячу, как хочу, так пячу.
32. Смирной пока найдет, а резвой сам набежит.
33. Собака брешет – ветер носит.
34. С навала люди разживаются.
35. Скоро делаешь, да слепо родишь.
36. Сват – так сват, а не сват – будь добрый человек.
37. С дуру, как с дубу.
38. Скупость – не глупость, бедность – не порок.
39. Смерть причину найдет.
40. Семь бед – один ответ.
41. Семь дел в одни руки не берут.
42. Скорую работу не хвалят.
43. Учи, когда поперек лавки лежит.
44. Сорочи, не сорочи, а сто рублей деньги.
45. Старое дерево целой век скрипит, а молодое ломается.
46. Стоя едет, семерых везет.
47. Собака на сене лежит, а другим не дает.
48. Стань, гора, не лежи!
49. Стань, беда, не лежи!
50. Своя рука – владыка.
51. Собери домок в ореховую скорлупочку.
52. Светил бы месяц, а звезды будут.
53. Свой своему поневоле брат.
54. Свой – дерись, чужой – не вступайся.
55. С жиру гуси бесятся.

56. С…а не захочет, к…ь не вскочет.
57. Суди ж меня губерска, а не баба деревенска.
58. Сколько вору ни воровать, а палачовых рук не миновать.
59. Сися, Матрена, вчерась родились.
60. Снаружи хорошо, а внутре загляни – волчью песню затяни.
61. Старость – не радость, бедность – не корысть.
62. Сменял горшки на глину.
63. С ево лица не воду пить.
64. Сыт голодному не разумеет.

Т

1. Тужи не тужи, а пропали гужи.
2. Тращаная кобыла пня боится.
3. Торг – яма; стой – прямо.
4. Там лучше, где нас нет.
5. Ты – Хомой, а Хома – тобой.
6. Топчи в грязь, будет князь.
7. Тесть любит честь, зять любит взять.
8. Тише едешь, дальше будешь.
9. Тяп да ляп – клетка.
10. Тяп да ляп – не выйдет корабль.
11. Телега мяса – воз костей.
12. Тертой калач: на обухе рожь молачивал.

У

1. У девушек ушки золотом завешаны. (Говорят в беседе при дурных речах).
2. У вора дубинку не купишь.
3. У палки два конца.
4. У страха глаза велики.
5. Умной человек слова на ветер не пустит.
6. Ум хорошо, а два лучше.
7. Ученого учить – только портить.
8. Умелому петь, когда голосу нет.
9. У бога всего много.
10. У трезвого на уме – у пьяного на языке.
11. У черта силы много, да воли нет.
12. У мерина в…к, да бог не велит.
13. У всякого начала свой конец.

387. 14. У вдовушки обычай – не девичий.
388. 15. У всякого плута – свой расчет.

Х

389. 1. Худому сыну отцовское имение не в помощь.
390. 2. Хоть сурье белье, да свое рукоделье.
391. 3. Хоть худенький, да с пуговками.
392. 4. Хата теплая, хозяйка добрая; живи-поживай.
393. 5. Хороша тюрьма, да черт ей рад.
394. 6. Хвать в карман – дыра в горсти.
395. 7. Хоть не скоро, да здорово.
396. 8. Хоть толкачом, так есть по чем.
397. 9. Хочу – вскочу, хочу – не вскочу.
398. 10. Хороший жернов все мелет.
399. 11. Хорош гость в гостинку.
400. 12. Ходя наешься, стоя выспишься.
401. 13. Худого не снимут, хорошего не наденут.

Ц

402. 1. Цены бог строит.
403. 2. Царь воды не удержит.

Ч

404. 1. Что вера ни попала, и то мышка украла.
405. 2. Чужую рожь веять, глаза порошить.
406. 3. Что ему! с пала – горя.
407. 4. Что худо да слепо, то – Кузьме Демьяна.
408. 5. Чужое имение прахом пойдет.
409. 6. Чем дальше в лес, тем больше дров.
410. 7. Чего не знаешь – не берись.
411. 8. Что с воза упало – пиши пропало.
412. 9. Через силу конь не повезет.
413. 10. Чужие люди век не прокормят.
414. 11. Чужая болячка никому не больна.
415. 12. Чужую беду по пальцам разведу, а к своей – ума не приложу.
416. 13. Что добудешь, то и съешь.
417. 14. Чужому безвременью не радуйся.
418. 15. Честь лучше бесчестья.

419. 16. Что за спица в колеснице.
420. 17. Что с возу упало, то пиши пропало.
421. 18. Что посеешь, то сожнешь.
422. 19. Чужой хлеб приедчив.
423. 20. Чужая сторона – темной лес.
424. 21. Чем черт не шутит.
425. 22. Что ты привязался, как смоленский солдат.
426. 23. Что ни напряла, и то мышка украла.
427. 24. Что за беда – во рже лебеда! вот то беды – ни ржи, ни лебеды.
428. 25. Чужие руки – крюки.
429. 26. Чужими руками только жар загребать.
430. 27. Что? Гриб съел.

Ш

431. 1. Шел кум пеши – куме легше.
432. 2. Шила в меху не утаишь.
433. 3. Шилом море не нагреешь.
434. 4. Швец – портной, коновал – клетной. (Швецы по деревням шьют по избам, а ночуют по клетям).

Щ

435. 1. Що, брат, люди едут пахать, а мы с тобой руками махать.

Э

436. 1. Экой ты, Гапка, овчинная шапка, синий кафтан!
437. 2. Экой ты щеголь – ременные обори!

Я

438. 1. Язык не лопатка, знает, где сладко.

ПИСЬМА А.В. КОЛЬЦОВА О НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ

А.А. Краевскому
12 февраля 1837 г. Воронеж

Добрый и любезный Андрей Александрович! Старое «Литературное прибавление» с новою жизнию, Плюшара с издателем, а вас с редакторством и журналом поздравляю. Душевно рад, что, наконец, вы все-таки поставили на своем. Пусть ваши враги скинут шапки и поклонятся в пояс победителю; правым делом бог владеет! А вашему новому журналу успеха и талану и долгих лет. Трудно сначала отыскать дорожку, а дорожка на дорогу выводит, а по битой дороге хоть день, хоть ночь ступай, – с полгоря, – не собьешься! Жалко, что до этих пор не видал еще нового «Литературного прибавления». В Воронеже я говорил об нем кой-кому, и человека три подписались, но до сих пор еще не получили. В «Сыне отечества» я читал вашего «Бориса Федоровича Годунова» с душевным удовольствием два раза, и еще прочту. Долго думали, много трудились – и хорошо сделали...

О издании моей книги очень жаль, что вы об ней так много беспокоитесь: невозможного сделать невозможно. Вы хлопочете, чтобы ее продать какому-нибудь книгопродавцу. За нее дорого дать никто не согласится, а если 300 или 500 рублей, то и хлопотать нечего: такие безделицы продавать дороже стыдно. В теперешнее время она более ничего, как ветошь, а ветошь когда была в цене? Если вы все те же и ваше желание не переменилось, то позвольте просить вас вот о чем. Сберите все пьесы, какие остались у вас в рукописи, прибавьте к ним, какие я посылал Януарию Михайловичу; после же разбросайте по них напечатанную книжку – и выйдет под шестьдесят. Расположите, как признаете лучше. Януарий Михайлович обещался прибавить к ним свою статейку, и вы, с своей стороны, прибавьте то, что прибавить хотели,– и будет славная книжка. Еще мне бы хотелось напечатать на хорошей бумаге, пороскошней, и оттисните в добрый час. Мало слов, много хлопот, и дела куча. Отдайте Смирдину на комиссию или кому вам угодно – и дело с концом. А если публика не поддержит? Бог с пей! Пускай она думает себе, как хочет. Ведь вы ж сказали, что правда, как масло, наверх выплывает. Если они хороши, публика полюбит; плохи – нет. Как можно заставать молодца-красавца любить противу сил дурную жену? Я на публику никогда не надеялся и надеяться не буду. За свои стихи денег не брал и буду ль брать когда-нибудь? Цена им дешевая, а награда великая. Вы не побрезговали мною, слава богу: приняли в число своих

знакомых, помогли, обласкали, во-первых, познакомили меня с людьми, которых я не стою и не буду стоить никогда. Чего же мне больше! От Христа рожна, что ли? Нет, я и этим доволен чересчур. Не выручатся деньги, а платить в типографию будет нужно – напишите: я тотчас вам деньги вышлю. А чтоб вас совершенно уверить и успокоить в исправном платеже, посылаю расписку. Еще меня на это станет: жив бог – жива душа. А если бы вы ее посвятили наследнику, кто был бы счастливее меня во всей России! Но эта мысль несбыточная. Впрочем, пора издавать ее или нет, как издавать, поспеет ли она кстати, или вовсе погодить – мне отсель узнать трудно, но я во всем отдаюсь на вашу полную волю: как хотите, так и делайте.

Вы ничего не пишите, отчего именно не могли войти в «Современник» мои пьески? Тут что-нибудь должно быть другое. Меня сильно беспокоит эта тайна, а вы скрываете; пожалуйста, объясните просто. Я к вам пристал, как арипей: требую и того и того, а какое имею право и чем заплачу? Ничем! В своем «Литературном прибавлении», какие угодно вам будут, поместите мои пьески; я буду душевно вам благодарен.

Вы думаете, кончил? Нет! Я еще собираюсь вас просить… уж эти мне просьбы, просьбы! Самого ножом на части режут, и неловко и совестно, а нужда говорит. Наш виц-губернатор Александр Яковлевич Мешковский, зять статс-секретаря Мартенко, теперь у вас в Петербурге. Зачем – бог его знает; только по моему делу до сих пор ничего делать не начинал. Нельзя ли через кого-нибудь его вам попросить кончить мое дело поскорее? Бога ради, не оставьте! В деле вы приняли участие и много уже благодетельствовали. «Отшельника» посылаю при сем; поместите куда-нибудь.

Я собрал несколько пословиц; но не знаю, какие мне именно записывать: какие попало или каких нет у Богдановича и Снегирева «Русские в своих пословицах». Если кроме их, то собирать трудно и мало разбросано в людях. Для совета я приведу их в порядок и, если велите, пришлю к вам. А песни, какие и волочатся, то просто все беспутные, из них посылаю вам посмеяться при сем.

Но более всего меня останавливают от занятий литературных дурные обстоятельства нашей коммерции. Дела торговли все худшают. Скотом прошедший год торговали дурно. Сало продали 11 р. 25 к. за пуд, кожу бычью – 13 р., говядину обрезную продаем 2 р. 50 к. и 2 р. и 1 р. 50 к. за пуд. Дровами торговля посредственная. Хлеб у нас: мука ржаная 3 р. 50 к. четверть, овса 1 р. 80 к. четверть, пшено 1 р. 40 к. мера, крупа 80 к. мера, гречиха 3 р. четверть, пшеница 8 р. 50 к. и до 10 р. четверть.

Душевно желаю вам быть здоровым. С истинным почтением имею честь пребыть ваш покорнейший слуга

Алексей Кольцов.

1837 года, февраля 12 дня, я, нижеподписавшийся, дал сию расписку его высокоблагородию Андрею Александровичу Краевскому в том: сколько будет им истрачено своих денег на издание моей книги, обязуюсь я таковые деньги, по первому его требованию, немедленно заплатить, в чем и подписуюсь. Воронежский мещанин *Алексей Кольцов.*

А.А. Краевскому
13 марта 1837 г. Воронеж

Добрый и любезный Андрей Александрович!

Александр Сергеевич Пушкин помер; у нас его уже более нету!.. Едва взошло русское солнце, еще осветило широкую русскую землю небес вдохновенным блеском, огня животворной силой; едва огласилась могучая Русь стройной гармонией райских звуков; едва раздалися волшебные песни родимого барда, соловья-пророка…

Прострелено солнце. Лицо помрачилось, безобразной глыбой упало на землю! Кровь, хлынув потоком, дымилася долго, наполняя воздух святым вдохновеньем недожитой жизни! Толпой согласной соберитесь, други, любимцы искусства, жрецы вдохновенья, посланники бога, пророки земные! Глотайте тот воздух, где русского барда с последнею жизнью текла кровь на землю, текла и дымилась! Сберите ту кровь, в сосуд положите, в роскошный сосуд. Сосуд тот поставьте на той на могиле, где Пушкин лежит.

О, лейтесь, лейтесь же ручьями
Вы, слезы горькие, из глаз:
Нет больше Пушкина меж нами, –
Бессмертный Пушкин наш угас!

Слепая судьба! Разве у нас мало мерзавцев? Разве, кроме Пушкина, тебе нельзя было кому-нибудь другому смертный гостинец передать? Мерзавцев есть много, – за что ж ты их любишь, к чему бережешь? Мерзавка судьба!.. Творец всемогущий света! Твоя воля, твои советы мудры; но непостижим нам твой закон!..

К вам любезнейший Андрей Александрович, есть у меня просьба. Нельзя ли потрудиться сказать господину Плюшару выслать мне кое-какие книги. Сколько денег за них – по присылке тотчас я пошлю. А книги иметь вот какие мне хотелось:

Новое издание «Отелло, венецианский мавр» Шекспира;

«Сказания русского народа о семейной жизни его предков» Сахарова, 1936 г.;

«Недоросль» Фонвизина;

Новый курс философии Жеразе, 1936 г.;

Руководство к истории литературы, соч. А. Вахлера, с немецкого. 2 части;

«Двоемужница» Шаховского;

«Серапионовы братья» Гофмана.

Желаю вам здоровым благополучно убивать время в божьем мире. С истинным моим почтением и преданностью имею честь пребыть вас любящий и почитающий покорнейший слуга *Алексей Кольцов.*

А.А. Краевскому
16 июля 1837 г. Воронеж

Добрый и любезнейший Андрей Александрович! Давно я к вам не писал ни строчки; дурно, сам знаю, и каюсь перед вами. Не то чтоб не хотел, – боже упаси! Но хлопоты, но дела, но неприятности – вот мои друзья, которые так прилежно за мной ухаживают и день и ночь, вот мои друзья, товарищи, сослуживцы! Бог знает, когда они от меня отстанут; с ними я хожу, лежу, и ем, и сплю. Досадно, мочи нет! А помочь горю нечем! Да, в настоящем мы горюем, в будущем ждем лучшего; приходит будущее и – хуже старого в семь седмериц. Вы думаете: какие дела? Пустые, гражданские? Нет, торговые, торговые дела дурны, вот что! За что ни возьмись – валится все из рук, хоть плачь! Что купишь, думаешь: барыш! Ан нет: убыток да убыток. Сказать вам откровенно? Этот чертов убыток уж как нехорош! Жуешь, жуешь, никак не проглотишь, так в глотке колом и становится! Ледащий малый – этот убыток, черт с ним совсем! Старая песня – в сторону! Ей, черт с ней! Ею только вам можно наскучить. Сем, поговорить о другом, – и дело пойдет глаже.

Я к вам давно не писал, во-первых, за делами, во-вторых, – стыдно сказать! – ничего не успел написать, ничего. Что делать? – выносишь. Не живи, как хочется, – живи, как бог велит! Право, нет время, или, лучше сказать, время свободного имею я много, да так всегда мысли расстроены, что не лезет ничего в голову; а что и лезет, то черт знает что такое: ни медведь, ни человек, а так какой-то кавардак. Стоишь, думаешь-думаешь, да и сядешь на пень: ноги свесишь, голову повесишь, как дурак. Теперь, с горя, принялся, как говорили вы мне, собирать русские народные песни. Присказками-то я вас уже употчевал, чай,

не захотите в другой раз: больно солоно! Что вы до сих пор не сказали об них ни слова? Да, кажется, никогда не скажете ничего. А об Януарии Михайловиче и слух совсем застыл: слышал мельком, что поехал он в чужие края путешествовать. Дай бог ему здоровья, в добрый час! После присказок я теперь собираю народные песни и уж собрал немножко. Это дело, кажется, лучше. Вот из них одна. Посмотрите, если она хороша, поместите где-нибудь, а нет – в огонь! Перегорит да выгорит, так лет через сто будет славная песня. Впрочем, скажу вам, не ждите: в нашем народе лучше этой-то и нет. Я их переслушал много, да все, знаете ль, такая дрянь, что уши вянут; похабщиной битком набиты. Стыдно сказать, как наш русский простой народ бранчлив. Если же они вам приглянутся, напишите, я их еще к вам пришлю: есть в сумке про запас, и собирать буду. Но уж какая скука их собирать! С этими людьми, ребятами, сначала надобно сидеть, балясничать, потом поить их водкой и пить с ними самому зачеред: потом начать самому им пропеть песни две. А я петь большой мастак! Если бы кто послушал, нахохотался бы досыта, по горлушко. Потом они затянут, ты с ними же, пишешь и поешь! Приезжайте, послушайте, любезнейший Андрей Александрович! Ей-богу, смешно, – черевушки порвете! А иначе ничего не сделаешь, хоть брось. Только и я за них принялся крепко: что хочешь делай, а песни пой: нам надобны!

Седьмого июля был у нас в Воронеже дорогой гость, великий князь, и с ним Василий Андреевич Жуковский. Я был у него, он меня не забыл. Ах, любезный Андрей Александрович, как он меня принял и обласкал, что я не нахожу слов всего вам пересказать. Много, много, много – и все хорошо, прекрасно! Едва ли ангел имеет столько доброты в душе, сколько Василий Андреевич. Он меня удивил до безумия. Я до сих пор думаю, что это все было со мной во сне, да иначе и думать невозможно. Жаль, что не могу всего рассказать вам подробно; словом, чудеса!.. Дай бог ему доброго здоровья. Я благоговел перед ним. Приезд Василия Андреевича в Воронеж много меня осчастливил. Не только кой-какие купцы, и даже батенька не верил кой-чему; теперь уверились. И ничего, слава богу! Много бы, много вам об этом надобно поговорить, да не могу: душа чувствует, да высказать не может. Словом, мне теперь жить и с горем стало теплей дюже. Желаю вам доброго здоровья. Всем, кого увидите из моих добрых знакомых, засвидетельствуйте почтение; я всех их свято помню. С истинным моим почтением и преданностью, ваш покорнейший слуга *Алексей Кольцов.*

А.А. Краевскому
28 июля 1837 г. Воронеж

Добрый и любезный мой Андрей Александрович! Не получая ответа на посланную вам песню, теперь посылаю другую. (Речь идет о песне «Ты стой, моя роща». – от ред.) Ответ мне ваш нужен в теперешнее время потому более, что я, как вам уже писал, принялся собирать русские народные песни пристально. Но, может быть, они вам или не понравятся, или нет, какие бы нужно собирать; следственно, труд мой будет в таком случае совершенно напрасен; а их собирать и копотко и трудно, притом мне, без ваших наставлений, самому потрафить трудно. В Воронеже не то, что в Петербурге. Там показал тому-другому, выслушал мнение – и, благословясь, валяй вперед! Здесь не то: у нас о словесных предметах доброго слова и на рождество Христово не услышишь. Эту песню поют в Серпуховском уезде, в волости Хатунской. весною, в хороводе, с следующим порядком.

Хоровод становится в круг; берут друг друга за руки девушки п молодцы; в середине хоровода один парень становится в венке, расхаживает, поет и пляшет:

Сронил я веночек; –

здесь он снимает с себя венок и бросает наземь. Он над ним стоит; хоровод ходит, поет до «Ты стой, моя роща». Здесь он поднимает венок, надевает на голову, вновь ходит, пляшет и поет; и во второй раз повторение делают так же. В третий раз сначала тоже:

Девушка идет,
Красная идет,
Веночек несет, –

хоровод становится, поет; одна девушка из поднимает венок, надевает на молодца, или как она говорит, на «хороводчика», целует его. И конец игре. Надобно заметить: так, как я ее записал, она имеет слова точные, из слова в слово; но поют в хороводе ее иначе. Все стихи у них повторяются несколько раз и большею частию перемешиваются; и есть при других стихах прибавление из гласных букв, частицы к стихам, например: о, аи, оой, аой, ай-ой. У меня есть она и этак списана, и очень верно. Буде угодно, я вам пришлю. Эта песня удивительно как хороша на голос; жаль, что я не умею положить голоса.

Дела мои теперь торговые опять немножко получшели; прилив и отлив их беспрестанный. Вы, пожалуйста, не беспокойтесь, если я иногда пишу о них грустно. Часто тяготят они душу, грустишь и об эту пору пишешь к кому что должно и не должно – без ума. Вам они кажутся, может быть, новы, а мне ничего; и горе и радость должны идти в этой

жизни рука об руку,– так велел быть здесь наш хозяин! Теперь надеюсь заниматься кое-чем поприлежней; кажется, впереди много свободного время. Вперед, вперед!.

Желаю вам, любезнейший Андрей Александрович, доброго здоровья. Януарию Михайловичу, если он в Петербурге, душевное почтение. С истинным почтением и преданностью честь имею пребыть ваш покорнейший слуга *Ал. Кольцов.*

А.А. Краевскому
15 декабря 1837 г. 2 часа ночи, за полночь г. Воронеж

Милый и любезный Андрей Александрович! Горькому горькая песенка поется. Прежде, живя в этой жизни, ничем не наслаждаясь, я все думал: «Время наше впереди, будет праздник и у нас! Пусть их живут, а мы еще успеем: потрудимся, поработаем, как бог велел, устроимся и пойдем плясать!» – Хорошо. Пришла пора. Затянул песню и я, да горькую; пошел и в пляс, да не казачка в обмитку, а пародию медведя на привязи. Это предисловие к теперешней моей драме. Мой золотой век кончился: я его прожил у вас, между вами, в Петербурге. После все не так, вск наперекор: ты от беды ворота на забор, а беда лезет через забор. Торгую дурно. То дело еще не кончилось; тянут, мучают, жмут и конца не становят, – хоть бы черт их взял! Что, вам грустно? Вы жалеете обо мне? Не жалейте, это ничего, я уж обтерпелся, привык. Захочет – само пройдет! Бог не без милости, казак не без счастья. За ночью день уж должен быть, а ежели захочет ночь его скушать – подавится! Горе, забота, дела и это все – вдруг! Конечно, неловко; но все бы ничего, когда бы за всем этим у меня было бы время заниматься, чем мне хочется. Его-то нет, вот беда! Вы думаете, я говорю это к тому, что, дескать, за этим-то мы давно к вам ничего не посылали, ничего не писали, что-де дурные обстоятельства все останавливали? Э, нет, ей-богу, нет! Несмотря на все мои антипатические обстоятельства, я все-таки читаю и пишу по-прежнему, конечно, не столько, сколько бы мог, пользуясь свободой, но все же пишу хоть малость. У нас теперь есть: и «Ура», и «Царство мысли», и «Две жизни», и «Пора любви», и «Два прощанья», и «Весна», и «Грусть удалого», и «Песня Кудрявича», и «Человеческая мудрость», и «Лес». Вот как! чуть ли и не очень довольно.

Теперь спросите, почему же я их к вам не посылаю? Вот почему: на все мои послания вы мне ничего не писали; так я теперь и боюсь! Ведь что у вас там на уме, – я не свят дух: хороши ль они, как вам кажутся, – бог весть! Но за то, что вы мне не писали, я ведь не сержуся,

боже меня сохрани! Разве меня взбесит? Что вы заняты и день и ночь по уши, я знаю, и очень хорошо знаю; и вам часто скучать этой вздорной перепиской бессовестно. Но погодите, я скоро еду из Воронежа далеко и надолго...

В.Г. Белинскому
28 сентября 1839 г. [Воронеж]

Милый, любезный мой Виссарион Григорьевич! Все недосуг и недосуг, да сколько ж терпеть мне? Полно, кончено! Сколько могу я, сколько успею (не ладно, не в порядке), но хочу говорить с вами; давно душа хочет беседы, давно ей хочется сказать вам, что есть у ней к вам. Много у ней есть интересов, но мертвая буква укорачивает ее желанья. Боже мой, как я виноват перед вами! Непростительно виноват! Сколько времени получил от вас письмо, и какое! В миг хотел по прочтении его, переселиться к вам весь. Но, – черт с ними! эти дела опротивели! – пусть хоть сегодня на вечер не приступят к горлу. И что напишу к вам после вашего письма? Милый Виссарион Григорьевич, стыдно мне за ваши письма угощать вас моею дрянью, и, кажется, под разными формами дел... Эта мысль удерживала меня писать к вам. А что ж придумаю? Что напишу? Ровно ничего, все то же, что и тогда. Видно, такая моя участь: чем больше думаешь, тем глупее; вечно не то делается, что делать хочешь. Или я желаю невозможного? Нет, поверьте, мои желания весьма ограниченны. Если бы образцов не было, – они перед глазами. Почему ж у добрых людей делается иначе, чем у меня? Там везде логика, теория, а у меня черт знает что такое; что ни начнешь писать, не строится, не вяжется, а ежели и свяжется, то страшно смотреть. Если не обманут я другими и если вы ко мне не пристрастно великодушны, то или я дурак или я бессовестно обманут всеми. Горькое сознание робкой думы-мысли.

Да, Виссарион Григорьевич, вы совершеннейший колдун. Еще не было в жизни моей мучительнее состояния, как в прошлом годе. Плохое, мучительное дело, больной Сребрянский; смерть его все довершила. Если вы не понимали прежде... Но нет, не может быть, вы и тогда понимали много. Скажите же: в одну минуту разломать то, что крепло пять лет, – мою любовь к нему! Его прекрасная душа, желания, мечты, стремления, ожидания, надежды на будущее, – и все вдруг... Вместе мы с ним росли, вместе читали Шекспира, думали, спорили; и я так много был ему обязан; он чересчур меня баловал. Вот почему онемел было я совсем и всему хотел сказать «прощай»; и если бы не вы, я все бы поте-

рял навсегда. Вы мне много сделали. Меня ведь не очень увлекала и увлекает блестящая толпа; сходки, общество людей, конечно, хорошо, – но если есть *человек*, то так, а без него толпа немного дает. Опять, я такой человек, которому надобны сильные потрясения, а иначе я нуль; никто меня не уничтожит с другой душой, а собственно мою уничтожит всякий. Не поддержите вы меня в Москве – я бы ни одной строки не состряпал. Но все я сомневался, захотите ли вы меня держать на помочах или нет. Сами знаете, ведь об этом нельзя ни умолить, ни упросить: когда душою не хочется – и дело решено. И вот ваше письмо совершенно меня обрадовало; здесь вы пророчески узнали мою потребность, чего я ждал от вас долго молча и, слава богу, дождался наконец. Я весь ваш, весь, навсегда! И пьес моих вы хозяин полный: никуда, кроме вас, не пойдет ни одна; и скажу вам откровенно, если я их кой-куда разбрасывал, на то была или необходимость, или расчеты, конечно, не денежные (избави бог, я об них не мыслю), а расчеты другого рода. Теперь же мне хочется быть в «Отечественных записках» и кой-когда в «Современнике» и в альманахе у вас; а у Владиславлева быть или не быть, все равно; в других журналах также.

Благодарю вас, милый Виссарион Григорьевич, за вызов ваш, от всей души благодарю. Рад до смерти, что вы сошлись с Панаевым, – он славный, добрый человек; и мило сделали, что теперь сотрудники Краевского. Андрей Александрович тоже человек славный и добрый, хоть и в своем роде; но все он почтенный человек и его нельзя не любить, он большой мастер, умеет расположить к себе всякого, и, право, в нем есть искра божия добра. В Петербург вы едете – не только это хорошо; но вам нужно там быть. Пусть он на первый раз вас не очень ласково примет, пусть многие будут на вас смотреть подозрительно, пусть будут говорить и то и се... Бог с ними! Ничего не сделают. Вся их выгода в одном: иногда нанесут на первый раз неприятностей, и то легких. Пусть их отуманят утро, а оно все-таки разведрится опять, и солнышко засветит в нем роскошней прежнего и блистательней. Они бы рады сделать и больше, да вы не дадитесь; вы уж знаете, как с ними ладить; опыт вас заранее приготовил к ним. «Ты, царь, живи один» – святая правда, и ваш девиз она. Но Эрмитаж, но Брюллов, но весь Петербург снаружи даже, Нева, море стоят гораздо больше; и, может быть, года через два за границу, к Гоголю, в Италию. Надо быть в Италии и Германии, непременно надо; без того вам умереть нельзя.

А смерти «Наблюдателя» и рад я и не рад; рад потому, что он мучил вас, не рад потому, что Василий Петрович, кажется, мог бы здесь поступить иначе,– кажется, мог бы... Чего не может человек, когда захочет, особенно купец, у которого в деле спекуляции все идет по заказу

невозможного? Неужели нужны страшные суммы для поддержки его?.. Одно досадно: много усилий я уже употребил, чтобы быть зимою в Москве; приеду, вас не найду, и скучно будет мне в ней жить, к вам-то и рвалась душа моя. Но от всей души дай бог вам добрый путь на дело трудное и великое. Все прекрасное лежит в будущем, настоящее пройдено – и тайны нет; без ней жизнь не жизнь.

Да, я нашел в Воронеже славного человека, хохла, и порядочного другого. Один пишет по-малороссийски сонеты, чудные сонеты. Напишите, если их можно поместить в ваш альманах, я несколько пришлю; к Гребенке послал уж четырнадцать штук. А другого скоро одну пьеску пришлю, русскую. Теперь посылаю две пьесы Красова. В «Вакханке» не угодно ли вам будет выкинуть несколько стихов, отмеченных черточками, тогда пьеска будет славная; именно от них она была и растянута и сладострастна. Конечно, сладострастье хорошо, да у него как-то вышло приторно. И своих три пьески, две вам известные. В «Примирении» я то место, что говорили, поправил и отметил черточками несколько стихов; не угодно ли будет выкинуть и с ними хорошо и без них хорошо, а чем короче, тем лучше. Третья – «Умолкший поэт». Его, видно, Плетнев почему-то не хочет печатать в «Современнике», видно, потому, что он умолкший, а ему, знаете, надобны живые, говорливые. «Тоска по воле» недавно написал; не знаю, понравится ль. В ней старое слово я поставил: «гой», но оно хорошо, кажется, стоит; с ним «пододонная» – эдак говорится по-русски про ад. Еще непременно напишу в ваш альманах и скоро пришлю. И уж кое-что хочется написать.

А если угодно вам спросить, почему мало? – трудно отвечать, и ответ смешной: не потому, что некогда, что дела мои были дурны, что я был все расстроен; но вся причина – эта суша, это безвременье нашего края, настоящий и будущий голод. Все это как-то ужасно имело нынешнее лето на меня большое влияние или потому, что мой быт и выгоды тесно связаны с внешней природою всего народа. Куда ни глянешь – везде унылые лица; поля, горелые степи наводят на душу уныние и печаль, и душа не в состоянии ничего ни мыслить, ни думать. Какая резкая перемена во всем! Например: и теперь поют русские песни те же люди, что пели прежде, те же песни, так же поют; напев один, а какая в них, не говоря уж грусть – они все грустны,– а какая-то болезнь, слабость, бездушье. А та разгульная энергия, сила, могучесть будто в них никогда не бывали. Я думаю, в той же душе, на том же инструменте, на котором народ выражался широко и сильно, при других обстоятельствах может выражаться слабо и бездушно. Особенно в песне это заметно; в ней, кроме ее собственной души, есть еще душа народа в его настоящем моменте жизни.

Не знаю, отчего вам не нравится «Стенька Разин», разве по названию; название можно переменить, а пьеса, кажется, хорошая. Конечно, она не выражает образности; но в ней эта образность скрывается в силе души, которая выражает себя в своем напряженном состоянии внешних обстоятельств. «Бедный призрак» тоже, кажется, вещь хорошая; в ней нет буквально высказанных периодов жизни одного человека с его конечною душою; но из нескольких моментов, которые следуют один за другим, ясно видно, о чем идет речь, что ему надобно и от чего он... (Слово написано неразборчиво) везде донельзя. «Последняя борьба», может, пахнет Пушкиным, – не спорю; но в ней своя форма, свои следствия битвы. О других я не говорю ничего.

Нетерпеливо жду услышать о стихах Сребрянского. Ужели он в самом деле был плохой поэт? Да расскажите, бога ради, почему «Флейта» хороша; два раза читал – не понял, а хорошего не понимать весьма худо.

Посылаю еще сказку Усова. Посмотрите: годится куда-нибудь – отдайте, не годится – в огонь. «Наблюдателя» у меня нет; и если у вас нет лишнего экземпляра и взять его сопряжено для вас хоть с малейшей трудностью, то, пожалуйста, не присылайте: у вас много беспокойств и кроме того. И если можно, и то, если можно, то, пожалуйста, пришлите экземпляров двадцать моих книжонок. Я, знаете, иной раз растаскиваю кое-куда. Что же делать! есть такие места, где денег не берут, а даже одолжают,– так я и поблагодарю книжкой; все лучше, чем одни слова. Ах, как хороши в восьмом номере «Записок» пять русских песней! (Речь идет о пяти народных песнях, помещенных в № 8 «»Отечественных записок за 1839 год. – от ред.)

Чудо как хороши, вот уж объеденье так объеденье. Я тут подозреваю Лермонтова, чуть ли не он опять проказит, как в песне про царя Ивана. Кто бы ни был, он или нет, а все большое спасибо за них и тому, кто написал, и тому, кто напечатал. Дела нет, что они все из старых песней переправлены,– да мастером переправлены, молодцом. И разбор песен Сахарова,– Каткова, чудо как хорош; меня чрезвычайно как настроил его разбор. Чуть ли все не ошиблись в своем заключении, он человек дюже хороший, и если был странен тогда, то не потому ль, что дорога ему самому была нова. На следующей почте еще пошлю к вам письмо. Любящий, почитающий и уважающий вас всей силой души *Алексей Кольцов.*

II
ИССЛЕДОВАНИЯ

П.Д. УХОВ

А. КОЛЬЦОВ – СОБИРАТЕЛЬ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

У всякого поэта есть свой учитель. Учителем Кольцова был русский народ, его поэзия.

А. Кольцов хотел, чтобы поэзия народа стала всеобщим достоянием, чтобы произведения фольклора печатали в книгах, как печатают произведения писателей. «Что хочешь – делай, – писал он издателю «Отечественных записок» А.А. Краевскому, – а песни пой: нам надобны!» (1).

Кольцов записывал произведения фольклора. Начал он с пословиц. «Я собрал несколько пословиц, – сообщал поэт А.А. Краевскому в письме от 12 февраля 1837 г., – но не знаю, какие мне именно записывать: какие попало, или каких нет у Богдановича и Снегирева…» (2).

Вскоре Кольцов обратился к песням. «После присказок, – сообщал он тому же А.А. Краевскому в письме от 16 июля 1837 г., – я теперь собираю народные песни, и уж собрал немножко… Я за них принялся крепко» (3). Через две недели он вновь писал Краевскому: «Не получая ответа на посланную Вам песню, теперь посылаю другую. Ответ мне ваш нужен в теперешнее время потому более, что я, как Вам уже писал, принялся собирать русские народные песни пристально» (4).

Увидев, что труд его напрасен, что песен, записанных им, не публикуют, Кольцов был поражен. Он не мог понять, почему так происходит: ведь песни других собирателей тот же Краевский печатал! Кольцова же он не удостаивал даже письменным ответом.

Поэт потерял надежду на Краевского. Он обратился за помощью к своему другу В.Г. Белинскому и отправил ему тетрадь с песнями. Произошло это в 1838 г. В ту пору Белинский был редактором «Московского наблюдателя» (этот журнал великий критик начал редактировать весной 1838 г., а ровно через год журнал был закрыт).

Но Кольцова опять постигла неудача: собрание его песен не было напечатано. В письме от 15 августа 1840 г. поэт спрашивал В.Г. Белинского: «А русские народные песни, тетрадь, верно, вы потеряли?» (5).

Фразы этой было достаточно, чтобы потом обвинять Белинского в том, что он был невнимателен к воронежскому поэту, безразличен к поэзии народа и т. д. и т. п.

Теперь, когда стали известны новые материалы, эти попреки кажутся нелепыми и жалкими. Нет, Белинский не потерял тетради Кольцова, и не он повинен в том, что записи поэта не были напечатаны.

Считалось, что записи поэта погибли, как погиб почти весь его воронежский архив. Оставалась надежда лишь на тетрадь, посланную Белинскому, но и она не находилась.

Первым упомянул о кольцовском сборнике песен биограф А.В. Кольцова М. де Пуле. В своей книге «А.В. Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке» он стремился доказать, что оценка творчества поэта Белинским ошибочна. И вот, задавшись целью показать «настоящего» Кольцова, де Пуле, говоря о народных песнях, собранных поэтом, заявил следующее: «Судя по немногим образцам, сохранившимся в бумагах А.А. Краевского (де Пуле было известно пять песен, записанных А.В. Кольцовым. – П.У.) Кольцов был плохой собиратель, а некоторые доставленные им песни и присказки не только циничны, но и глупы» (6). Нет нужды опровергать эту клевету.

Своим высказыванием де Пуле преследовал две цели: опорочить и поэта, и его великого друга – В.Г. Белинского. Дело в том, что песни эти были из тетради, которую посылал Кольцов критику. Правда, самой тетради не находилось, но песни были переписаны рукою Белинского и предназначались для печати. Однако опубликовать их Белинскому не удалось. По свидетельству И.А. Бычкова, обнаружившего песни Кольцова, переписанные Белинским, в архиве А.А. Краевского «Песня о Ваньке-ключнике» («Как у князя было, у князя Волконского») «не была пропущена цензором к печати и зачеркнута красными чернилами» (7). Возможно, такова была судьба и других песен А. Кольцова. Правда, одну из них («Во сыром-то бору брала Маша ягодки») В.Г. Белинский привел в своей статье о народной поэзии, которая была опубликована в «Отечественных записках» в 1841 г.

И вот с легкой руки либерального литературоведа пошла гулять молва о том, что Кольцов не умел записывать поэзию народа.

Подлинных записей Кольцова никто не видел, никто не представлял себе их объема и характера, однако выводы делались самые решительные. Так, А.И. Некрасов в своей статье «Кольцов и народная лирика (опыт параллельного анализа)» всерьез доказывал, что фольклор был чужд Кольцову, что истоки его творчества надо искать не в поэзии народа, а в лирике поэтов-песенников начала XIX века: «Ни одно стихотворение Кольцова, – заявлял он, – по своему содержанию не находит себе соответствия в народных песнях… Кольцов вводит в свои песни не только народные мотивы, и даже не их главным образом: целый ряд тем

и настроений кольцовских песен не имеет себе подобных в народной лирике» (8).

В.В. Данилов, не считая даже нужным приводить какие-либо доказательства, пошел еще дальше. Он писал: «Даже по отношению к живой народной песне, художественным воспроизведением которой признается поэзия Кольцова, он был равнодушен. А.А. Краевский побуждал Кольцова собирать народные песни, к которым сам он (Краевский. – П.У.) относился идейно и придавал значение исключительного источника суждения о науке. Но Кольцов не усвоил от Краевского таких идей и когда начал собирать песни, простосердечно жаловался в одном письме к нему: «Уж какая скука их собирать!», и в другом письме снова повторял: «…их собирать копотко и трудно». Как видим, Кольцов был далек от увлечения народностью» (9).

Смысл признания Кольцова, что собирать народные песни «копотко и трудно», совершенно ясен: запись песен представлялась ему делом исключительно ответственным: многие записывали песню как стихотворение, а ведь песня не рассказывается, а поется: другие вели запись под диктовку, а какой метод лучший – неизвестно. Но в одном Данилов прав: идеи Краевского о фольклоре (о них мы скажем ниже) Кольцов действительно не усвоил, своим идейным вождем он признавал не Краевского, а Белинского.

Среди работ исследователей так называемого вульгарно-социологического направления характерна книга П.М. Соболева «А.В. Кольцов и устная лирика». К оценке фактов Соболев подошел уже с готовым мнением, которое было ему подсказано названными выше работами Некрасова и Данилова. Заметим, кстати, что Соболев часто даже не считает нужным высказывать свое мнение и целыми страницами цитирует этих авторов.

Соболев исходил из того, что А.В. Кольцов – не народный поэт, а выразитель идеологии мещанства, и, следовательно, его творчество – антинародно, чуждо народу и его поэзии. «Мы знаем, что поэтическое творчество Кольцова, – заявлял П.М. Соболев, – началось с подражания современным талантливому прасолу литературным авторитетам и что к фольклору интереса поэт никогда не имел» (10). И далее: «Почти ничего не взявши непосредственно из крестьянского песенного фольклора, поэзия Кольцова и сама ничего или почти ничего не дала ему» (11).

Лишь в наше время вопрос об отношении А.В. Кольцова к поэзии народа стал решительно пересматриваться. Не вводя в науку новых фактов, Р.В. Заборова уже на известном материале показала нелепость обвинений, предъявляемых Кольцову в равнодушии к поэзии народа, правильно сумела оценить собирательскую работу поэта и большую

роль, которую сыграл в ней Белинский. В решении вопроса об отношении А.В. Кольцова к народному творчеству многое сделал и воронежский исследователь В.А. Тонков в ряде своих последних работ.

Однако подлинные записи песен Кольцова так и оставались утерянными. «Известно, что многие бумаги Кольцова, – писал Н.А. Янчук – попали на толкучий рынок после его смерти. Очень возможно, что были и тетради с записями песен, и теперь, очевидно, утрачена всякая надежда, чтоб они могли сохраниться где-нибудь в частных руках» (12).

В тридцатых годах XIX в. группа любителей народной поэзии приступила к усиленному ее собиранию. Группу эту возглавлял энтузиаст-собиратель П.В. Киреевский, который посвятил любимому делу почти всю свою жизнь.

К записыванию песен П.В. Киреевский привлек многих образованных людей того времени, в первую очередь 9 членов своей семьи и семьи Языковых, П.М. Бестужеву, Е.М. Хомякову, Д.А. Валуева, Н.П. Киреевскую и других. Вскоре о собрании песен Киреевского заговорила вся культурная Россия. Со всех концов страны стали поступать к нему песни, собранные различными любителями. А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь поддержали благородное дело, начатое П.В. Киреевским.

В руках Киреевского оказалось огромное множество материалов, составляющих ныне наше национальное богатство. Он проделал громадную работу, чтобы подготовить все собранное им к печати, но замечательному собирателю удалось опубликовать лишь небольшой сборник духовных стихов.

После смерти П.В. Киреевского архив его, не разобранный и даже не описанный, поступил в распоряжение Общества любителей российской словесности. Здесь им распоряжались кто как хотел, и многое бесследно исчезло.

В 60-х гг. XIX в. Общество любителей российской словесности предприняло издание материалов Киреевского, поручив это дело члену общества проф. П.А. Бессонову. Бессонов, интересовавшийся только эпической поэзией, выбрал из архива былины и исторические песни, опубликовав их в десяти томах (выпусках). Песни же лирические были изданы лишь в 1911–1929 гг.

Поскольку материалы издавались разными людьми на протяжении почти целого столетия, характер изданий был крайне пестрым и разнокачественным. Многие напечатанные произведения непаспортизированы, не указано, кем, когда и от кого они записаны, что для науки крайне важно.

Года три-четыре тому назад пишущий эти строки поставил перед собой цель разобраться в этом сложном и огромном материале. Была

составлена большая картотека всех собирателей и их записей. В этой картотеке оказалось много пробелов и темных мест.

Одно такое место меня особенно заинтересовало. П.В. Киреевский, издавая в 1848 г. свои «Русские народные песни» (духовные стихи, о которых речь шла выше), в «Предисловии» выразил благодарность тем лицам, которые доставляли ему песенные материалы. В числе этих лиц он назвал и А.Н. Кольцова, приславшего ему песни Воронежской губернии (13).

Сомнений не было, что А.Н. Кольцов – это А.В. Кольцов. Вообще следует отметить, что опечаток в книге много. Но вот что удивляло: имя Кольцова было названо, а ни одна из его песен в ту пору (так казалось вначале) в печатные издания не попала. В чем дело? Пришлось изучать все, что известно науке о Кольцове как собирателе песен. Результаты были неутешительными: все исследователи в один голос заявляли, что записи поэта бесследно исчезли.

Но след-то все-таки был. В 1846 г. П.В. Киреевский заявил, что записи Кольцова находятся в его архиве. После смерти П.В. Киреевского один из деятельных собирателей фольклора П.И. Якушкин и родственник П.В. Киреевского В.А. Елагин составили беглую, черновую опись архива. В этой описи вновь было подтверждено, что записи Кольцова хранятся в архиве Киреевского.

В 1868 г. П.А. Бессонов, издав седьмой выпуск «Песен, собранных П.В. Киреевским», вновь, хотя и глухо, подтверждает, что песни Кольцова находятся в собрании Киреевского. Комментируя песню «Ты взойди, взойди, солнце красное», Бессонов заявил: «Та же самая песня помещена в Новиковском песеннике, ч. III, а покойным А.В. Кольцовым записана в Воронеже и отдана для издания Белинскому. Но в обоих сих образцах, после того же, и прекрасно развитого, начала, изображается атаманова любовница, то в кручине по родным, то как убийца их, особенно брата» (14).

Остается предполагать, что Бессонов имел в своих руках тетрадь Кольцова, посланную Белинскому. Ведь науке не было известно, какие песни поэт отослал Белинскому, а Бессонов не только называет песню, но и пересказывает ее содержание. Отсюда и можно было заключить, что Белинский передал тетрадь Кольцова Киреевскому для печатания. Однако на этот факт никто не обратил внимания, а записи Кольцова продолжали разыскивать где угодно, но только не там, где их нужно было искать.

Не обращено было внимание и на то, что песня «Как у князя было, князя, князя у Волконского», записанная Кольцовым, была напечатана Бессоновым в пятом выпуске «Песен» Киреевского (стр. 128–130).

Правда, Бессонов, вопреки обычному своему правилу, не сообщил даже, когда и кем эта песня была записана, но после опубликования ее текста А.И. Лященко в полном собрании сочинений А.В. Кольцова принадлежность ее Кольцову сомнений не вызывала.

Хотя Бессонов и занимался публикацией только эпической поэзии из собрания Киреевского, нельзя сказать, чтоб он не понимал значения песен Кольцова. Можно предположить, что кольцовские материалы он готовил к выпуску отдельным изданием. Об этом свидетельствует тот факт, что восемнадцать песен Кольцова были переписаны, должно быть, по его заданию в отдельную тетрадь (фамилию переписчика не удалось установить). Непонятно лишь, почему это издание не было осуществлено.

Еще более непонятным кажется то, что академик М.Н. Сперанский, предприняв публикацию всех не эпических материалов из собрания Киреевского, не издал песни Кольцова отдельной книгой и даже не включил их в «Новую серию» песен Киреевского. Ведь М.Н. Сперанский заявил: «Теперь оказалось возможным довести издание до полного конца и дать науке весь известный нам материал, собранный П.В. Киреевским и его усердными сотрудниками» (15).

Очевидно, произошло это потому, что рукопись Кольцова, как предполагалось, была утеряна. Но это невероятно. Архив в это время был уже на строжайше учете: разрешалось пользоваться им лишь по специальному документу; правда, издатели (П.А. Бессонов, М.Н. Сперанский) брали материалы на дом, но всякий раз они оставляли свои расписки о взятых имя рукописях (в делах архива сохранилось несколько таких расписок).

Судьба была безжалостна к Кольцову при жизни. Казалось, она преследовала его и в могиле. Кто и для чего мог похитить записи поэта? Работая в архиве, автор этих строк не раз убеждался, что заявление М.Н. Сперанского «о полном издании всех материалов Киреевского» не соответствует действительности: нам удалось найти много ценных неизданных материалов (некоторые из них уже находятся в печати).

Трудность поисков песен Кольцова состояла в том, что многие песни архива были переписаны набело, а черновых записей не сохранилось. Так, например, не сохранились собственноручные записи А.С. Пушкина. В беловых же записях имя собирателя часто не указывалось. Но ориентир был: две песни Кольцова, найденные в копиях Белинского, были опубликованы А.И. Лященко в полном собрании сочинений поэта. Их-то и нужно было разыскивать. Для этого требовалось сверить каждую бумажку, а их в архиве десятки тысяч!

Медленно шло дело. Но вот в одной из папок встретилась небольшая тетрадь с аккуратной надписью: «Народныя песни». Одна за другой следуют песни, некоторые из них поражают своим содер-

жанием – такие песни еще не печатались. Но кто записал их? Внимательно вчитываюсь в каждую букву, не упускал ни одной пометки, ни одного замечания. Возвращаюсь еще раз к титульному листу. Он почему-то кажется толще остальных листов тетради. Так и есть! Титульный лист склеился с другим. Отделяю их. На втором титульном листе четкая надпись:

Народныя песни,
собранныя
Алексеем Кольцовым.
Воронеж. 1837.

Тетрадь открывается песней о Ваньке-ключнике («Как у князя было, у князя Волконского»). Песня в свое время была опубликована А.И. Лященко и перепечатывалась в сборниках стихотворений Кольцова. Сомнений не было: перед нами собственноручные записи поэта!

В этой же папке нахожу тетрадь с надписью «Народные песни. III». Началась будничная, кропотливая, но захватывающая работа.

Больше всего труда ушло на разыскивание второй тетради: она была разорвана на отдельные листы, которые находились в разных папках.

Найденное превзошло все ожидания! Если в науке речь шла только об одной тетради Кольцова, посланной им Белинскому, то теперь их обнаружено пять. Три тетради озаглавлены «Народныя песни» и соответственно на каждой римскими цифрами поставлен номер: I, II и III. Имя Кольцова указано только на втором титульном листе первой тетради. Ни на одной из других тетрадей имя его более не встречается.

Бумага первых трех тетрадей одинаковая: голубовато-серая, выцветшая, без водяных знаков. Чернила – коричневые. Размер тетрадей 1/4 листа – формат современной школьной тетради.

Судя по почерку, это беловые тетради: зачеркнутые и замененные строчки и слова песен встречаются редко. Почерк аккуратный, ровный. Все листы пяти тетрадей сохранились полностью, за исключением одного листа из второй тетради. Во всех пяти тетрадях Кольцовым помечено 60 песен, причем 10 с повторной записью (тетрадь Белинского).

Возможно, что пока нашлось не все из собранного поэтом, но уже и то, что найдено, позволяет говорить о Кольцове как о крупнейшем собирателе фольклора своего времени. Особенно важно подчеркнуть, что принципы собирания и отбора материала у Кольцова были иные, чем у многих его современников, в частности славянофилов.

Приступая к собирательской работе, славянофилы ставили перед собой задачи, определяемые их философскими воззрениями. Как в политике они устремляли свой взгляд в допетровскую Русь, так и в народ-

ной поэзии они пытались найти свидетельства «безмятежной», счастливой и радостной жизни русского народа в прошлом. Старина, прошлое были предметом их основного интереса.

Недаром П.В. Киреевский в «Предисловии» к своему сборнику «Русских народных песен» заявлял: «На все времена года, на все главные праздники, на все главные события семейной жизни есть особые песни, носящие на себе печать глубокой древности; и особенно там, где меньше чувствительно городское влияние; русский крестьянин – верная отрасль своих предков, не отступавший от них даже и в мелких подробностях своего домашнего быта, – до сих пор поет эти древние песни, потому что они вполне сливаются с его чувствами и с его обычаями, так же, как выражали чувства и обычай своего пращура. Он дорожит своими песнями: можно сказать, что оне составляют любимую и лучшую утеху его простой жизни» (16).

Таким образом, с точки зрения П.В. Киреевского, народ живет стариной, дорожит ею как заветом своих предков. Современную жизнь народа, его стремления славянофилы не хотели замечать, как не хотели они замечать современной им поэзии народа.

А.В. Кольцов находился на принципиально иных позициях. Сам живя в гуще народа, зная его чаяния, Кольцов по-другому оценивал народную поэзию. Для него народные песни – отражение народной жизни. Он не идеализировал народ, видел его темные стороны и возмущался ими. «Я их переслушал (песен. – П.У.) много, да все, знаете ль, такая дрянь, что уши вянут: похабщиной битком набиты. Стыдно сказать, как наш русский простой народ бранчив» (17). Но поэт стремился показать народ таким, каким он был в действительности, он не считал зазорным для себя собирать произведения фольклора, от которых другие отворачивались. Кольцов даже включил в свой сборник две песни, которые «похабщиной битком набиты».

Кольцов первым заметил рождение песен нового общественного класса – рабочих. Для него рабочие, как и крестьяне, – тоже «простой народ», интересами которого он жил.

В примечании к песне «Как у славного заводчика» поэт пишет: «В Москве поют на фабрике на семик». Это свидетельствует о том, что он записывал не все, что случайно попадалось под руку, а отбирал материал, возможно, даже специально разыскивал его, стремясь дать полное представление о современной ему жизни народа.

Кольцовская запись рабочей песни – едва ли не единственная известная науке запись фольклора рабочих первой трети XIX в.

Собиратели-славянофилы пренебрежительно относились к поэзии рабочих и игнорировали ее.

Тот же П.В. Киреевский писал: «Нельзя не признать мрачной истины, в которой убедили меня многолетние занятия этим предметом (собиранием народных песен. – П.У.) вся их (песен. – П.У.) красота, все, что составляет существенное достоинство их характера, уже старина, и эта старина уже не возрождается в новых, себе подобных отраслях, как было в продолжение стольких веков. Неудивительно, если те, которые слыхали русские песни только в городах или по большим дорогам, мало дорожат ими. Это новое поколение песен, начинающее вытеснять прежние, в самом деле недостойно того, чтобы им дорожить… Настоящую прекрасную русскую песню должно искать в глуши, вдалеке от городов и от средоточий промышленной деятельности» (18).

Поэзия рабочих раздражала славянофилов, очевидно, не столько своей формой, сколько содержанием. Уже первые-песни рабочих свидетельствовали о чувстве ненависти к эксплуатации, выражали протест против бесчеловечности.

Пропадай ты, Матюшин,
Со заводом со своим,
Со товаром со гнилым
И с прикащиком лихим.

Эти слова песни, записанные Кольцовым, вошли во многие произведения рабочего фольклора.

Интересно отметить и то, что Кольцов записал несколько антипоповских песен.

Если антипоповские сказки первой половины XIX в. науке известны довольно широко, то антипоповские песни мы знаем лишь в немногих записях. Цензура сделала все, чтоб не допускать их в печать. Вспомним, даже в «Сказке о попе и работнике его Балде» А.С. Пушкина при опубликовании поп был заменен Купцом-Остолопом. В печать попадали лишь безобидные, шуточные антипоповские песни.

Песня же «Поп ты гулян, поп буян», записанная Кольцовым, является злой сатирой на духовенство. О том, что подобные произведения имели широкое распространение в России, свидетельствует В.Г. Белинский в своем знаменитом «Письме к Гоголю»: «…Неужели Вы, автор «Ревизора» и «Мертвых душ», – писал Белинский, – неужели Вы искренно, от души, пропели гимн гнусному русскому духовенству… Неужели же в самом деле Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа?...» (19).

Особенно же широко в собрании Кольцова представлены записи традиционных крестьянских песен. Многие стороны крестьянской жизни нашли отражение в этих песнях: стремление к свободе («Ты воспой, ты воспой, душа соловьюшек») протест женщины против унизительно-

го положения в семье («Попляшите, девушки»), осуждение социального неравенства (во многих песнях), протест против неравных браков («Не под свет заря занималася» и др.) и т. п.

Большинство этих песен известно и в других вариантах, но Кольцов, большой художник слова, строго отбирал лучшие из них. Возьмем для примера песню «Чернецкое пиво разымчиво было». В науке она представлена многими вариантами, но все они не идут ни в какое сравнение с записью Кольцова. Вот вариант, опубликованный в «Воронежских губернских ведомостях» в 1852 г.:

Как за морем диво – варил чернец
пиво.
Чернецкое пиво разымчиво было.
Разымчиво было, в голову вступило.
Нельзя мне тряхнуться, нельзя
ворохнуться
Разымчиво было, в шею вступило…
Разымчиво было, в рученьки
вступило…
Разымчиво было, в ноженьки
вступило…

Эта запись, в сущности, только еще вступление к песне, а не сама песня. Собиратель (фамилия его неизвестна) записал, должно быть, первый попавшийся ему текст. Текст же Кольцова куда более выразителен:

Чернецкое пиво
Разымчиво было.
Чернечик, чернечик, чернечик
Ты мой, – горюн молодой.
Вступила хмелина
В буйну голову.
Чернечик – ты мой, – горюн молодой.
Березки я резал,
Метелки вязал.
Березки – я резал, метелки
вязал, метелки – вязал.
Метелки вязал,
Я возок наклал.
Я возок – возок наклад.
Я возок наклал,
Буренку впрягал.
Буренку – впрягал.
В Москву отправлял,
«По метлы» – кричал.
«По метлы» – кричал.

Случилося ехать
Немецкой слободой.
Чернечик ты мой, горюн молодой.
Увидел он девчонку, –
Сидит под окном.
Сидит – под окном.
Сидит под окном,
Играет цветком.
Играет – цветком.
Легонько подкрался.
Тихонько сказал…
Тихонько – сказал.
Тихонько сказал:
Я тебя люблю.
Люблю – люблю.

Собрание Кольцова поражает современных исследователей не только оригинальностью содержания, но и совершенной для того времени техникой записи. В ту пору было еще в обычае записывать и издавать песни не такими, какими они поются народом, а обработанными и приглаженными по вкусу дворянского читателя. Правда, некоторые собиратели стремились воспроизвести текст песен возможно точнее и понимали, что обработка их недопустима. Эти собиратели добросовестно, под диктовку записывали песни часто даже с диалектными особенностями речи певца. Так, например, в 30-х гг. XIX в. записывал песни П.И. Перевлесский. Приведем для примера начало записанной им песни:

Ай, Дунюшка Хамина
По бережку ходила, –
Тужить, плачить
По раговской старане:
«Знать мне не бывать на тебе.
Пивца, винца не пивать,
Сладкай ватачки (водочки. – П.У.)
не кушати» (20) и т. д.

Очевидно, что Перевлесский (в то время он был студентом Московского университета) стремился возможно точнее передать особенности песни. На первый взгляд, он достиг своей цели. На самом же деле это не так. Может быть, запись Перевлесского и окажет полезную услугу диалектологам, но исследователя поэзии народа она удовлетворить не может. Все дело в том, что Перевлесский, записывая песню под диктовку певца, не сознавал, что это не рассказ, не стихотворение, а именно песня. Песня не сказывается, а поется, только во время пения проявляются все ее поэтические особенности. Записывать песни нужно не под

диктовку, а во время их исполнения, пения. К этому простому и очевидному выводу наука подходила довольно медленно. Для Кольцова же он был совершенно ясен. Вот, например, приведенная выше песня, но уже в записи поэта:

Ай Дунюшка Фомина – Фомина
По бережку ходила – ходила.
Правой ручкой махнула – махнула
Сердечушком вздохнула – вздохнула
«Ах свет, моя сторона – сторона.
Немецкая слобода – слобода,
Знать мне там не бывать – не бывать
Вина, пива не пивать – не пивать.
Калачиков не едать – не едать…

Как видим, в записи Кольцова эта же песня приобрела характер музыкального, ритмически четко построенного произведения.

Отметим, что Кольцов не случайно, а вполне сознательно стал записывать песни во время исполнения. Об этом, в частности, свидетельствует следующий факт. Песня «Ты стой, моя роща» им была записана дважды – под диктовку и во время исполнения – пения. Он приводит обе эти записи, помещая их рядом и показывая тем самым, как много зависит от метода записи песни.

Сравним обе записи. Запись под диктовку:

Ты стой, моя роща,
Стой, не расцветай,
Стой, мил хороводец,
Стой, не расходись…

Запись во время исполнения:

ио ой Ты стой, моя роща,
оой Ты стой, моя роща,
Стой, не расцветай,
Стой, не расцветай,
ой Стой, мил хороводец,
ой Стой, мил хороводец,
Стой, не расходись,
Стой, не расходись…

О принципиальном различии этих записей писал он Краевскому: «Надобно заметить: так. Как я ее записал, она имеет слова точные, из слова в слово; но поют в хороводе ее иначе. Все стихи у них повторяются несколько раз и большею частью перемешиваются; и есть при других стихах прибавление из гласных букв, частицы к стихам, например о, ой, оой, аой, ай-ой. У меня есть она и этак списана, и очень верно. Буде

угодно, я вам пришлю. Эта песня удивительно как хороша на голос; жаль, что я не умею положить голоса» (21).

Поскольку Кольцов рассматривал песни как выражение народной жизни, его интересовало не только их содержание, но и условия бытования и исполнения песен.

Часто, если содержание записи недостаточно ясно, Кольцов сопровождает ее примечаниями. Так, например, в песне «Не под свет заря занималась» рассказывается о том, как «негодный муж из мертвых восстал» и стал целовать свою жену. Содержание этой песни кажется нелепо-фантастическим. Из примечаний Кольцова все становится ясным: «В хороводе молодой парень ложится на земь. В головах стоят вместо отца и матери парень с девушкой. В ногах вместо жены – девушка. Хоровод поет песню. Девушка, заменяющая жену, в конце песни плачет. Мертвый встает, целуется с ней. Весь хоровод грохочет наповал».

Кольцов всегда стремился к точности и не позволял себе вносить никаких исправлений в текст песен. Об этом свидетельствуют копии тех песен, которые были отосланы им Белинскому. Разночтения в них совершенно ничтожны. Так, например, в песне «Ты взойди, ты взойди, красно солнушко» в тетради Белинского семнадцатая строка имела вид: «Хорошо лоточка изукрашена», в тетради № 1 она была изменена: «хорошо лотка изукрашена». В тетради Белинского тридцать первая строка читалась: «Она каялась»; в тетради № 1: «Она каилась» и т. п. Судя по всему, Кольцов приходил все к большему убеждению, что необходима фонетическая запись песен. Незначительная правка текста песен, которую делал Кольцов, шла именно в этом направлении.

Отметим следующую особенность записей Кольцова: в них обычно отсутствуют знаки препинания. Объясняется это не безграмотностью поэта. Ведь в тетради, посланной Белинскому, Кольцов всюду расставил знаки в соответствии с синтаксическими нормами того времени. Отсутствие же знаков в других тетрадях, очевидно, объясняется тем, что поэт столкнулся с неразрешимыми для него трудностями. Он понимал, что обычная расстановка знаков препинания нарушает интонационную структуру песен. Не зная, как лучше расставить знаки, он доверил это дело издателям. Заметим, что эта проблема не решена и до сих пор. Обычно синтаксические знаки в песнях ставятся в соответствии с грамматическими нормативами. Так поступили и мы, готовя к публикации песни, записанные Кольцовым.

Обычно Кольцов не различает отрицательных частиц «не» и «ни» и пишет «ни», причем с глаголами «ни» у него пишется вместе. В нашей публикации частицы «не» и «ни» печатаются в соответствии с грамматическими нормами.

Не употребляет обычно Кольцов и больших букв там, где это необходимо.

В остальных случаях мы сохранили фонетическую запись Кольцова: тово, гуляить, заставляить, пролуб, возми, слати (вместо стлати), що ж (вместо что ж) и т. д. и т. п. Одним словом, если написание Кольцова имеет какое-нибудь значение для уяснения произношения слова, то оно всюду сохраняется.

Песни, записанные Кольцовым, еще долго будут изучать специалисты, но уже теперь ясно, как велико значение их. Они обогащают песенную культуру нашего народа, а исследователям дают ранее им не известный материал. Помогут они и более углубленно изучить творческие истоки одного из самых выдающихся наших национальных поэтов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Д.В. Кольцов. Собр. соч., под ред. Лященко, 1909, стр. 168 (далее цитаты приводятся по этому же изданию).

2. А.В. Кольцов, стр. 165, И.Ф. Богданович – известный русский поэт XVIII в., составитель сборника пословиц; И.М. Снегирев – профессор Московского университета, собиратель и составитель ряда сборников пословиц, автор исследований о пословицах.

3. А.В. Кольцов, стр.167–168.

4. А.В. Кольцов, стр.168.

5. А.В. Кольцов, стр. 221.

6. М. де Пуле. А.В. Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке, сб. «Древняя и Новая Россия», СПб., 1873 г., стр. 92.

7. Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1889 г., СПб. 1893, стр. 72.

8. «Известия отд. русск. яз. и слов. АН », т. XVI, СПб., 1911 г., кн. 2, стр. 134.

9. В.В. Данилов. Очерки поэзии Кольцова. «Русский филологический вестник», т. XXI, Варшава, 1910 г., стр. 22–23.

10. П.М. Соболев, А.В. Кольцов и устная лирика. Смоленск. 1934, стр.57.

11. Там же, стр. 71.

12. Н.А. Янчук. Литературные заметки. «Известия отд. Русск. яз. и слов. АН», т. XII, кн. 4, СПб, 1908, стр. 239.

13. См. «Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университет, № 9, М., 1818, стр. 155.

14. Песни, собранные Киреевским. Вып. YII. Приложение и дополнение. М., 1868, стр. 155.

15. Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия, вып. II, ч.2, стр. VI.

16. «Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете». № 9, 1848, стр. 1–11.

17. А.В. Кольцов, стр. 167.

18. «Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете». № 9, М., 1898, стр. 11.

19. В.Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. X, 1956, стр. 215.

20. Песни собранные П.В. Киреевским. Новая серия, вып. II, ч. П, 1929, стр. 176.

21. А.В. Кольцов, стр. 169.

ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ А. В. КОЛЬЦОВЫМ

(П.Д. Ухов дает тексты и комментарии к некоторым песням, собранным А.В. Кольцовым. – от ред.)

1. «Ты взойди, ты взойди, красно солнушко».

Это одна из распространенных народных песен, известная под названием «Песни разинцев». Содержание песни в различных вариантах различно. В одних вариантах говорится о том, как восставшие строили какую-то «седмиглавую церковь», в других – о плывущем по Волге корабле, на котором находится «красна девица – атаманова полюбовница», рассказывающая о своем «нехорошем сне», предвещающем гибель восставшим. Иногда девушка просит отпустить ее на волю. Наконец, в некоторых вариантах песни, к которым относится и текст А.В. Кольцова, повествуется о преступлении девушки, зарезавшей своего брата. В этих песнях имя Разина не называется. Причина такого жестокого поступка девушки в песнях не раскрывается.

Запись Кольцова технически более верная, чем записи других собирателей.

2. «Ты воспой, ты воспой, душа соловьюшек».

Эта высокопоэтическая песня, в символической форме выражающая стремление народа к свободе, в других записях неизвестна. Таким образом, ясно, что, несмотря на большое количество записей русских песен, многое до нас не дошло и о песенной культуре нашего народа мы имеем далеко не полное представление.

3. «Во сыром-то бору брала Маша ягодки».

Весьма распространенная песня, характерна для семейно-бытовой лирики. Однако текст А.В. Кольцова стоит особняком от других записей. В отличие от других песен, у Кольцова муж не убивает свою жену, а намеревается извести ее своим страданием.

В.Г. Белинский, впервые напечатавший песню, сопроводил ее следующим примечанием: «Противоречие общественности с разумными потребностями и стремлениями человеческой натуры становит общество в трагическое положение. В нашей народной поэзии бездна трагических элементов, свидетельствующих о глубине и страшной силе русского духа, который, попавшись в противоречие, мстил и себе само-

му и всему окружающему» (В.Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. V, М., 1954, стр. 446).

4. «Поп ты гулян, поп буян».

В других записях неизвестна. По силе сатирического обличения духовенства эта песня одна из самых ярких.

5. «Как и я молода».

Песен, повествующих о невыносимом положении молодой женщины в семье мужа, – множество. Лишь в отдельных песнях рассказывается о том, что молодая женщина находит в себе силы противодействовать нелепым попрекам семьи мужа. Текст А.В. Кольцова, записанный, должно быть, в Воронежской губернии, оригинален и, в сущности, представляет собой новую, неизвестную науке песню.

6. «Ты стой, моя роща».

Эта хороводная песня известна в нескольких вариантах, но все они не идут ни в какое сравнение с вариантом, записанным Кольцовым. Текст этой песни – пример того, как надо записывать произведения народного творчества.

7. «Как у славнова заводчика».

Фольклор рабочих с научными целями стали записывать только в советское время. До революции записи творчества рабочих были лишь эпизодическими, случайными. Песен рабочих первой половины XIX в. зарегистрировано вообще не было.

8. «Зимовая стужа».

Песен о тяжести солдатской службы – множество. Однако близкой параллели к данному тексту нет. Лишь в некоторых частях текст, записанный А.В. Кольцовым, сходен с другими песнями. Можно предполагать, что в записи Кольцова соединены две самостоятельные песни – о тяжести солдатской службы и о взаимоотношениях некоего капитана Разина с солдатами. Во второй части песен речь, возможно, идет о Разине – вожде крестьянской революции XVII в., о взаимоотношениях Разина с повстанцами. Если это так, то перед нами замечательная, ранее неизвестная песня разинского цикла.

А.В. Кольцов проявлял особый интерес к личности Разина. Он посвятил ему стихотворение, созданное на основе народных песен о Степане Разине.

И.М. КОЛЕСНИЦКАЯ

А.В. КОЛЬЦОВ И НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

Тема «Кольцов и народная поэзия» привлекала внимание многих исследователей творчества поэта и фольклористов. Решалась она обычно в двух аспектах: во-первых, ученых интересовала степень близости к народной песне собственных песен и стихотворений поэта; во-вторых, деятельность Кольцова как собирателя произведений фольклора.

При чтении всей этой, довольно обширной литературы поражает противоречивость суждений, высказанных разными авторами. Одни из них, начиная с Белинского, утверждали тесную связь поэзии Кольцова с народной песней (1). О ней писали в статьях о Кольцове и Добролюбов, и Салтыков, и В.И. Водовозов, в исследованиях советского времени эту связь изучали В.М. Сидельников, В.А. Тонков, П.Д. Ухов (2).

С другой стороны, некоторые авторы, начиная с работы М.Ф. де Пуле (3), отрицали непосредственную связь Кольцова с живой народной традицией (В.В. Данилов, (4)) или говорили об ограниченности этой связи, утверждая, что источники его творчества кроются в русской литературе первой половины XIX в., в сентиментально-романтической поэзии этого периода (А.И. Некрасов, (5)). В пору утверждения вульгарно-социологического метода в литературоведении П.М. Соболев вообще противопоставлял Кольцова народному творчеству, считая поэта выразителем идеологии мещанства (6).

Документальные материалы и объективные факты решительно опровергают все эти ошибочные или тенденциозные утверждения о том, что Кольцов будто бы оставался равнодушен к фольклору.

Вскоре после смерти Кольцова, еще до издания собрания его стихотворений (1846 г.), которому предпослана была статья Белинского, студент Харьковского университета А.М. Юдин, лично хорошо знавший Кольцова, сообщил, что Кольцовым было собрано большое количество песен, и высказал опасение за их судьбу. Юдин писал, что поэт «имел особенный дар заставлять поселян высказать все песни, какие им известны» (7), сам пел, вызывая крестьян на исполнение (8).

Через два года после этой статьи Киреевский в числе лиц, доставивших ему песни, назвал Кольцова, приславшего ему песни из Воронежской губернии (9).

В 1868 г. П.А. Бессонов, в 7-м выпуске «Песен, собранных П.В. Киреевским», в комментариях к песне «Ты взойди, взойди, солнце красное» отметил, что та же самая песня записана Кольцовым в Воронеже и отдана для издания Белинскому (10). В составленной П.И. Якушкиным и В.А. Елагиным черновой описи архива (1848 г.) также было упомяну-

то имя Кольцова, чьи записи хранятся в архиве (11). Однако самые записи песен не были обнаружены.

Из писем Кольцова к А.А. Краевскому, впервые опубликованных в 1879 г. («Древняя и новая Россия», № 3), стало ясно, что, начав в 1837 г. Упорно заниматься собиранием фольклора, поэт посылал свои отдельные записи Краевскому, надеясь опубликовать их в «Отечественных записках», где в конце 1830 – начале 1840-х гг. печатались многие фольклорные материалы. Поэт обращался к редактору журнала с вопросами, надеясь получить совет и помощь в новом и трудном для него деле. «Я собрал несколько пословиц, но не знаю, какие мне именно записывать: какие попало или каких нет у Богдановича и Снегирева», – писал он 12 февраля 1837 г. 16 июля того же года Кольцов сообщал своему корреспонденту, что принялся собирать народные песни, а 28 июля упрекал его за то, что тот не откликнулся на посланную песню: «Ответ мне ваш нужен в теперешнее время потому более, что я, как вам уже писал, принялся собирать русские народные песни пристально. Но, может быть, они вам или не понравятся, или нет, какие бы нужно собирать; следственно, труд мой будет в таком случае совершенно напрасен; а их собирать и копотко и трудно, притом мне, без ваших наставлений, самому потрафить трудно» (12).

Очевидно, собирание увлекло Кольцова, и ему хотелось выполнить начатое дело как можно лучше, на уровне требований времени, которые ему не вполне хорошо были известны. Впрочем, как это явствует из других писем поэта (Краевскому, А.Н. Черткову, Белинскому), он внимательно знакомился с выходившими сборниками произведений народной поэзии, знал не только сборник пословиц Снегирева, но и его «Русские простонародные праздники», сборники И.П. Сахарова, интересовался сочинениями казака Луганского (В.И. Даля) и др. (13), высказывал свои суждения о публикациях фольклора, одобрял сведения, приведенные Снегиревым (14), восхищался песнями, опубликованными в «Отечественных записках» 1839 г. (15). Не получив желаемого ответа и руководства от Краевского, Кольцов, по-видимому, в следующем, 1838 г. Послал тетрадь собранных им песен Белинскому. Песни опубликованы не были, и это дало основание Кольцову – предположить в письме к Белинскому от 15 августа 1840 г. (16), что Белинский потерял посланную ему тетрадь, а позднейшим исследователям творчества Кольцова – обвинять Краевского и Белинского в невнимании и в том, что они были причиною безвозвратной утраты сборника песен, составленного Кольцовым. «Его собрание пропало – и вряд ли можно теперь надеяться, чтобы собранные им песни оказались не погибшими и благо-

даря какой-либо случайности нашлись», – писал в 1907 г. Н.А. Янчук (17). Дальнейшие архивные разыскания опровергли эти обвинения.

Среди бумаг Краевского, хранящихся в ГПБ, в папке копий, была обнаружена рукопись Белинского «Народные песни (из сборника русских народных песен, собираемых А.В. Кольцовым)», описанная И.А. Бычковым без указания имени переписчика (18). Рукопись заключала тексты пяти песен. Из них только «Две народные песни» были опубликованы в 1909 г. А.И. Лященко, подготавливавшим юбилейное академическое Полное собрание сочинений Кольцова. Это были песни: 1) «Ты стой, моя роща, стой, не расцветай!» и 2) «Как у князя было, князя, у князя Волконского» (в этом же издании были опубликованы «Русские пословицы, поговорки, приречья и присловья, собираемые Алексеем Кольцовым». Воронеж, 1836 (19)). Другими сведениями о собранных Кольцовым песнях дореволюционное литературоведение не располагало. Лишь в конце 1940-х гг. к этому материалу (списки пяти песен, сделанные Белинским) обратилась Р.Б. Заборова (20). Она опубликовала тексты песен, переписанных Белинским из собрания Кольцова: «Как у князя было, князя, у князя Волконского», «Во сыром-та бору брала Маша ягодки», «Ты взойди, ты взойди, красно солнушко», «Никому так не досталось», «По лужочку гуляла» (в настоящем издании № 1, 16, 7, 10, 11). Эти песни раскрывали различные стороны общественной и семейной жизни народа и отличались художественностью, свидетельствуя о высокой требовательности и вкусе как поэта-собирателя, так и Белинского, отобравшего именно эти песни для публикации в «Отечественных записках».

Дальнейшие наблюдения сделаны были П.Д. Уховым, нашедшим в архиве Киреевского пять тетрадей публикуемых в настоящем томе песен, записанных Кольцовым (о своих разысканиях П.Д. Ухов сообщил в статье «А. Кольцов – собиратель народных песен». – «Подъем» (Воронеж), 1958, № 6, стр. 93).

Исследуя вновь открытый материал записей Кольцова, Ухов подчеркнул своеобразие его как собирателя, противостоявшего славянофильскому лагерю, где идеализировались архаические стороны народного быта и с любовью собирались древнейшие памятники фольклора. «Кольцов первым заметил рождение песен нового общественного класса – рабочих». Песня «Как у славнова заводчика» (№ 36), которую Кольцов снабдил примечанием: «В Москве поют на фабрике фабришные на семик», по мнению Ухова, «едва ли не единственная известная науке запись фольклора рабочих первой трети XIX века». Песня «Поп ты чудила, поп буян» (№ 18) – образец антипоповской песни, которая в записях первой половины XIX в. Встречается редко. Есть среди записей

Кольцова солдатская песня «Зимовая стужа нам, солдатушкам, служба» (№ 46). Одна казачья «Что за диво за такое», также с ярко выраженным социальным элементом: речь идет о том, как казак «плеткою стегнул» офицера, приговаривая: «Не боярска, сударь, честь в окно к девушке лезть» (№ 31), две песни «удалых», отобранные Белинским для «Отечественных записок» и процитированные им в четвертой статье «О народной поэзии»: «Ты взойди, ты взойди, красно солнушко» (№ 7) и «Никому так не досталось» (№ 10), упомянутая уже выше баллада о Ванькеключнике и князе Волконском (№ 1). С удалыми песнями перекликается ответ героя губернатору в песне «Ох ли пропала пропажа». Своими товарищами он называет темную ночь, булатный нож, доброго коня и вострую саблю (№ 45). Песня «Как и я, молода» (№ 32) призывает женщину привыкать «ко чужой ко семье» и рассказывает о свекоре, свекрови, деверьях, золовках, т. е. относится к группе семейных. Большая часть песен относится к уличным хороводным-игровым, по тематике это песни любовные, повествующие о различных оттенках любовного чувства: о любви, сушащей героя или героиню (№ 21, 23, 37), о выборе в хороводе суженой или суженого (№ 27–29, 33, 34, 38, 40), о разлуке и измене (№ 22, 24, 26), о неровне или ревнивом муже (№ 3) и др.

Записи Кольцова представляли самые различные стороны жизни народа, к чему, по-видимому, и стремился поэт. Самое это стремление, отличавшее Кольцова от собирателей-славянофилов, сближало его с Белинским, статьи которого о народной поэзии 1841 г. Полемически заострены были против идеализации архаических сторон народного быта и творчества и также характеризовались глубоко дифференцированным отношением к народной поэзии.

Критик видел в народном творчестве отражение как грубых сторон патриархального быта древней Руси (оценка им ряда мотивов в былинах), так и героических черт народного характера (Новгородские былины), молодецкой удали (песни «удалые»), сильного и грациозного чувства любви (песня «На горе стоит елочка») и порожденной условиями жизни народа грусти «души крепкой, мощной, несокрушимой» (21). Эта близость взглядов на народную поэзию Белинского и Кольцова не была случайным совпадением. Ее следует считать закономерным следствием тесного дружеского общения критика и поэта, начавшегося с их первого знакомства в 1831 г. И особенно укрепившегося в последующие приезды Кольцова в Москву и в Петербург (1836 и 1840 гг.) и отразившегося в их переписке.

Белинский считал 1831 г. переломным в творчестве Кольцова, когда от ранних стихотворных опытов в духе подражаний он «решительно обратился к русским песням». По-видимому, перелом этот произошел

не без влияния Белинского, открывшего юноше его истинное призвание, его «настоящий род – русскую песню», которой до того Кольцов чуждался, считая этот род поэзии чем-то «простонародным, грубым и вульгарным». Но, по словам Белинского, песня и «очаровывала его в устах простого народа» (22).

Можно думать, что беседы об этом новом, истинном направлении поэзии Кольцова, указанном поэту Белинским, переходили и в рассуждения о самой народной поэзии, ее светлых и темных сторонах. Беседы эти помогали Кольцову, хорошо и всесторонне знавшему фольклор, осмыслить его значение, определить, что в народной поэзии могло послужить основой его собственного творчества. «Не на словах, а на деле сочувствовал он простому народу в его горестях, радостях и наслаждениях. Он знал его быт, его нужды, горе и радость, прозу и поэзию его жизни», – писал Белинский о Кольцове (23).

Это знание и помогло Кольцову отобрать в свое собрание песен разнообразный и в то же время типичный материал, отразивший народный быт и характеры. Откликнувшись на призыв Краевского собирать фольклор, Кольцов в то же время намеренно старался развеять то одностороннее, романтическое отношение к народной поэзии, которое присуще было не только славянофилам, но в 1830-е годы охватило многих деятелей литературы, не принадлежавших к славянофильскому лагерю, которому не чужд, вероятно, был и Краевский. «А песни, какие и волочатся, то просто все беспутные, из них посылаю вам посмеяться при сем», – писал он Краевскому 12 февраля 1837 г., а в письме от 16 июля Кольцов снова замечает: «Присказками-то я вас уже употчивал, чай, не захотите в другой раз: больно солоно! Что вы до сих пор не сказали об них ни слова? Да, кажется, никогда не скажете ничего» (24). В бумагах Краевского сохранились три присланных Кольцовым произведения, носящие сатирический характер и примыкающие к антиклерикальному фольклору. Это народные анекдоты «К абединьки хлешшут» (о колокольном звоне), «Цыган и поп» (о торге цыгана с жадным попом) и балагурная песня «Гаврила». Естественно, что ни эти тексты, ни песни, подобные балладе «Как у князя было» и на сюжеты удалых песен, Краевский не опубликовал.

Изучение найденного П.Д. Уховым материала показывает, что, отбирая из пятидесяти записанных текстов песни для Белинского и переписывая их в особую тетрадь, Кольцов делал это, прекрасно представляя себе (очевидно, по личным встречам и беседам предыдущих лет), что особенно могло заинтересовать его друга в фольклоре. Характерно, что именно эти темы народных песен выделены Белинским в его четвертой статье «О народной поэзии» опубликованной в 1841 г. И пи-

савшейся не только под впечатлением вышедших уже к тому времени сборников Сахарова и собирателей XVIII в., но и под впечатлением рукописной тетради Кольцова. Именно из этой тетради Белинский заимствовал строки удалых песен. В записи Кольцова (№ 7):

Мы не воры ведь,
Не разбойнички,
Атаманы все мы, охотнички.

В статье Белинского:

Мы не воры, – мы разбойнички,
Атамановы мы работнички.

Из нее же извлек он песню «Во сыром-та бору брала Маша ягодки» (25).

Исследователи Белинского неоднократно указывали на ограниченный круг фольклорных источников, которыми мог пользоваться критик, работая над статьями о народной поэзии, и на тенденциозность подбора материала во многих из них (труды собирателей 1830-х гг. Сахарова, Снегирева и др.).

Найденные П.Д. Уховым тетради Кольцова показывают, что круг этих источников был шире, чем предполагали исследователи. Именно рукописное собрание песен Кольцова подтвердило многие суждения Белинского: высокую оценку, данную им удалым, любовным, лирическим песням и т. д.

Близость взглядов Кольцова и Белинского сказалась и в отношении их к работе собирателя, и в характере использования Кольцовым материала народной поэзии в его творчестве. Известно, что Белинский, живо интересовавшийся работой молодых собирателей народной поэзии (М.Д. Суханов, Ф.Д. Студицкий, И. Нефедьев и др.), неоднократно указывал на необходимость точного воспроизведения фольклорного текста (26). Этому принципу следовал и Кольцов. В письме к Краевскому от 28 июля 1837 г., описывая хороводную игру, сопровождаемую песней «Ты стой, моя роща» (№ 33–34), он замечал: «…так, как я ее записал, она имеет слова точные, из слова в слово; но поют в хороводе ее иначе. Все стихи у них повторяются несколько раз и большею частию перемешиваются; и есть при других стихах прибавление из гласных букв, частицы к стихам, например: о, аи, оой, аой, ай-ой. У меня есть она и этак списана, и очень верно. Буде угодно, я вам пришлю. Эта песня удивительно как хороша на голос; жаль, что я не умею положить голоса» (27). Из этого следует, что Кольцов записывал песни не только под диктовку, но проверял запись с голоса, отмечая, как преображался текст в живом исполнении.

П.Д. Ухов сопоставил текст собирателя 1830-х гг. П.И. Перевлесского, записавшего под диктовку песню «Аи, аи Дунюшка Хомина по бережку ходила», и запись Кольцова «Аи Дуняшка Фомина, Фомина по бережку ходила, ходила» (№ 35), сделанную, видимо, с голоса при исполнении хором (28). Текст Кольцова оказался точнее, сохранив характерные для исполнения «на голос» повторы, припевы и т. д.

Важны были для поэта и условия бытования песни, характер ее исполнения. Посылая Краевскому песню «Ты стой, моя роща», Кольцов сообщал в письме: «Эту песню поют в Серпуховском уезде, в волости Хатунской, весною, в хороводе, с следующим порядком.

Хоровод становится в круг; берут друг друга за руки девушки и молодцы; в середине хоровода один парень становится в венке, расхаживает, поет и пляшет:

Сронил я веночек, –

здесь он снимает с себя венок и бросает наземь. Он над ним стоит; хоровод ходит, поет до «Ты стой, моя роща». Здесь он поднимает венок, надевает на голову, вновь ходит, пляшет и поет; и во второй раз повторение делают так же. В третий раз сначала тоже:

Девушка идет,
Красная идет,
Веночек несет, –

хоровод становится, поет; одна девушка из него выходит, поднимает венок, надевает на молодца или, как она говорит, на «хороводчика», целует его. И конец игре!» (29)

Обстоятельными примечаниями, содержащими описание игры, сопровождаются в рукописи также песни № 25 и № 38.

Близость поэзии Кольцова к народной песне очевидна, что неоднократно отмечалось.

Однако текстуальных совпадений песен Кольцова с какими-либо определенными фольклорными источниками исследователям установить не удалось.

А.И. Некрасов в статье «Кольцов и народная лирика» произвел скрупулезное сопоставление стихов Кольцова, написанных в духе народной песни, с текстами русских песен по собранию А.И. Соболевского и пришел к следующим выводам: «В формах и оборотах речи, в стихотворном размере, в художественных образах мы слышим отзвуки народной лирики. Но нельзя сказать, чтобы народные художественные формы целиком, без обработки, были внесены Кольцовым в его поэзию. (…) Темы многих песен Кольцова сходны с темами народных песен, но разработка Кольцова всегда своеобразна» (30).

Некрасов выделил в творчестве Кольцова 63 песни, которые разделил по тематике на несколько групп. Среди них:

1) песни, где изображается судьба молодца (жалоба на судьбу, горе, одиночество, тоска по юности, проявление молодецкой удали);

2) песни, где говорится о любви молодца и девицы, отражено ожидание встречи, прощание молодца и девицы, их разлука, измена, воспоминание друг о друге и т. д.;

3) песни о крестьянском труде и хлебе;

4) «Лес».

Первые две группы песен имеют множество параллелей (отдельные мотивы, образы, но не сюжет в целом) в народной традиции.

Сопоставление текстов песен, записанных из уст народа самим Кольцовым, с его собственными произведениями приводит нас к аналогичным выводам.

Темы записанных Кольцовым песен, из которых большую часть составляют перечисленные выше любовные, повествующие о встречах любящих, о выборе суженой, о разлуке, измене и гневе обиженной, о силе страсти, тоски по милой, равно и как тема разбойника-удальца, часты в поэзии самого Кольцова. Любовная тема звучит в стихотворениях и песнях: «Последний поцелуй», «Деревенская беда» (1838), «Говорил мне друг, прощаючись…» (1839), «Не скажу никому…», «Разлука», «Не на радость, не на счастье…», «Дуют ветры…», «Грусть девушки» (1840), «Расступитесь, леса темные…», «Я любила его…» (1841).

Молодецкая удаль, тоска по воле – в стихотворениях и песнях: «Удалец» (1833), «В поле ветер веет…», «Стенька Разин» (1838), «Тоска по воле» (1839), «Дума сокола», «Так и рвется душа…» (1840).

Тема насильственного и несчастного брака, чужой семьи, развивающаяся в записанных Кольцовым песнях «Попляшите, девушки» (№ 3), «Как и я, молода» (№ 32), слышится в его песнях: «Ах, зачем меня силой выдали…», «Деревенская беда» (1838), «Без ума, без разума…» (1839) и т. д. Сюжетное совпадение (и то неполное) обнаруживается только в стихотворении Кольцова «Хуторок» (1839) и в песне «Милые дружки, целовальнички» (№ 8).

Общие для песен Кольцова и его фольклорных записей темы разработаны в характерных для народной песни образах: молодец удалой «соловьем засвищет» (ср. параллелизм молодец-соловей в песне «Ты воспой, ты воспой, душа соловьюшек», (№ 9), образы волжских удалых песен (в «Стеньке Разине») и др. Однако прямого заимствования стилистических средств из записанных материалов обнаружить нельзя.

Важнее отметить другое. Непосредственное знакомство Кольцова с народной песней во время ее собирания в 1837 г., несомненно, плодотворно сказалось на развитии в его собственном творчестве жанра песни. Число произведений, написанных Кольцовым в этом жанре после 1837 г., неизмеримо возросло по сравнению с первыми восемью годами. За период 1831–1836 гг., когда Кольцов, по словам Белинского, от подражаний другим поэтам обратился к народной песне, им было создано всего три песни («Ты не пой, соловей…», 1832; «Удалец», 1833; «Не шуми ты, рожь…», 1834) и несколько прославивших его имя стихотворений о крестьянском быте и труде, написанных в стиле народной песни («Сельская пирушка», 1830; «Песня пахаря», 1831; «Размышление поселянина», 1832; «Урожай», 1835; «Косарь», «Молодая жница», «Женитьба Павла», 1836); за последующие пять лет (1837–1841) число произведений, написанных поэтом, непосредственно по мотивам и в стиле народной песни, резко возросло и достигло нескольких десятков. При этом по содержанию и по форме они стали ближе к народной лирике, развивали темы любовных, удалых, семейных песен народа, те темы, которые звучали и в песнях, записанных самим поэтом.

Публикуемые песни в записях Кольцова представляют большой интерес. Они расширяют репертуар русской лирической народной песни первой половины XIX в., обогащают его текстами, записанными точно, нередко с голоса, с указанием на особенности исполнения, а в ряде случаев и на условия бытования песни.

Однако подражателем народной песни Кольцов не стал. Развивая темы народной лирики, восприняв ее общий дух и стиль, Кольцов остался поэтом самобытным. Это именно и определило оценку его таланта, данную Белинским, отметившим в его поэзии не сюжетную близость к фольклорным образцам, но способность выразить все главнейшие элементы народного духа: «страшную силу в страдании и в наслаждении, способность бешено предаваться и печали и веселию и, вместо того чтобы падать под бременем самого отчаяния, способность находить в нем какое-то буйное, удалое, размашистое упоение», народность в «чувстве», в «выражении» и вместе с тем большой такт в отборе стилистических средств, «единство, полноту, оконченность и выдержанность мысли и формы», ставшие основой оригинальности творчества поэта (31). Эта оригинальность была замечена и другими критиками демократического направления – Добролюбовым и Салтыковым, – писавшими о Кольцове в 1856 г. В 1861 г. В.И. Водовозов в статье «Кольцов как народный поэт» пытался восстановить ту оценку творчества поэта и то освещение вопроса о его связях с фольклором, которое давалось революционно-демократической критикой. Он показал не только близость

Кольцова к народной лирике в изображении страсти, горемычной любви, порывистой удали, но и то, чем отличается поэзия Кольцова от народной песни (анализ чувства, изображение свободной силы, созидающей семейную жизнь на новых, разумных началах труда и равенства и др.) (32).

Непонимание этого своеобразия поэзии Кольцова приводило некоторых исследователей его творчества к постановке неправильных задач: найти сюжетные совпадения его лирики с фольклором. Отсутствие же таких совпадений создавало ложные выводы о пренебрежении поэта к фольклору и даже о ненародности его произведений.

Публикуемый материал вносит ясность в разрешение и этого вопроса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «О жизни и сочинениях Кольцова». – Белинский, т. IX, стр. 497–542.

2. «А.В. Кольцов, его жизнь и сочинения». – Н.А.Добролюбов. Собр. Соч., т. I. М., Гослитиздат, 1961, стр. 396–451; «Стихотворения Кольцова». – М.Е. Салтыков-Щедрин. Собр. Соч. М., Гослитиздат, т. 5, стр. 21–38 (ср. «Лит. Наследство», т. 67, 1959, стр. 281–314); В.И. Водовозов. Кольцов как народный поэт. – «Журнал Министерства народного просвещения», 1861, № 12, отд. VI, стр. 35; В.М. Сидельников. Песни Кольцова и народная поэзия. – «Томский альманах», кн. 9, 1956, стр. 125–133; В.А. Тонков. А.В. Кольцов. Воронеж, 1958, стр. 184–197; П.Д. Ухов. А. Кольцов – собиратель народных песен. – «Подъем» (Воронеж), 1958, № 6, стр. 93–96.

3. М. де Пуле. А.В. Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке. СПб., 1878, стр. 92.

4. В.В. Данилов. Очерки поэзии Кольцова. – «Русский филологический вестник», 1910, № 1, стр. 22–23.

5. А.И. Некрасов. Кольцов и народная лирика. (Опыт параллельного анализа).– «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1911, т. XVI, кн. 2, стр. 23–39.

6. П.М. Соболев. А.В. Кольцов и устная лирика. Смоленск, 1934, стр. 6, 12, 20, 47, 51, 58 и др.

7. А.М. Юдин. Поэт Кольцов и его стихотворения. – «Опыты о сочинениях студентов Харьковского университета». Харьков, 1846, стр. 224.

8. Сведения эти подтверждаются письмами Кольцова к Краевскому. Жалуясь на трудность собирания песен, поэт сообщал, как он их записывает (письмо от 16 июля 1837 г.). – А.В. Кольцов. Сочинения в

двух томах, т. II. М, изд-во «Советская Россия», 1961, стр. 33–34. – В дальнейшем сокращено: Кольцов).

9. «Чтения», стр. VI. – Здесь в инициалы Кольцова вкралась опечатка: А.Н.

10. *СС*, в. 7. Приложения и дополнения, стр. 155.

11. *НС*, в. II, ч. 2, стр. IX.

12. Кольцов, стр. 33, 35.

13. Там же, стр. 29, 31, 106, 123.

14. В памятной книжке 1836 г. – см. В.М. Сидельников. Указ, статья, стр. 125–133.

15. Письмо к Белинскому от 28 сентября 1839 г. – Кольцов, стр. 95.

16. Кольцов, стр. 137.

17. Н.А. Янчук. Литературные заметки. – «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1907, т. XII, кн. 4, стр. 240–241.

18. «Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1889 г.» СПб., 1893, стр. 72–73.

19. А.В. Кольцов. Полн. собр. соч. СПб., 1911, стр. 305–308 и 293–304.

20. Р.Б. Заборова. Белинский и сборник народных песен, собранных Кольцовым. – «Белинский. Статьи и материалы». Изд-во ЛГУ. 1949, стр. 126–146. Ее же. Две неопубликованные рукописи В.Г. Белинского. – Гос. Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Сборник II. Л., 1954, стр. 89.

21. Белинский, т. V, стр. 363–369, 378–379, 426–427, 445, 442.

22. Белинский, т. IX, стр. 525–526.

23. Там же, стр. 532–533.

24. Кольцов, стр. 29, 33.

25. Белинский, т. V, стр. 438 и 447.

26. Б.И. Богомолов. Борьба В.Г. Белинского за научное собирание и издание народной поэзии. – «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 133–135.

27. Кольцов, стр. 36.

28. П.Д. Ухов. Указ, статья, стр. 95–96.

29. Кольцов, стр. 35–36.

30. А.И. Некрасов. Указ, статья, стр. 83–84.

31. Белинский, т. IX, стр. 533, 535, 536.

32. В.И. Водовозов. Указ, статья, стр. 35.

А.М. ПУТИНЦЕВ

А.В. КОЛЬЦОВ КАК СОБИРАТЕЛЬ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПОСЛОВИЦ

А.В. Кольцов, как теперь можно считать установленным, имеет в качестве этнографа немаловажное значение для своего времени (1). Это значение заключается не только в том этнографическом материале, который находится в поэтических сочинениях знаменитого песенника, но также и в чисто этнографических трудах его – записях пословиц, поговорок и песен.

Необходимо еще отметить, что самый язык Кольцова, его произведений, писем и записей с лингвистической точки зрения имеет свое значение: малограмотный, поэт внес в свою письменную речь в значительном количестве особенности родного говора. Хотя проф. В.А. Богородицкий (2) давно указал на важность изучения малограмотных написаний для лингвистики, тем не менее с этой стороны Кольцов до сих пор, к сожалению, остается мало изученным. Заметка о языке Кольцова (3), принадлежащая А.И. Лященко, данного материала далеко не исчерпывает. Нам кажется, что неизученность Кольцова с лингвистической точки зрения в значительной степени объясняется несовершенством изданий сочинений поэта: ведь, текст здесь дан далеко не в точном виде в целях приспособления к широкой публике.

Восполнить отчасти этот недостаток – издать полно и точно текст пословиц, собранных Кольцовым, а вместе с тем выяснить значение его, как собирателя пословичных изречений, составляет задачу настоящей работы.

Рукопись Кольцова: «Русские пословицы, поговорки, приречьи и присловья, собираемые Алексеем Кольцовым», находящаяся ныне в Никитинском музее, поражала многих своими высокими достоинствами (4) и перепечатывалась не раз: в первый раз она была напечатана М.Ф. Де-Пуле не сполна в сборнике «Воронежская Беседа» на 1861 г., потом была использована почти целиком М.А. Дикаревым для его «Воронежского Этнографического Сборника» (Воронеж, 1891 г.; изд. Губ. Стат. Комитета), наконец, была напечатана А.И. Лященко в Академическом издании сочинений поэта (по изд. 1911 г. Стр. 299–304) тоже не сполна и без достаточной точности. Значит, Кольцовские записи пословиц, собственно говоря, еще ни разу до сих пор не были напечатаны сполна и в точном виде.

Насколько несовершенно было издание их, можно судить по тому, что даже в Академическом издании сочинений Кольцова 1) отсутствует 7 изречений; 2) число отступлений от подлинного текста, не счи-

тая пунктуации, доходит приблизительно до 300. Отсюда ясно видно, что новая перепечатка нужна.

Мы перепечатываем здесь «Русские пословицы, поговорки, приречья, и присловья, собираемые Алексеем Кольцовым» с буквальной точностью и почти без пропусков. Нами пропущены, в силу неприемлемости с точки зрения литературных нравов, несколько слов; число пропущенных букв мы обозначали всякий раз соответственным количеством точек. В виду ограниченности места мы не могли поместить посторонних записей, находящихся в данной Кольцовской тетрадке (5), а также не отметили разницы в тексте подлинника и в вышеуказанных перепечатках его, тем более, что это особого значения не имеет.

Считаем необходимым сообщить некоторые сведения о данной Кольцовской рукописи.

В настоящее время она находится в Никитинском музее в Воронеже (6). Сюда сборничек попал вместе с другими рукописями ив Воронежской Центральной, ранее Городской Публичной, Библиотеки, в 1925 году. В Воронежскую Публичную Библиотеку сборничек попал, как видно из надписи, в 1864 г. от М.Ф. Де-Пуле, душеприкащика поэта И.С. Никитина, предыдущего владельца этого сборника, купленного поэтом случайно на толчке (7).

Сборничек представляет тетрадку из синеватой и беловатой бумаги, сложенной в восьмую долю листа. Всего в нем перенумерованных листочков 41, формата 12,5 × 10 сант. Перенумерованы они не рукою А.В. Кольцова, а рукою М.Ф. Де-Пуле. Он же переплел его в красный сафьяновый переплет. В такие переплеты заключены М.Ф. Де-Пуле и рукописи его друга И.С. Никитина, подаренные одновременно с этим сборничком в Воронежскую Публичную Библиотеку. Некоторые листы рукописи имеют водяной знак:

У У Ф Н с П
1830

Обследовав сшивку тетради, мы нашли, что тетрадь составилась: а) из основных листочков, расчитанных для всех букв равномерно по 1 и б) из добавочных, которые были вшиты потом, когда число собранных пословиц не могло уместиться на основных листках. Добавочные листочки имеют нумерацию: 4,5 (на букву *б);* 21, 22 (на букву *п*); 25, 26 (на букву с); остальные листочки являются основными. Рукопись великолепно сохранилась.

На обороте 1 листочка стоит дата: «1836 г.» Но на заглавной странице рукой поэта же, после вышеприведенного заглавия, поставлена дата: «1838 г.» Последняя дата потом залита чернилами, но все же при тщательном рассматривании на свет выступает явственно.

К какому времени надо отнести данный сборник, в виду разноречивости выставленных на нем дат?

Из биографии Кольцова знаем, что он пословицы и т. п. изречения собирал по совету петербургского журналиста А.А. Краевского (8). Кольцов, будучи в Петербурге с января по апрель 1836 г. (9), очевидно, получил совет от указанного лица собирать произведения народного творчества. Это видно из того, что Кольцов в письме А.А. Краевскому, от 12 февр. 1837 г. говорит о собирании пословиц, как о деле уже ранее сообща обсужденном. С этим временем – концом 1836 г. – вполне согласуется дата «1836 г.», выставленная на обороте 1 листочка под изречением воронежского «философа», (т. е. семинариста, ученика класса философии) Ярченка и обозначающая, несомненно, начало записей; после этой заметки, со 2-го листочка, уже идут самые пословицы.

Таким образом, Кольцов, ретиво взявшись за дело собирания пословиц, начал его сейчас же по приезде в Воронеж, в конце 1836 г. Упоминания поэта в письмах к А.А. Краевскому о том, что он уже знаком с собраниями русских пословиц И.М. Снегирева и И.Ф. Богдановича, показывают, что Кольцов взглянул на предстоявшую ему работу серьезно, – так или иначе по-своему готовился к ней.

На основании данной рукописи мы отчетливо можем представить себе процесс собирания Кольцовым пословиц.

Первоначально поэт пословицы либо запоминал в уме, либо записывал на лоскутках, а потом – время от времени – вносил их в свой сборничек.

Такая постепенность наростания сборничка видна из того, что у него пословицы сплошь и рядом записаны различными чернилами по цвету. Особенно отчетливо разные оттенки чернил (от 7 до 9) выступают под буквами *н, к, с* и др.

Вся тетрадка была заранее размечена равномерно по буквам алфавита, так как пословицы в сборничке располагались в алфавитном порядке, но на некоторые буквы впоследствии так много набралось пословиц, что явилась нужда подшить здесь новые листочки; это относится к буквам *б, н, п* и *с*. Процесс собирания был все-таки продолжителен, так как собиратель по забывчивости повторно вносил не раз ранее записанные пословицы (10). Несомненно, что собирание пословиц продолжалось до 1838 г. Это подтверждается датой на заглавном листке 1838 г., написанной иными чернилами, чем самое заглавие сборничка. Судя по переписке Кольцова, мы видим, что просьбы его к Краевскому о даче указаний и советов оканчиваются 1837 г. Должно быть, Кольцов, не видя не только указаний, но и просто сочувствия со стороны петербургского журналиста, вскоре и бросил собирание, так как не видел ре-

альных последствий своего труда, именно в 1838 г. Мы полагаем, что работа была не законченною. Это видно из того, что данное собирание пословиц из тетрадки, где записывалось все: и изречение воронежского семинариста, и список нужных книг и пр., несомненно, черновик: оно не было переписано набело – без помарок, и не были устранены также явные дефекты, как повторение одинаковых изречений.

Что касается образцов, которым следовал Кольцов в своей работе, то относительно этого сказать что-либо определенное затруднительно. Вполне возможно, что в качестве образцов ему послужили собрания пословиц *И.Ф. Богдановича* (изд. в 1785 г.) *И.И. Снегирева* (1834), приобретенные поэтом, надо думать, по рекомендации кого-либо в столице в 1836 г. Но еще легче предположить, что образцом в данном случае мог послужить хорошо известный Кольцову и любимый им «Письмовник» профессора Н. Курганова. В этом «Письмовнике» находится: *Присовокупление 1. Сбор разных пословиц и поговорок.* (11) Отсюда Кольцов мог взять и алфавитный способ расположения пословичного материала.

Другими сведениями мы не располагаем.

Какими достоинствами отличаются кольцовские записи пословиц и в чем их значение?

Во-первых, точность записи пословичного материала очень высока: Кольцов отнесся бережно к народному творчеству и не дерзнул на переделку пословиц из каких бы то ни было соображений, напр., ради придания им большей красоты или для смягчения грубости. В этом смысле наш поэт, несмотря на свое слабое образование, выше стоит некоторых образованных собирателей, напр., И.Ф. Богдановича, бесцеремонно переделывавшего народные пословицы.

Во-вторых, записанный пословичный материал Кольцовым взят прямо из уст народа, к которому он по своей прасольской профессии стоял ближе, чем кто-либо. Это не был собиратель, чуждый народу; это – свой человек для последнего. Народ при этом условии мог сообщить Кольцову больше и охотнее, чем какому-либо «барину» – собирателю.

В-третьих, пояснения Кольцова к пословицам отличаются дельностью и обличают в нем тонкое этнографическое чутье, как это мы видим, напр., в примечаниях к пословице № 1 на букву *у*., № 4. на букву *ш* и др.

В-чётвертых, Кольцов в своем сборнике, собрав подряд пословицы, поговорки, прибаутки и присловья, не сумел различать эти жанры, напр., изречения по нашей общей нумерации: 18 – «без хозяина дом сирота», 21 – «бог дал, бог взял», 29 – «бельмо-б те на глаз» и мног. др.

Впрочем, состояние науки об устной русской словесности было в те годы так слабо, что этого мы не можем ни в коем случае поставить в особую вину самоучке Кольцову. Вспомним для примера, каковы были

иногда превратные суждения о народной поэзии такого ценителя литературы, как В.Г. Белинский. Да такую же ошибку, как и у Кольцова, мы находим и в «Пословицах русского народа» В.И. Даля (1862 г.).

В-пятых, Кольцовские записи не имеют указаний на то, в какой местности и в какой среде записано то или иное изречение. Между тем, такие сведения имели бы большое значение для науки. Но, конечно, и этого ставить в вину нашему собирателю тоже нельзя: он делал так, как и другие тогдашние собиратели пословиц, даже истые этнографы вроде В.И. Даля. Более усовершенствованные приемы собирания пословиц и сродных им произведений были разработаны, собственно говоря, лишь в наше время (12).

Такими чертами отличается Кольцовское собрание пословиц и т. п. кратких изречений народной мудрости и остроумия, относящееся, несомненно, в своей подавляющей части к Воронежской губернии, ибо по своей жизни вообще и в частности в период 1836–1838 гг. он сталкивался почти исключительно с жителями Воронежской губернии. В столицах, в кругу литераторов и других лиц, для своего собрания, надо полагать, если он что и мог сделать, то это было незначительною частью в его сборнике.

Кольцовское собрание, заключающее 438 изречений, является для своего времени *первым,* сравнительно крупным, собранием южно-великорусских пословиц, впоследствии, в 1891 г., почти целиком вошедшим в состав воронежских пословиц (за исключением 10 (13)). В общерусском захвате труд Кольцова также представляется нам значительным, занимая одно из видных мест среди подобных собраний, принадлежащих другим этнографам: И. Богдановича (1785 г.), Д. Княжевича (1822 г.), И. Снегирева (1831–34 гг., 1848 г.), В. Даля (1862 г.) и др.

Что касается того, как велико значение собрания Кольцова с точки зрения научной методологии собирания, то и здесь мы, по справедливости, должны воздать должную честь знаменитому песеннику. В смысле бережного отношения к народному творчеству, в смысле непосредственной близости собирателя к народу, в смысле попытки его давать посильные пояснения, это собрание мы ставим выше подобных трудов И. Богдановича, И. Снегирева и нек. других. Самоучка-поэт в качестве собирателя народных пословиц стоял в общем не ниже, а иногда выше других, более образованных собирателей; так превосходно было его чутье этнографа.

В силу вышеизложенного, можно сказать без всякого пристрастия, что труд Кольцова по собиранию пословиц сохраняет до настоящего времени научное значение, тем более что в нем заключен ценный материал по диалектологии.

Следовательно, Кольцову, как собирателю пословичных изречений русского народа, мы должны отвести одно из видных мест в ряду лиц, потрудившихся над собиранием подобного материала.

Печатаемые ниже тексты записей Кольцова переданы с буквальной точностью.

Для удобства пользования текстами мы, помимо Кольцовской нумерации, ввели и *свою,* общую для всего собрания пословиц (14), и снабдили некоторыми примечаниями. Место той или иной пословицы из собрания Кольцова в «Этнографическом Сборнике» Дикарева отмечено нумерацией в скобках, позади *каждой пословицы.*

Вследствие технических затруднений не прилагаем фотографического снимка с Кольцовской рукописи. Снимок, приложенный к Акад. изданию, дан в увеличенном формате против действительного (правда, немного) и не передает оттенков бумаги и чернил оригинала, что, конечно, весьма важно в палеографическом отношении. Почерк поэта там передан довольно точно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вопросу о значении Кольцова, как этнографа, посвящен наш специальный очерк «О значении Кольцова для русской этнографии» в «Филолог. Зап.» 1910 г.

2. См. его статью в «Филолог. Зап.» 1881 г. вып. III.

3. Академич. 1 издание соч. А.В. Кольцова, стр. 115–120 (СПб, 1909). В последующих изданиях автор статьи, редактор издания, признавая заметку несовершенной, не нашел нужным ее перепечатывать.

4. См. об этом у М.Ф. Де-Пуле («Воронежская Беседа» на 1861 г.), у А.И. Лященко (Академ. издание соч. Кольцова изд. 1909 г., стр. 293), у М.А. Дикарева (Пам. Кн. Вор. Губ, на 1892 г. И в отд. Оттиске: «Воронеж Этнограф. Сборник», Воронеж. 1891 г., стр. 1–21), в выше указанной статье и друг.

5. См. в Академ, изд. III, 1911 г., стр. 320.

6. Музейский шифр рукописи: 74/III 26

7. «Ворон. Беседа» на 1861 г., стр. IV; Акад. III изд. соч. Кольцова, стр. 321.

8. См. об этом письма Кольцова, от 12 февраля, 16 июля, 28 июля 1837 г Мнение М.Ф. Де-Пуле, что советчиком Кольцова был здесь Жуковский, ничем не подтверждается.

9. См. хронол. канву для биографии Кольцова, – III Академ, изд соч. К., стр. 449.

10. См., напр., на букву *н* – № 2 и № 14, на *р* – № 2 и № 5, на *ч* – № 8 и № 17. Конечно, по безграмотности Кольцова алфавит плохо соблюдался.

11. «Письмовник, содержащий науку российского языка, со многим присовокуплением разного учебного и полезного вещесловия», Москва, 1837 г., XI изд., стр. 143–168.

12. Симони П.К. – «Программа для собирания русских пословиц, поговорок, острот, прозвищ, загадок и т. п.» – в «Жив. Старине», 1898 г., вып. I; «Программа для собирания произв. народ. слов.», изд Моск. ком, по нар. слов.: III изд. Тип. Шаморд. пустыни, 1917.

13. См. «Воронежский Этнографический Сборник» М.А. Дикарева, напеч. в «Пам. кн. Ворон. Губ.» на 1892 г. (отд. изд. 1891 г.).

14. Общая нумерация (первый ряд цифр) имеет в виду удобство при пользовании текстами, в данном случае нумеровались особым № даже такие пословицы, которые Кольцовым вносились ошибочно в свой список и вторично.

В.А. ТОНКОВ

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ, ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ, ЗАПИСАННЫЕ А.В. КОЛЬЦОВЫМ

Кольцов еще в юные годы высоко ценил произведения народного творчества.

Следует заметить, что у Кольцова с первых же шагов его деятельности как собирателя обнаруживается демократическая направленность в подходе к устному творчеству – умение выбрать, записать именно те произведения, которые родились в среде народа. Показательно, что в своих высказываниях о народной поэзии Кольцов ставит содержание и весь тон ее в зависимость от социально-экономических условий.

Кольцов как собиратель народных песен не только усвоил достижения современной ему науки о народном творчестве, но, судя по его записям и письмам, пошел дальше ученых своего времени. Доказательством является то, что поэт записывал не только тексты песен, но и игры, которые сопровождали их.

В 1836–1842 гг. широко развертывается его собирательская деятельность (см. письма Кольцова к Краевскому от 16 июля и от 28 июля 1837 г.). Судя по письму к Белинскому от 15 августа 1840 г. и предисловию к русским народным песням видного собирателя народной поэзии первой половины XIX в. П.В. Киреевского, Кольцовым был составлен сборник народных песен. Однако опубликовать его поэту не удалось.

Из посланных Кольцовым песен Белинский переписал «Как у князя было, князя, у князя Волконского», «Во сыром-то бору брала Маша ягодки...», «Ты взойди, ты взойди, красно солнушко...», «Никому так не досталось, как мне, горькой сироте…», «По лужочку девушка гуляла…». Эти песни подготовлялись Белинским для опубликования в «Отечественных записках», но задуманная критиком публикация не состоялась. Тексты песен не были, очевидно, пропущены цензурой. Сохранилась рукопись песни о Ваньке-ключнике, перечеркнутая красными цензорскими чернилами. (См. Р.Б. Заборова. Белинский и сборник народных песен, собранных Кольцовым. – В кн.: Белинский. Статьи и материалы. Изд. Ленинградского университета им. А.А. Жданова, 1949, стр. 142.)

Ученые, заинтересовавшись собирательской деятельностью Кольцова, потратили много сил, чтобы разыскать записанные им песни. Но эти записи так и не были найдены. Лишь в 1909 г. А.И. Лященко, обратившись к архиву А.А. Краевского, извлек из приложений к письмам Кольцова тексты двух народных песен, записанных поэтом в Мос-

ковской и Воронежской губерниях: «Ты стой, моя роща, стой, не расцветай» и «Как у князя было, князя, у князя Волконского» (один из вариантов песни о Ваньке-ключнике). В примечаниях А.И. Лященко сообщал: «Сборник песен Воронежской губернии, составленный Кольцовым и бывший в руках Белинского и П.В. Киреевского, пока не разыскан. Нами издаются только две народные песни, записанные Кольцовым, которые сохранились в бумагах у Краевского» (см. сочинения Кольцова под ред. Лященко, стр. 386).

В 1958 г. в архиве Киреевского найдено пять тетрадей с текстами записанных Кольцовым шестидесяти народных песен, что значительно расширяет представление о Кольцове – собирателе произведений устного поэтического творчества. «Тот, – пишет обнаруживший эти песни доцент МГУ П.Д. Ухов, – кому приходилось в своих руках держать священные реликвии прошлого, поймет, с каким трепетом увидели мы надпись на истлевшей от времени бумаге: «Народные песни, собранные Алексеем Кольцовым. Воронеж, 1837». Нам теперь известны такие песни, которых не было ни в одном сборнике. Собрание Кольцова может служить блестящей характеристикой жизни и быта того времени. Протест против закабаления, против уродств жизни – вот главная тема песен, записанных Кольцовым. Поэт собирал не только песни деревни, но и песни рабочих, которые официальная наука того времени совершенно игнорировала. Мы обнаружили едва ли не первую запись рабочей песни». (П. Ухов. Ценная находка. «Комсомольская правда», № 58, 9 марта 1958 г.)

Включенные в настоящее издание народные песни «Как у князя было, князя, у князя Волконского» и «Ты стой, моя роща...» (записанная в Серпуховском у. Московской губ.) печатаются по академическому изданию 1909 г. (Сочинения Кольцова под ред. Лященко, стр. 301–304.) Песни «Ты взойди, ты взойди, красно солнушко...», «Зимовая стужа – нам солдатушкам служба...», «Ты воспой, ты воспой, душа соловьюшек...», «Во сыром-то бору брала Маша ягодки...», «Танюшка, ты, Татьяна...», «Как и я молода…», «Аи, Дунюшка Фомина – Фомина...», «Ой, Иван, ой, Иван...» доставлены составителю П.Д. Уховым.

Пословицы и поговорки, собранные поэтом, записаны им в маленькой тетрадке, в восьмую долю почтовой бумаги. Полное заглавие сборника «Русские пословицы, поговорки, приречья и присловья, собираемые Алексеем Кольцовым».

Пословицы приводятся Кольцовым в алфавитном порядке. Судя по оставленным после каждой алфавитной буквы листам, сборничек пословиц закончен не был. Этим объясняется, что поэт не послал его Краевскому, которому в письме от 12 февраля 1837 г. сообщил: «Для

совета я приведу их (пословицы. – *В. Т.*) в порядок и, если велите, пришлю к вам». Небольшой формат сборничка (размер записной книжки) и оставленные белые листы дают основание предполагать, что Кольцов собирал пословицы во время своих поездок по деревням.

В своих записях Кольцов сохранял основные особенности местного говора, принадлежащего к одному из сильно акающих диалектов, например:

Атальются волку коровьи слезки.
Ат казла – не молоко.
Об исходе – с ума **сходя**.

Все это свидетельствует о вдумчивом и серьезном отношении Кольцова к собиранию произведений устного народного творчества, о стремлении поэта приблизить собранный им материал к научной записи.

Следует отметить также запись Кольцовым вариантов, что дает возможность определить степень живого бытования той или иной пословицы или поговорки. Например:

На обухе рожь молачивали.
Тертой калач: на обухе рожь молачивал.
Век протянется, всему достанется.
Жизнь протянется – всему достанется.

Сборник пословиц после смерти Кольцова был приобретен поэтом И.С. Никитиным и, по-видимому, им же, совместно с М. Де-Пуле, подготовлен к печати и опубликован в «Воронежской беседе на 1861 г.» (Воронежская беседа на 1861 г.», стр. 1–20)

В настоящем собрании сочинений тексты пословиц и поговорок даются по изданию 1909 г. (Полное собрание сочинений А.В. Кольцова. Под редакцией и с примечаниями А.И. Лященко. Академическая библиотека русских писателей, СПб, 1909.)

А.М. НОВИКОВА

А.В. КОЛЬЦОВ – СОБИРАТЕЛЬ НАРОДНЫХ ПЕСЕН МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Одним из неразрешенных вопросов, только еще намеченных в работах исследователей А.В. Кольцова, является вопрос о его деятельности как собирателя народных песен.

Устанавливая связь творчества Кольцова с народной лирикой, авторы многих работ на эту тему обычно не конкретизировали процесс постижения им народного художественного слова. Между тем Кольцов приобщался к миру народной поэзии двумя различными путями. С одной стороны, это было знакомство книжное. Известно, что он был читателем ряда журналов, которые печатали народные песни из разных мест России. По всей вероятности, до Кольцова доходили и некоторые сборники песен. С другой стороны, знакомство Кольцова с народными песнями шло «устным» путем, во время его непосредственного общения с народом. Поэтому при исследовании взаимоотношений Кольцова с народной поэзией можно поставить такие вопросы: в каких местах он мог слышать народные песни? Какой именно песенный материал он мог накапливать на протяжении жизни в своей памяти и в своих записях собирателя? С какими областными песенными традициями этот материал можно соотнести?

При разработке этих вопросов необходимо не только изучить жизнь Кольцова и все его возможные встречи с народом, но и подвергнуть анализу его собирательскую работу, что стало вполне возможным в связи с опубликованием в 1968 г. большого количества записанных им песен (1).

Нет никакого сомнения в том, что Кольцов с раннего детства и до конца жизни был приобщен к песенным богатствам Воронежской губернии и прилегающих к ней мест, вплоть до донских степей. Наряду с этим перед ним не раз открывались возможности непосредственного знакомства с народными песнями и других губерний благодаря его неоднократным дальним разъездам, и особенно его поездкам в Москву и Петербург. В этом направлении Кольцову приходилось ездить старинным большим трактом, который был задолго до постройки железных дорог проложен от Воронежа на Москву через Орловскую и Тульскую губернии. По этому тракту прогонялись с юга гурты скота, с чем не раз и были связаны поездки Кольцова в Москву. На этом долгом пути с неизбежными остановками ему много раз приходилось ночевать, а может быть, и оставаться в некоторых селах и деревнях на несколько дней. По Московской губернии эта дорога, после переправы через Оку в Кашире,

шла по Серпуховскому, а затем Подольскому уездам, по местам, где находились большие торговые села, волостные центры, оживленные деревни.

Согласно биографическим данным, Кольцов в первый раз приезжал в Москву по делам своего отца в 1831 г. В 1836 г. он находился особенно долго не только в Москве, но и в Петербурге. В это время Кольцов знакомится с большим кругом московских и петербургских писателей: Белинским, Жуковским, Пушкиным и другими. Очевидно, услышав в этом кругу своих новых просвещенных друзей мнения о значении народного творчества, Кольцов вскоре и начинает работу по записи народных песен.

Уже через год, 28 июля 1837 г., в письме к А.А. Краевскому он сообщал, что «принялся собирать русские народные песни пристально» (2).

Характеризуя посланную Краевскому песню «Ты стой, моя роща...», Кольцов делает примечание, что она поется «в Серпуховском уезде, в волости Хатунской, весною, в хороводе...» (3). Как видим, народный быт и народные песни заинтересовали его в Московской губернии.

Это упоминание Кольцова об определенном месте его собирательской работы было единственным. Однако и оно очень важно, так как делает вполне возможным предположение, что и другие его записи могли быть сделаны в этих же местах, в пределах Московской губернии. Нет никакого сомнения в том, что такую собирательскую работу на московском тракте Кольцов вел не только в 1836–1837 гг., но и позже, проезжая этими, уже знакомыми ему местами и в 1838 и в 1840 гг.

Хатунская волость Серпуховского уезда Московской губернии и само село Хатунь были расположены как раз на тракте Воронеж–Москва, в южной оконечности Московской губернии, богатой в кольцовское время народными песенными традициями. В этих приокских местах, изобилующих замечательно красивыми лесами и рощами, издавна проводились традиционные народные гулянья.

Большие красочные гулянья мог не раз видеть и Кольцов при своих поездках в Москву и обратно, и они, очевидно, произвели на него большое впечатление. Особенно его должны были привлечь хороводы, не типичные для Воронежского края, но очень распространенные в среднерусских областях как основное развлечение молодежи во время праздников. Песня «Ты стой, моя роща...» и была одной из тех хороводных песен, которые Кольцов должен был слышать не один раз. Эту песню он записывает особенно тщательно, в двух вариантах. Их сопоставление показывает, что, не удовлетворившись первым вариантом, он записывает эту песню еще раз, добившись при второй записи сохранения всех повторяющихся строк и ритмических частиц. Восхи-

щенный красотой хороводной игры, Кольцов в письме к Краевскому точно описал и весь «порядок» исполнения песни:

«Хоровод становится в круг; берут друг друга за руки девушки и молодцы; в середине хоровода один парень становится в венке, расхаживает, поет и пляшет:

Сронил я веночек; –

здесь он снимает с себя венок и бросает наземь. Он над ним стоит; хоровод ходит и поет до «Ты стой, моя роща». Здесь он поднимает венок, надевает на голову, вновь ходит, пляшет и поет; и во второй раз повторение делают так же. В третий раз сначала то же:

Девушка идет,
Красная идет,
Веночек несет,–

хоровод становится, поет; одна девушка из него выходит, поднимает венок, надевает на молодца, или, как она говорит, на «хороводчика», целует его. И конец игре!» (4).

Такое точное описание хороводной игры мог сделать только человек, очень внимательно проследивший ее исполнение с начала до конца в течение длительного времени, так как песня, повторявшаяся три раза, пелась очень долго. Слова же Кольцова «как она говорит» указывают на то, что он не только смотрел на хоровод, но и разговаривал с девушкой, выходившей из него, и, возможно, именно от нее и записал слова этой песни.

Песня «Ты стой, моя роща...» по своему содержанию относится к самым жизнерадостным и поэтическим хороводным песням, в которых воплощался весь размах народных гуляний, веселое упоение ими. Действие в таких песнях зачастую происходит в самом хороводе, где их герои «гуляют» и «пляшут». Героями песен обычно были молодцы и девушки, которые в них так или иначе выбирали друг друга. В песне «Ты стой, моя роща...» в центре сюжета был мотив «веночка»: молодец или девушка, «пляшучи», теряли его в хороводе и обращались с просьбой найти венок к «батюшке», к «матушке» или к другим родным, но венок находили только девушка молодцу или молодец девушке.

Распространение этой песни в дореволюционное время было довольно значительным. В первый раз ее запись была сделана П.В. Киреевским в Звенигородском уезде Московской губернии (5) и уже во второй раз – А.В. Кольцовым. Таким образом, первые сведения о бытовании в народе песни «Ты стой, моя роща...» связывают ее с московской народной традицией. Это дает возможность предположить, что она и была создана где-то в пределах Московской губернии в начале XIX в. (поскольку в сборниках XVIII в. она не была зафиксирована).

В последующие десятилетия XIX в. песня «Ты стой, моя роща...» записывается и другими собирателями, среди которых было несколько композиторов. В 60-е гг. она была записана в двух вариантах Н.Ф. Щербиной во Владимирской и Нижегородской губерниях. Один из них, нижегородский, был опубликован в сборнике песен М. Балакиревым (6). В начале 70-х гг. эта песня была записана в Ярославской губернии Ф.Н. Лаговским (7). В конце 70-х гг. ее вариант был помещен в сборнике Н.А. Римского-Корсакова (8). Опубликована она была и в сборнике С. Ляпунова (9).

Наряду с этими публикациями композиторов-собирателей, в которых данная песня была представлена в целом – с текстом и мелодией, – она была записана и некоторыми собирателями-филологами. В конце 70-х гг. ее текст был помещен в сборнике песен Казанской губернии В. Магнитского (10). Вслед за этой публикацией она вошла в число песен Пермской губернии в сборнике В. Попова 1880 г. (11). Последней дореволюционной публикацией этой песни был ее вариант в «Великоруссе» П.В. Шейна из Тульской губернии (12).

Судя по всем этим записям, районом бытования песни «Ты стой, моя роща...» были в основном среднерусские губернии (Московская, Владимирская, Ярославская и Тульская) и северо-восточные (Нижегородская, Казанская и Пермская). Очевидно, эта типично хороводная песня (что почти всегда подтверждалось при каждой ее записи) могла быть популярной только в местах с устойчивой хороводно-игровой традицией.

Запись Кольцовым песни «Ты стой, моя роща...» вносит много нового в историю ее бытования и в понимание ее жанровой и художественной сущности.

Сопоставление двух кольцовских вариантов песни со всеми другими ее записями показывает, что в народе бытовали две ее редакции, причем, очевидно, кольцовские варианты относились к самой ранней, изначальной редакции. Оба они близко соотносятся с вариантами, записанными в среднерусских губерниях (Владимирской и Тульской). К другой редакции можно отнести варианты, записанные собирателями в Ярославской губернии, а также в губерниях северо-восточных (Нижегородской, Казанской и Пермской). Различие обеих редакций можно проследить и по линии содержания, и по линии их мелодий.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что кольцовские варианты (как и варианты, записанные во Владимирской и Тульской губерниях Н.Ф. Щербиной и П.В. Шейном) имеют запев: «Ты стой, моя роща», в то время как в других местах устойчивым был запев: «Стой, мой милый хоровод» (в сборниках М. Балакирева и В. Магнитского),

«Караван, мой караван» (в сборнике В. Попова), «Ельник да березник» (в сборнике Ф. Лаговского). Этот устойчивый запев песни в среднерусских вариантах уже значительно отделял ее от других известных записей.

С другой стороны, кольцовские варианты, по сравнению со всеми названными, имели особенную полноту и точность. Этой своей стороной они наглядно показывают, какой художественной была среднерусская редакция этой песни. Большой заслугой Кольцова было и его умение записать ее текст. Добился он этого своим исключительным поэтическим чутьем, так как методика записи песен в его время еще не была разработана.

Сравнение вариантов Кольцова со всеми другими опубликованными вариантами дает возможность сделать вывод, что только ему удалось записать самый полный текст песни «Ты стой, моя роща...». Тем самым ему удалось предельно приблизиться и к той мелодии, на которую она пелась тогда в Московской губернии, поскольку все повторения ее строк и ритмические частицы были им полностью сохранены.

Хорошая сохранность кольцовского текста указывает и на то, что в первой половине XIX в. популярность данной песни была очень большой, она хорошо помнилась в народе и, возможно, была одним из частых украшений народных гуляний.

Об устойчивости и популярности в средней России кольцовской редакции этой песни свидетельствуют и мои собственные воспоминания. Мне пришлось слышать ее в начале 20-х гг. на большом троицком гулянье при станции Лаптево Московско-Курской железной дороги в Тульской области. Песня была спета до конца в большом хороводе. Это указывало на ее еще большую сохранность в данном месте, которое сравнительно не далеко отстояло от приокских мест Московской области, где когда-то проезжал в Москву Кольцов. Слышанный мною вариант песни был очень близок к кольцовской редакции: в нем почти тот же запев, троекратность, то же содержание, за исключением самых мелких отличий. На особое среднерусское происхождение этой редакции в моем варианте указывали и новые детали в запеве.

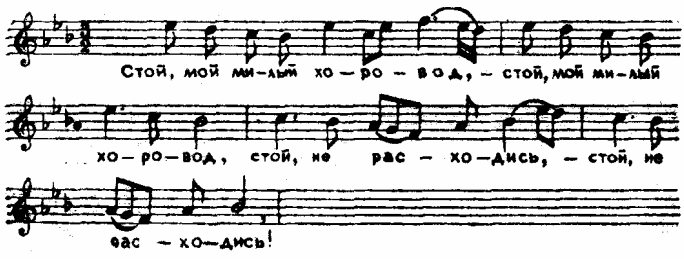
У Кольцова:	В моем варианте:
Ио-ой, ты стой, моя роща	Эх и на горушке роща,
О-ой, ты стой, моя роща,	Эх и на горушке роща
Стой, не расцветай,	Березовая, но,
Стой, не расцветай,	Березовая, но.
	Эх и ты стой, моя роща,
	Эх и ты стой, моя роща.
	Стой, не расцветай, но,
	Стой, не расцветай, но!

Можно предположить, что дополнительная характеристика «рощи» в запеве моего варианта («На горушке роща березовая») косвенно указывает на зарождение этой песни в народе где-нибудь в приокском крае между Московской и Тульской губерниями, так как эти места изобилуют роскошными березовыми рощами, а многие из них действительно находятся на живописных «горушках» по высокому левому берегу Оки. На этих приокских «горах» в самом сердце России ежегодно, может быть, веками, происходили весенние и летние народные гулянья. Вся красота и поэтичность такого народного отдыха, возможно, и была однажды воплощена каким-то народным поэтом в песне «Ты стой, моя роща...», в которой и изображен хоровод на фоне березовой рощи.

Помимо отличий в содержании варианты песни, примыкающие к кольцовской редакции, могли иметь и свою особую мелодию. Доказательством этого служит сопоставление мелодий этой песни, опубликованных в сборниках М. Балакирева, Ф. Логовского, Н. Римского-Корсакова, и ее мелодии, слышанной мною в Тульской области. Несколько отличные друг от друга, мелодии во всех этих сборниках ничем не напоминают слушанную мною, и, что особенно важно, на них не «ложится» текст кольцовской песни, в то время как на мелодию моего варианта этот текст можно петь. Тульская мелодия отличается также широтой, которая характерна для распевных хороводных мелодий, так как они должны были объединять собой иногда очень большой поющий круг-хоровод и соответствовать ритмически плавному его движению. Возможно, большинство мелодий данной песни, записанных композиторами, относилось не к хороводным, а к игровым ее вариантам, которые пелись на вечеринках.

Примером мелодии, характерной для всех указанных сборников, может служить напев, записанный М.Балакиревым в Арзамасском уезде Нижегородской губернии.

Хороводная
Нижегородской губернии, Арзамасского уезда



На основе этой записи можно заключить, что в тексте песни должны были правильно чередоваться семи- и пяти-сложные строки:

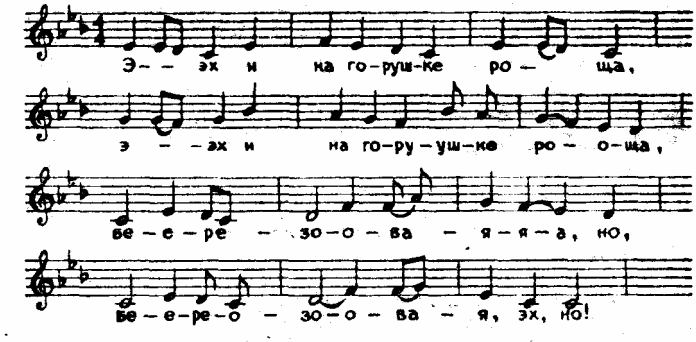
Стой, мой милый хоровод, (7 слогов)
Стой, мой милый хоровод, (7 слогов)
Стой, не расходись. (5 слогов)
Стой не расходись. (5 слогов)

Это же количество слогов (7 и 5) характерно и для сборника С. Ляпунова, что указывает на близость мелодий в обоих сборниках. Близок к их текстам и вариант из сборника Римского-Корсакова, расположенный на нотном стане строками в 5 слогов. Однако надо сказать, что количество слогов, правильно выдержанное в этих сборниках на нотном стане, далее в текстах, подписанных под ним, все время нарушается, так как запись их была сделана очень небрежно.

Такая же неточность в записи текстов характерна и для вариантов, собранных филологами. Трудно, например, судить о характере мелодии песни в сборниках В. Попова и В. Магнитского, так как количество слогов в строках в их вариантах все время колеблется.

Эта путаница в записи текста усугублялась тем, что собиратели не обращали должного внимания на ритмические частицы, на порядок повторения строк, т. е. не учитывали песенную строфику.

Поскольку кольцовский вариант песни «Ты стой, моя роща...» был записан гораздо точнее, легче решается и вопрос о мелодии, на которую она, очевидно, пелась. В записанном мною варианте с начала и до конца чередовались строки в 8, 8 и 6, 6 слогов, которые и образовывали правильную строфу. То же количество слогов и их порядок характерны для вариантов Кольцова. В эту строфическую «рамку», типичную для кольцовской редакции песни, свободно «укладывалась» и мелодия, слышанная мной в Тульской области. Это была широкая, плавная мелодия, характерная для хороводных песен:



К этой же мелодии и размеру, а следовательно, к той же среднерусской редакции восходят и варианты песни, записанные П.В. Киреевским и П.В. Шейном в Московской и Тульской областях, хотя они и не сумели записать их с кольцовской точностью. Однако при условии прибавления пропущенных ритмических частиц и правильного повторения строк их варианты приобретают подлинную строфическую форму.

Вариант Киреевского (первая строка)

Стой, мил хоровод,– стой, не расходись!

Восстановленный вариант Киреевского (та же строка)

(Эх и) стой, мил хоровод, (но),
Эх и стой, мил хоровод, (но),
Стой, не расходись, (но),
Стой, не расходись, (но)!

Но такие «подстановки» ритмических частиц оказываются невозможными в вариантах песни «Стой ты, моя роща...», записанных другими собирателями, так как размеры у них, при всем их разнообразии и несовершенстве записей текстов, по-видимому, колеблются от 5 до 7 слогов в строке. Это предполагает и другой характер их мелодий. Московско-тульская же словесно-музыкальная структура этой песни является особой, устойчивой и, возможно, изначальной.

Отличной записью текста песни «Ты стой, моя роща...» связи Кольцова с песенными богатствами Московского края не ограничиваются. В частности, его интерес к хороводным песням отчетливо сказывается в записях значительного количества других хороводных песен: «Ни под свет заря занималася», «Я сажу, сажу капустку», «Как под лесом под темным», «Винной мой колодесь», «По морю, по морю, по тихому озеру». Правда, все эти песни нельзя сближать только с московской хороводной традицией, но все они очень характерны для среднерусских областей. Поэтому можно сделать предположение, что и эти песни Кольцов записал на том же тракте Воронеж–Москва в пределах Орловской, Тульской и Московской губерний, а может быть, и в той же Хатунскои волости. Песни «По морю, по морю, по тихому озеру» и «Ни под свет заря занималася» Кольцов снабдил описаниями хороводной игры, что свидетельствует о том, что и в этих случаях он хотел как можно лучше уяснить их игровой характер. Комментарий к песне «Ни под свет заря занималася» о «распостылом муже», который обрадовал жену своей смертью, а затем «из мертвых восстал», Кольцов заканчивал словами: «Весь хоровод грохочет наповал», что характеризовало его как зрителя этой игры, восхищенного народным юмором.

Еще с большей вероятностью к московской песенной традиции можно отнести некоторые другие, песни, записанные Кольцовым. Такова, например, песня «Как у славнова заводчика, у Титова на дворе», одна из ранних рабочих песен. Нет никакого сомнения, что она вовсе не является «семицкой», обрядовой, как это склонны считать ее комментаторы в «Литературном наследстве» (13). Причиной такого недоразумения стало буквальное толкование ими примечания Кольцова к этой песне. «В Москве поют на фабрике фабришные на семик». Это примечание свидетельствует лишь о том, что Кольцов услышал и записал данную песню на семик на какой-то фабрике потому, что рабочие в этот праздник не работали, собрались и пели песни, конечно, не обрядовые.

Песня эта только слегка напоминает ранние рабочие песни о «гульбе». Через ее содержание мельком проходит этот мотив («Как мы день-то работали, Ночь по улицам гуляли»), типичный для ряда других ранних рабочих песен (14). В кольцовской же песне главным было обличение заводчика «Матюшина», от которого рабочие перешли на «лучшее» место к «Титову». О том, что эти фамилии заводчиков были московскими, свидетельствует место действия в ней:

Как у славного заводчика,
У Титова на дворе
Собиралися набойчики
На Яузу погулять.
Они речи говорят.
Все Матюшина бранят:
– Пропадай ты, Матюшин,
Со заводом со своим,
Со заводом со своим,
Со товаром со гнилым
И с приказчиком лихим! (15).

Характерные «московские» детали имеются и в песне «От еды младу отбило». Комментаторы кольцовского варианта песни не сумели определить ее происхождение, заметив, что к ней «параллелей обнаружить не удалось» (16). Однако у этой песни до Кольцова имелось уже длительное прошлое. В ряде сборников и песенников XVIII в. она печаталась с неизменным началом: «Мне моркотно, молоденьке». Героиней этой шуточной песни была иронически изображавшаяся девушка, которая откровенно признавалась в том, что ей «наяву» и «во сне» «все мерещится детинка». Одержимая своей любовью, она, вопреки всем правилам семейного патриархального уклада, сама брела «к парню в избу», готовила ему дары из «рубах» и т. д. Это основное содержание песни частично сохранилось и в кольцовском варианте:

Вариант из сборника Львова-Прача:

Мне моркотно, молоденьке,
Нигде места не найду,
Ах, люди, ах, люли, нигде места не найду,
От еды меня отбило,
Бражка в горлышко нейдет.
Ах, люли, ах, люли и т. д.
Посиделки, хороводы опостылели мне все.
Ах, люли, ах, люли и т. д.
Все мерещится детинка
Наяву мне и во сне.
Ах, люли, ах, люли и т. д. (17).

Вариант Кольцова:

От еды младу отбило,
Бражка, в горлышко нейдет,
Ах, люли, аи, люли,
Бражка в горлышко нейдет.
Все мерещится детинка
Наяву мне и во сне...
Ах, люли, ах, люли и т. д. (18).

Близкие совпадения текстов в обоих вариантах наблюдаются и дальше (опасения девушки, что ее милый «пройдет да не взглянет», ее желание накупить для него «на торгу» подарков и т. д.); однако в варианте Кольцова они перебиваются характерными московскими вставками, например:

Захотелось мне морковки,
Я на рыночки пошла,
Все Петровки исходила,
Я морковки не нашла,
Ни в Тихинки, ни в Полянки,
Ни в Охотном ряду нет (19).

Такой же московской модернизацией отличаются и новые вставки в конце песни; речь в них идет о гульбе в трактире с цыганками. По всей вероятности, кольцовский вариант этой песни, более поздний, чем варианты XVIII в., сложился в Москве уже в начале XIX в.

Записи песен «Как у славнова заводчика» и «От еды младу отбило» свидетельствуют о том, что Кольцов вел собирательскую работу не только на пути из Воронежа в Москву, но и в самой Москве.

Упоминания о Москве и ее улицах можно найти в записях песен, широко распространенных, но имеющих в вариантах Кольцова характерные московские приурочения. В этом отношении интересна песня «Приехали купчики с-под Москвы», которая с таким началом не встре-

чается в сборниках (20). Чисто московским является у Кольцова и запев игровой песни:

В селе, селе Измайлове,
Калина, малина,
В приселочке Черкесове,
У дуба ли у сырова (21).

В других народных вариантах этой песни названия таких районов Москвы, как Измайлово и Черкизово, не встречается. Даже вариант, записанный П.В. Киреевским в Москве, начинается прямо с «дуба сырова»:

Аи, у дуба у сырова
Калина, малина,
Сидит девка, что ягода... (22).

Нет этого кольцовского запева и во многих вариантах, записанных за пределами Московской губернии. Так, в вариантах из Пермской и Ярославской губерний песня эта начинается словами: «Как под дубом под сырыим», а в варианте из Черниговской губернии – «Во дубу, во дубу во зеленыим» (28). В ряде песен, записанных Кольцовым, настойчиво повторяется московская улица – Немецкая слобода. Так, в песне «Аи, Дуняшка Фомина, Фомина» она изображалась как «родная сторонка», утраченная героиней:

Аи, Дуняшка Фомина, Фомина
По бережку ходила, ходила,
Правой ручкой махнула, махнула,
Сердечушком вздохнула, вздохнула:
– Ах свет моя сторона, сторона,
Немецкая слобода, слобода,
Знать мне там не бывать, не бывать,
Вина-пива не пивать, не пивать,
Калачиков не едать, не едать! (24).

В запеве этой песни, записанной П.В.Киреевским в с. Заикино Мценского уезда Орловской губернии, были целиком сохранены похвальный тон в адрес «родной сторонушки» и имя героини, но Немецкая слобода заменена другим названием:

Аи, Дунюшка Хамина
По бережку хадила, –
Тужить, плачить
По раговской старане... (25).

Такие же замены московского места действия можно отметить и в вариантах других собирателей. Например, в варианте из Вологодской губернии «Дуня вдовина» так вспоминала свою «сторонушку»:

Уж ты, свет моя родима сторона!
Уж ты, Бронница, большая слобода! (26).

А в другом варианте из Вологодской губернии Дуня называла родину:

Уж ты, свет моя Ямская слобода! (27).

Возможно, начиная с XVIII в. Немецкая улица в Москве была известна в народе как торговая, богатая товарами. Именно в таком плане о ней говорится в песне «Чей это садочек», записанной Кольцовым. Созданная на тему «угождения сударушке» со стороны «доброго молодца», она кончалась картиной движения по реке «червончатого корабля», построенного для ее утехи. В кольцовском варианте в конце песни был особенно выделен из «гребцов-молодцов» гребец с диковинными «московскими» сапогами на ногах:

Как один молодец
Он гресть не гребет,
Он и песен не поет,
Только с ножки на ножку
Поскакивает,
Да сапог о сапог
Поколачивает,
Приговаривает:
– Как и эти сапоги
Издалече везены –
Из матушки из Москвы,
Из Немецкой слободы.
Полтора рубля даны! (28).

Кольцовский вариант песни не имеет сколько-нибудь сходных параллелей с песнями в сборниках. В них нет основного мотива «угождения сударушке», нет и упоминаний о «московских сапогах» из Немецкой слободы. Единственной песней, несколько похожей на нее, была песня о молодце, который хотел положить венок «на головку, Что на душечку красну девицу» (29).

В кольцовском варианте песни «Чернецкое пиво разымчиво было», где основной мотив о чернеце, варившем пиво, был соединен с темой другой песни – о продаже метелок, мы находим целую уличную картину в Немецкой слободе. Продавец метелок в ней

Буренку впрягал,
В Москву отправлял.
В Москву, в Москву,
В Москву отправлял.
В Москву отправлял,
По метлы кричал,

По метлы, по метлы,
По метлы кричал.
Случилося ехать
Немецкой слободой... (30).

Чисто местной, московской деталью является и упоминание в песне «Уж мне нынешний день скука» о «московской дорожке»:

...Разлучает нас неволька,
Чужа дальняя сторонка.
Петербурская дорожка,
Московская широкая,
Сколько раз по ней езжала,
Много горя принимала... (31).

Во многих вариантах этой песни, записанной в самых различных местах, «дорожка» упоминается обязательно, но она оказывается не «московской». В вариантах Олонецкой и Нижегородской губерний она называется «петербургской», в кавказских – «персидской» или «грузинской», в варианте Вологодской губернии – «новгородской» и т. д. Следовательно, и эту песню Кольцов мог записать только в пределах Московской губернии.

Исследовательскую работу о Кольцове как о собирателе народных песен нельзя считать завершенной. При дальнейших наблюдениях над текстами записанных им песен будут сделаны новые интересные и важные обобщения. Проведенное нами исследование записей народных песен А.В.Кольцова показывает, что он вел свою собирательскую работу не только в пределах Воронежской губернии и вообще Центрального Черноземья. В его работе как собирателя значительное место занимала Московская губерния и другие среднерусские области, по которым ему не раз приходилось проезжать по тракту от Воронежа до Москвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Литературное наследство», т. 79. М., 1968, стр. 281–339.
2. А.В. Кольцов. Соч. в двух томах, т. 2. М., 1961, стр. 35.
3. Там же.
4. Там же, стр. 35–36.
5. «Песни, собранные П.В. Киреевским», нов. серия, вып. II, ч. 2. М., 1929, стр. 344, № 2971.
6. М. Балакирев. Сборник русских народных песен, 1866.
7. Ф. Лаговский. Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской и Ярославской губерний, вып. I. Череповец, 1877, стр. 60, № 151.
8. Н.А. Римский-Корсаков. Сто русских народных песен. М., 1877, стр. 103, № 55.

9. С. Ляпунов. Русские народные песни. Изд. Циммермана (без года).

10. В. Магнитский. Песни крестьян села Беловоложского, Чебоксарского уезда, Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 89.

11. Василий Попов. Народные песни, собранные в Чердынском уезде Пермской губернии. М., 1880, стр. 58.

12. П.В. Шейн. Великорусс, т. I, вып. 1. СПб., 1898, стр. 362, № 1243.

13. «Литературное наследство», т. 79, 1968, стр. 338.

14. См., например: А.И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VI, № 553–554 и 556-559.

15. «Литературное наследство», т. 79, 1968, стр. 322, № 36.

16. Там же, стр. 337.

17. Львов-Прач. Собрание народных русских песен с их голосами. М., 1955, стр. 161, №.65.

18. «Литературное наследство», т. 79, 1968, стр. 306.

19. Там же, стр. 307.

20. См.: «Литературное наследство», т. 79, 1968, стр. 335, примечание к песням № 4 и № 15.

21. Там же, стр. 313, № 28.

22. «Песни, собранные П.В.Киреевским», нов. серия, вып. II, ч. 2. М., 1929, стр. 333, № 2936.

23. А.И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. 2, № 380, 381, 382.

24. «Литературное наследство», т. 79, 1968, стр. 322.

25. «Песни, собранные П.В. Киреевским», нов. серия, вып. II, ч. 2. М., 1929. стр. 176, № 2321.

26. А.И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VII, № 261.

27. Там же, № 262.

28. «Литературное наследство», т. 79, 1968, стр. 331, № 44.

29. А.И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VII, № 718.

30. «Литературное наследство», т. 79, 1968, стр. 328, № 41. 100

31. Там же, стр. 300, № 12.

В.А. ПАВЛОВА

А.В. КОЛЬЦОВ – СОБИРАТЕЛЬ ВОРОНЕЖСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Изучению устного народного творчества Воронежского края в значительной степени способствовала собирательская работа А.В. Кольцова. Однако некоторые стороны этой его деятельности остаются до сих пор неясными.

Один из первых биографов А.В. Кольцова – А. Юдин указывал, что поэт начал собирать песни по совету В.А. Жуковского. «Патриарх русских поэтов, – писал он, – посетил Кольцова в его доме во время проезда своего через Воронеж... Здесь поручил он Кольцову собирать народные песни» (1).

Однако эта версия не находит подтверждения в письмах А.В. Кольцова. Вот что писал поэт 16 июля 1837 г. А.А. Краевскому: «...принялся, как говорили вы мне, собирать русские народные песни» (2). И далее: «...я теперь собираю народные песни и уж собрал немножко... Вот из них одна. Посмотрите, если она хороша, поместите где-нибудь... Если же они вам приглянутся, напишите, я их еще к вам пришлю: есть в сумке про запас, и собирать буду» (3).

Видимо, А.А. Краевского мало интересовала собирательская деятельность А.В. Кольцова. На эти письма поэт так и не получил ответа, несмотря на настойчивую просьбу: «Ответ мне ваш нужен в теперешнее время потому более, что я, как вам уже писал, принялся собирать русские народные песни пристально. Но, может быть, они вам или не понравятся, или нет, какие бы нужно собирать, следственно, труд мой будет в таком случае совершенно напрасен; а их собирать и копотко и трудно...» (4).

Часть собранного А.В. Кольцовым материала была послана В.Г. Белинскому; однако опубликовать его не удалось по цензурным условиям.

Песни, собранные Кольцовым, были переданы затем П. Киреевскому, который готовил к изданию первый выпуск песен (5).

М.Ф. Де-Пуле, создавая биографию А.В. Кольцова, не внес ясности в решение вопроса о собирательской деятельности поэта. Больше того, он старался умалить роль его как собирателя (6).

А.И. Лященко, готовивший к изданию сочинения А.В. Кольцова, обнаружил в архиве А.А. Краевского песни, записанные поэтом. Две из них: «Ты стой, моя роща...» и «Как у князя было, князя, у князя Волконского» (о Ваньке-ключнике) вошли в сочинения Кольцова, изданные Лященко. Песни «Гаврила, а Гаврила», «Анекдот» и «Цыганский анекдот» не были опубликованы из-за их якобы нецензурного смысла. В

примечаниях к академическому изданию А.И. Лященко сделал пометку: «Сборник песен Воронежской губернии, составленный Кольцовым и бывший в руках Белинского и П.В. Киреевского, пока не разыскан. Нами издаются только две народные песни, записанные Кольцовым, которые сохранились в бумагах Краевского» (7).

Лишь в последнее время вопрос об отношении А.В. Кольцова к поэзии народа начал решаться правильно и многопланово.

В.А. Тонков в книге «А.В. Кольцов. Жизнь и творчество» (8) приводит факты, подтверждающие не только творческое использование А.В. Кольцовым русского фольклора (как основного художественного метода), но и социальную тенденциозность поэта в отборе и собирании им произведений народного творчества. В.А. Тонковым детально разработан вопрос об отношении А В. Кольцова к народному творчеству.

Вопросу о песенном богатстве, собранном А.В. Кольцовым, посвящены работы П.Д. Ухова. Ему принадлежит поистине огромное открытие в отечественной фольклористике – в архиве П. Киреевского он нашел тетради с песнями, собранными А.В. Кольцовым, которые позволяют судить о поэте как о крупнейшем собирателе своего времени, стоявшем на глубоко демократических позициях (9).

Собирательская деятельность А.В. Кольцова явилась предметом исследований В. Сидельникова и А. Соймонова (10). Интересные исследования в этом направлении были проведены Р.Б. Заборовой (11). На фактическом материале она «показала нелепость обвинений, предъявляемых Кольцову в равнодушии к поэзии народа», правильно сумела оценить собирательскую работу поэта и ту большую роль, которую сыграл в ней Белинский (12).

В.А. Тонков продолжил публикацию песен, записанных Кольцовым. Во втором томе Собрания сочинений А.В. Кольцова (М., 1958, стр. 181–196) он поместил ряд новых песен поэта из собрания П.В. Киреевского: «Зимовая стужа» (солдатская), «Ты воспой, ты воспой, душа-соловьюшек» (полный вариант тюремной песни), «Танюшка ты, Татьянка» (контаминированный текст игровой песни), «Как и я молода» (контаминированный текст игровой и семейно-бытовой песни), «Аи, Дунюшка Фомина» (текст также контаминирован), «Пойдем, пойдем Дуня» (игровая шуточная солдатская песня), «Ой, Иван, ой, Иван» (шуточная).

Как известно, влечение к фольклору возникло у А.В. Кольцова еще в раннем детстве. Частые отъезды в степь, долгие летние вечера, проведенные среди простого народа, непосредственное знакомство с народными песнями, сказками, легендами – все это раскрывало перед ним неисчерпаемые сокровища народной поэзии. А.В. Кольцов был од-

ним из выдающихся для своего времени собирателей устного народного творчества. Он превосходно знал местный фольклор. Ему знакомы были также «Собрания разных песен» М. Чулкова, «Древние российские стихотворения» Кирши Данилова, «Сказания русского народа о семейной жизни его предков» И.П. Сахарова, сборники В.Ф. Трутовского, И. Прача и других исследователей. В письме к А.А. Краевскому от 13 марта 1837 г. А.В. Кольцов просил выслать ему «кое-какие книги», среди которых назвал «Сказания русского народа о семейной жизни его предков» И.П. Сахарова, изданное в 1836 г. (13). 28 декабря 1839 г. он писал А.Н. Черткову: «Если есть у вас весь Луганский, то, пожалуйста, дайте прочесть» (14).

Поэт следит за изданием песенного фольклора, радуется удачным публикациям. 28 сентября 1839 г. в письме к В.Г. Белинскому он замечал по поводу народных песен, опубликованных Н.М. Языковым в «Отечественных записках»: «Ах, как хороши в восьмом номере «Записок» пять русских песен! Чудо как хороши. (...). И разбор песен Сахарова-Каткова, чудо как хорош; меня чрезвычайно как настроил его разбор» (15).

В статье «О значении А.В. Кольцова для русской этнографин» А. Путинцев отмечает: «Прасольство ставило его в близкие отношения к крестьянскому люду и во время степных разъездов со скотом, и во время выкормки последнего «бардой» около винных заводов, и во время отправления гуртов в большие города, поневоле заставляя вникать не только умом, но и сердцем в жизнь и интересы простого народа» (16).

О живом и непосредственном соприкосновении А.В. Кольцова с жизнью народа, крестьянства свидетельствуют воспоминания его современников – А. Юдина, В. Чубинского, М. Колобыхина, В. Негроскул (17) и других.

Кольцов часто выезжал в земли донских казаков, был хорошо знаком с рыболовами, лесниками и многими крестьянами Селявного, Сторожева, Митяевки, Трясорукова и других сел Воронежской губернии, любил бывать в степной деревне Титчихе, где, по предположению А. Путинцева, записывая песни, мог слушать и рассказ, давший сюжет для его произведения «Хуторок» (18).

Поэт исколесил почти всю Воронежскую губернию, степи Воронежского, Бобровского, Острогожского и Коротоякского уездов. Население этих мест было пестрым по своему составу, в основном это были русские и украинцы. Большой интерес проявил А.В. Кольцов к украинскому фольклору. В архиве Дома-музея И.С. Никитина имеется автограф поэта «Опыт малороссийской поэзии» (инв. № 2976) с тремя пес-

нями: «Голубонька, доню», «Возвращение запорожцев с Кавказа», «Послание к другу из Малороссии».

Записная книжка А.В. Кольцова, которую он вел в 1836–1839 гг., свидетельствует о его фольклорных интересах (19). По ранним стихотворениям поэта – «Ночлег чумаков», «Путник» и другим – можно судить о том, что он не только слушал песни украинцев, но и чутко улавливал особенности их речи.

Уже с первых шагов собирательской деятельности Кольцова «обнаруживается демократическая направленность в его подходе к народному творчеству, желание записывать именно те произведения, которые родились в среде трудящихся масс» (20).

Из пяти песен, присланных А.В. Кольцовым В.Г. Белинскому, великий критик смог опубликовать лишь одну – «Во сыром-то бору брала Маша ягодки»; в ней показаны уродливые явления семейной жизни того времени, обусловленные крепостническим строем.

В.Г. Белинский снабжает текст песни следующими примечаниями: «Противоречие общественности с разумными потребностями и стремлениями человеческой натуры ставит общество в трагическое положение. В нашей народной поэзии бездна трагических элементов, свидетельствующих о глубине и страшной силе русского духа, который, попавшись в противоречие, мстил и себе самому и всему окружающему» (21).

Не получая от А.А. Краевского ответа на волновавшие его вопросы, А.В. Кольцов продолжал собирать фольклор, применяя при этом свои методы записи. В письме к А.А. Краевскому от 16 июля 1837 г. он замечал: «С этими людьми, ребятами, сначала надобно сидеть, балясничать... потом начать самому им пропеть песни две... Потом они затянут, ты с ними же, пишешь и поешь!» (22). С этим письмом поэт отослал А.А. Краевскому песню «О Ваньке-ключнике» с просьбой поместить ее в каком-либо издании: «Посмотрите, если она хороша, поместите где-нибудь, а нет – в огонь! Перегорит да выгорит, так лет через сто будет славная песня» (23).

Можно предположить, что фольклор Воронежского края через творчество А.В. Кольцова и в записях, сделанных поэтом, способствовал формированию взглядов В.Г. Белинского на удалую поэзию в целом. Архивы критика не имеют подобного кольцовскому собрания записей народного творчества. По-видимому, народные песни в записи А.В. Кольцова были одним из немногих изустных собраний, которым мог располагать В.Г. Белинский. Можно утверждать также, что песни, в которых основными были мотивы социального протеста и «удальства» («Ты взойди, ты взойди, красно солнышко», «Ой ли пропажа, пропажа у

богатого купца», «Никому так не досталося, как мне, горькой сироте» и другие), явились редкими в то время изустными народными записями, привлекшими внимание В.Г. Белинского. Но опубликовать их критик не мог по цензурным условиям.

А.В. Кольцов глубоко понимал связь русской песни с народной жизнью. В 1839 г. в связи с засухой Воронежскую губернию охватил голод. Горели степи и поля, кругом уныние и печаль. «...И теперь, – писал поэт, – поют русские песни те же люди, что пели прежде, те же песни, так же поют; напев один, а какая в них, не говоря уж грусть – они все грустны, – а какая-то болезнь, слабость, бездушье. А та разгульная энергия, сила, могучесть будто в них никогда не бывали. Я думаю, в той же душе, на том же инструменте, на котором народ выражался широко и сильно, при других обстоятельствах может выражаться слабо и бездумно. Особенно в песне это заметно; в ней, кроме ее собственной души; есть еще душа народа в его настоящем моменте жизни» (24).

Смысл песни для Кольцова всегда был на первом плане, хотя и тонкости записи для него были немаловажны. Интересные замечания делает П. Ухов о методике записи Кольцовым песен: «Кольцов всегда стремился к точности и не позволял себе вносить никаких исправлений в текст песен. Об этом свидетельствуют копии тех песен, которые были отосланы им Белинскому. Разночтения в них совершенно ничтожны» (25).

Найденные П.Уховым тетради позволяют сделать вывод, что А.В. Кольцов сохранял не только интонационную структуру песен, но и народное произношение. Несомненно, что поэт усвоил напевность речи простого народа. По словам А. Юдина, в чтении своих стихов у А.В. Кольцова «заметна была какая-то певучесть...» (26).

Кольцова не удовлетворяет выдвинутое Языковым положение о необходимости народных записей «слово в слово». Его записи – живое свидетельство острого и чуткого восприятия художественных и языковых особенностей народных песен.

Методика записи песен А.В. Кольцова вносила новое в собирательскую деятельность фольклористов. Записывая песни с распевом, поэт оставил прекрасные образцы для последующих собирателей. Техника его записей может широко использоваться композиторами и музыковедами.

Хороводные песни записаны А.В. Кольцовым с особой тщательностью. Он красочно описал несколько хороводов, в том числе народную игру «Ни под свет заря занималася»:

Ни под свет заря занималася,
Ой люли-люли занималася.
Ни красно солнце выкатилося.

Мой распостылый муж в постелю слех,
Во постелю слех, постель мягкую
На перинушку на пуховую, на кроватушку на тесовую...

Кольцов комментирует эту песню следующим образом: «В хороводе. Молодой парень ложится наземь, в головах стоит вместо отца и матери парень с девушкой, и в ногах вместо жены – девушка. Хоровод поет песни. Девушка, заменяющая жену, от конца песни плачет. Мертвый встает, целуется с ней. Весь хоровод грохочет наповал» (27).

К песне «Как под лесом под темным шелкова трава» Кольцов дает пояснение припева «Соседушка-табровушка каков человек?»: «соседушка-табровушка – добрый сосед» (28).

Интересно, что в записях поэта встречаются русские песни, подвергшиеся украинизации. Вот отрывки из них:

Как и я молода и бела и румяна
Аи що ж, ну да що ж
Ну що ж, ягодка моя,

Ой, Иван, ой, Иван,
Иван – девичий обман.
Ой, що ж, ну да що ж,
Говори, милай, що хошь (29).

Мы не можем не отметить точности записи А.В. Кольцовым народной песни «По морю, по морю, по тихому озеру». Поэт замечает: один парень становится на одном месте, остальные друг дружку берут за руку, начинают ходить кругом парня и поют песню «Сронил шляпу». В это время бросают шляпу наземь... Хоровод останавливается... Парень сам поднимает шляпу, садится около хоровода со словами «сронил пан шляпу со пером»... Он снимает шляпу, бросает наземь и стоит над ней. Хоровод останавливается. Две девушки сходят в середину хоровода, поднимают шляпу, надевают на парня. Он их целует (30).

В своих записях песен А.В. Кольцов сохраняет основные особенности местного наречия, по своему звуковому характеру принадлежащего к одному из сильно акающих говоров Воронежской области.

Сопоставление текстов кольцовских записей с воронежскими архивными материалами говорит о более высоком качестве записей народных песен А.В. Кольцовым. Его песни более красочны, эмоциональны, содержание их полнее, сюжетная развернутость ярче.

Вот образцы художественного совершенства и самобытности песенного народного творчества Воронежского края, записанные А.В. Кольцовым:

хороводные песни – «Как под лесом под темным шелкова трава», «Приехали купчики с-под Москвы», «Течет речка вниз по камушкам»;

плясовые – «Чернецкое пиво размывчиво было», «Попляшите, девушки, да попляшите, молодушки»;

лирические – «Пойду-выйду на крыльцо», «Не могу я разгулять-ся, тоски-горя разогнать».

А.В. Кольцова интересовали различные жанры русского народного творчества. Кроме анекдотов (о них он писал А.А. Краевскому: «Присказками-то я вас уже употчевал, чай, не захотите в другой раз: больно солоно!» (31)), поэт собирал пословицы и поговорки, вошедшие в сборник «Русские пословицы, поговорки, приречья и присловья». Впервые он был напечатан в «Воронежской беседе на 1861 год» М.Ф. Де-Пуле, который получил эту рукопись от И.С. Никитина. Начал собирать пословицы и поговорки А.В. Кольцов по совету А.А. Краевского (см. письма поэта от 12 февраля и 16 июля 1837 г.).

Он записывал их в специальную тетрадь, но, не видя сочувствия к своей работе, в 1838 г. прервал ее. Но и то, что сделано поэтом, представляет большой научный интерес для истории русской паремиографии.

Издание М.Ф. Де-Пуле кольцовского собрания пословиц и поговорок неполно. В 1891 г. кольцовская рукопись была использована почти целиком М.А. Дикаревым для его «Воронежского этнографического сборника» и, наконец, напечатана А.И. Лященко в академическом издании сочинений поэта (1911 г.) с сокращениями и без достаточной точности. И только А.М. Путинцев перепечатал кольцовское собрание с буквальной точностью и почти без пропусков в «Трудах Воронежского государственного университета» в 1926 г. Сборник представляет собой пронумерованную тетрадь из голубоватой бумаги, сложенной в восьмую долю листа. Всего в нем был 41 листочек. Пронумеровал страницы М.Ф. Де-Пуле во время подготовки сборника к печатанию в «Воронежской беседе на 1861 год».

Впервые в истории воронежской фольклористики А.В. Кольцов расположил пословичный материал по тематическому признаку. Пословицы имели яркий социальный характер и свидетельствовали о демократических взглядах собирателя.

А.В. Кольцов приступил к собирательской работе, будучи уже подготовленным к ней. Он ознакомился с собраниями русских пословиц Снегирева и Богдановича, а также с «Письмовником» Курганова. Возможно, эти работы послужили ему образцом для составления сборника.

Удивительная точность записи пословичного материала в кольцовском сборнике еще раз говорит о достоинствах А.В. Кольцова-фольклориста, бережно относившегося к произведениям народного

творчества. А.В. Кольцов в этом отношении стоит значительно выше И.М. Снегирева, который бесцеремонно переделывал и исправлял произведения народного творчества.

Собранный в сборнике А.В. Кольцова материал характеризуется социальной направленностью. Особенно широко в нем представлены пословицы и поговорки, выражающие протест городской и деревенской бедноты против крепостного строя: «Казенная палата от мужиков богата» (К-24) (32); «Нанялся–продался» (Н-45); «Не всяк гром бьет, авось и староста помилует» (Н-9); «Каков царь, таков и псарь» (К-23); «Сыт голодному не разумеет» (С-64); «Голод не свой брат» (Г-22); «С суда – ни деньги, с потравы – ни хлеб» (С-3); «Царь воды не удержит» (Ц-2).

Близость к народу, живая связь с ним дали А.В. Кольцову такой яркий, социально насыщенный материал. Сборник ценен своей демократической направленностью и является для своего времени первым сравнительно крупным собранием южнорусских пословиц.

Пословичный материал А.В. Кольцова имеет недостатки, объясняющиеся в основном состоянием этнографической науки, которая, по словам А.М. Пыпина, «в те годы еще едва начиналась» (33). Его записи, например, не имеют паспортизации. Известно лишь, что все они сделаны в Воронежской губернии.

Подводя итоги сказанному, мы можем сделать следующие выводы.

Свою собирательскую деятельность А.В. Кольцов развернул под влиянием В.Г. Белинского, призывавшего интенсивно и всесторонне изучать народные обычаи и народное творчество как средство познания народа. Это влияние определило качественный состав песенного собрания А.В. Кольцова («удалые», антицерковные, антикрепостнические песни).

Судя по обилию собранного А.В. Кольцовым материала, по точности записей, сохранению диалектных особенностей, поэт был фольклористом, усвоившим достижения современной науки в изучении народного творчества.

Сопоставление собранных А.В. Кольцовым народных песен с архивными материалами, отражающими песенный репертуар Воронежского края XIX в., убеждает нас в довольно широком бытовании записанных поэтом песен, а также в высоких художественных качествах произведений его рукописного собрания.

Произведя сличение кольцовских записей с 280 текстами воронежских песен Архива Географического общества, мы пришли к выводу, что никто из собирателей воронежского фольклора не проявил такого великолепного чутья в отборе высокохудожественных образцов народной песни, как А.В. Кольцов.

Ценные комментарии, великолепное чутье этнографа, а главное – демократическая направленность в оценке произведений народного творчества дают нам право считать А.В. Кольцова одним из непосредственных предшественников фольклористов-демократов 60-х гг. XIX столетия.

Литература

1. А. Юдин. Поэт Кольцов и его стихотворения. «Опыты в сочинениях студентов имп. Харьковского университета», т. I. Харьков, 1916, стр. 224.

2. А.В. Кольцов. Соч. в двух томах, т. 2. М., 1961, стр. 33.

3. Там же.

4. Там же, стр. 35.

5. П.А. Бессонов, комментируя «Песню разинцев» («Песни, собранные Киреевским», вып. 7. М., 1868, стр. 155), отмечает, что вариант этой песни был записан А.В. Кольцовым в Воронежской губернии и отдан В.Г. Белинскому. В предисловии к первому выпуску песен П. Киреевский указывает фамилию А.В. Кольцова среди других собирателей, приславших свои материалы издателю. Правда, инициалы указаны неверно – «А.П. Кольцов», но, несомненно, что песни эти собраны воронежским поэтом («Чтения в обществе истории и древностей Российских при имп. Московском университете», 1848, № 9 и Приложения, стр. 5).

6. См.: М.Де-Пуле. А.В. Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке. СПб., 1878, стр. 92. См. также архив А.А. Краевского, том писем «Д.К.». Письма Де-Пуле от 2 апреля – 27 августа 1877 г. Отдел рукописей Гос. публ. библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина.

7. А.В. Кольцов. Полн. собр. соч., под ред. и с примеч. А.И. Лященко. СПб., 1911, стр. 404.

8. В.А. Тонков. А.В. Кольцов. Жизнь и творчество. Воронеж, 1953. См. также вступительную статью В.А. Тонкова к кн.: А.В. Кольцов. Соч. в двух томах, т. 1. М., 1958.

9. См.: П.Д. Ухов. Неизвестные материалы из собрания П.В. Киреевского. М., 1958; его же: А. Кольцов – собиратель народных песен. Публикация песен, записанных А.В. Кольцовым. «Подъем», 1958, № 6.

10. См.: В. Сидельников. Писатель и народ. М., 1962; А. Соймонов. Вопросы текстологии и публикации фольклорных материалов. Из собрания песен П.В. Киреевского. «Принципы текстологического изучения фольклора». М.–Л., 1966.

11. См.: Р.Б. Заборова. Белинский и сборник народных песен, собранных Кольцовым. «В.Г. Белинский. Статьи и материалы». М., 1949.

12. П. Ухов. А. Кольцов – собиратель народных песен. «Подъем». 1958, № 6, стр. 191.

13. См.: А.В. Кольцов. Соч. в двух томах, т. 2. М., 1961, стр. 30.

14. Там же, стр. 106.

15. Там же, стр. 95.

16. А. Путинцев. О значении А.В. Кольцова для русской этнографии. «Филологические записки», вып. 1. Воронеж, 1910, стр. 93.

17. См.: А. Юдин. Поэт Кольцов и его стихотворения. «Опыты в сочинениях студентов имп. Харьковского университета», т. 1. Харьков, 1846, стр. 224; «Современники о Кольцове». Подготовка текста, вступительная статья и примечания В. Тонкова. Воронеж, 1959, стр. 97; А.М. Ярцев. Новые данные для биографии А.В. Кольцова. «Московские ведомости», 1892, 29 октября; «Москвитянин», 1853, т. I, отд. VII.

18. А. Путинцев. К комментарию кольцовского «Хуторка». «Известия Воронежского краеведческого общества», 1925, № 5.

19. Мы встречаем здесь следующую запись: «Нужные сведения. Снегирев печатает: руские простонародные праздники и суеверные обряды; Думы Максимовича; Описание тридцати свадебных обрядов в 1725 г.» (см.: А.В. Кольцов. Собр. соч. СПб., 1911, стр. 320–321).

20. В.А. Тонков. А.В. Кольцов. Жизнь и творчество. Воронеж, 1953, стр. 128.

21. В.Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V. М., 1954, стр. 446.

22. А.В.Кольцов. Соч. в двух томах, т. 2. М., 1961, стр. 33–34

23. Там же, стр. 33.

24. Там же, стр. 94.

25. П. Ухов. А. Кольцов – собиратель народных песен. «Подъем» 1958. № 6 стр. 96.

26. А. Юдин. Поэт Кольцов и его стихотворения. «Опыты в сочинениях студентов имп. Харьковского университета», т. I. Харьков, 1846.

27. Государственный исторический музей, ф. 56. Бессонов. Песни, собранные П. Киреевским. Народные песни, собранные Алексеем Кольцовым.

28. Там же.

29. Там же.

30. Там же.

31. А.В. Кольцов. Соч. в двух томах, т. 2. М., 1961, стр. 33.

32. По поводу этой пословицы интересно обратиться к работе И.И. Иллюстрова «Жизнь русского народа в пословицах и поговорках» (М., 1915, стр. 86). Смысл пословицы в том, что казна грабила мужиков. Иллюстров истолковывает ее по-своему, с реакционной позиции: «Кре-

стьяне признают за собой важное значение по отношению к благосостоянию государства».

33. М. Пыпин. История русской этнографии, т. 1. СПб., 1830, стр. 276.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ

(слова объясняются согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля)

Песни

АЛЬНИ – «На ножу сердце встрепенулося, альни девица усмехнулася» (7) – АЖЕ, альни – даже, так что, что даже.

АПОЛЕТЫ – «Черна шляпа со пером, аполеты с серебром» (31) – эполет – наплечник, украшенье военных в виде защиты плеча от сабли, корешок и поле суконные, либо из золотой или серебряной рогожки.

АРШИН – «Аршин кумачу» (42) – по четыре вершка (верха пальца); треть сажени; длина всей руки от плеча.

БАЛАХОН – «Да приехали двое На вороных конях В белых балахонах» (14) – зимний и летний мужской наряд из тонкого сукна своего изделия, вроде халата, с кушаком, тесьмой, веревкой.

БРАЖКА – «Бражка в горлушку нейдет» (20) – бражка ж. (бродить), домашнее, крестьянское, корчажное пиво; хлебный напиток, иногда более похожий на квас. Брага простая, ячневая, на одних дрожжах, без хмелю; брага пьяная, хмельная.

БУКЕТОВА ЛЕНТА – «Букетову алу ленту в косу вплетает» (19) – шелковая лента с вышитыми гладью букетами цветов фабричного производства, «дорогая лента».

ГОРЕНКА – «По горенке Таня ходит» (19) – комнатка, покой, часть дома, отделенна стенами или перегородками.

ГУБЛИВАЛИ – «Атаманы все мы, охотнички, уж мы души, души мы не губливали» (7) – ГУБИТЬ, губливать – уничтожать, изводить, убивать, лишать жизни, телесно или духовно.

ЗАЛАВОК, залавица – «А деверья, что кобелья, по залавочью лежать»(32) – лавка у дверей, лавка от печи вдоль стены.

ЗАНЫВЧАТОЕ, ЗАНЫВАТЬ, – «Сердечко мое занывчатое, надрывчатое» (33) – склонный к заныванью, к нойке, чувствительный.

ЗОЛОВКА – «А золовки-колотовки под окошечком сидят» (32) – мужнина сестра.

КИСТЕНЬ – «будто черти с кистенями» (20) – ручное дорожное оружие: ядро, гиря, рогулька на ремне, либо на коротком кистенище, рукояти: увесистый набалдашник на короткой палке, просто насаженный, или прикованный звеньями, привязанный ремнем.

КОРЧМА – «Как во той ли во корчме Шинкарочка сидит» (13) – трактир, постоялый двор с продажей крепких напитков.

КРАЛЯ – «Уродилась хороша, Будто краль, душа моя» (37) – краля, дама; видная, красивая женщина, красно убранная.

КРОПОТЛИВОЙ – «У меня ли муж ревнивой, муж ревнивой, кропотливой» (3) – КРОПОТЛИВЫЙ человек, суетливый, беспокойный; брюзга, воркотун.
КУМАЧ – «накуплю я шелку белова, я красного кумачу» (20) – простая бумажная ткань, обычно алого, иногда и синего цвета, на сарафаны, кумачный сарафан.
КУРОВЫЕ – «Вы берите веревки, веревки куровыя» (1) – искажен. Суровые. Суровьё ср. сырой, необделанный товар: кожи, сало, шерсть, рога, лен, пенька и пр. | Суровьё и суровь ж. суровин(ц)а, сурова, небеленая пряжа и особ. небеленый, суровый холст.
МИТКАЛЬ – «миткалитная рубашка в кровь измаранная» (45) – бумажная ткань, изготовленная для обивки; ненабивной ситец.
МОТОРНОЙ – «Как пропился моторной, Прогулялся удалой» (36) – проворный, расторопный, ловкий; ветреный.
НАБОЙЧИКИ – «Как у славнова заводчика У Титова на дворе Собиралися набойчики На Яузу погулять» (36) – набойщики, набивочный мастер, набивающий узоры на тканях. Набивчатый, набойчатый, набойковый платочек, из набойки.
ОВИН – «овин пойдет сушить» (20) – строенье для сушки хлеба в снопах топкою.
ОТЕЦКИЙ простореч. то же, что отцовский – «Уж ты встань-проснись, удалой молодец, пробудись, душа отецкой сын» (39) – не сирота, у кого жив отец.
ПЕРПОЯШИТ (перепоясать) – «Вдоль спины он перпояшит хворостиной аль кнутом» (20) – опоясать, перевязать поперёк; опоясать сызнова, получше.
ПОГУТОРИТЬ – «Он подарочик примет, он погуторит со мной» (20) – поговорить; побеседовать, побалагурить.
ПОЛУЖЕНОЕ – «Отвязался твой удалой конь От столба, столба дубовова, От колечка полужонова» (39) – Лудить что, покрывать полудою, расплавленным оловом.
ПОРТУПЕЯ – «Золотая портупея улыбается на нем» (31) – перевязь, ремень, тесьма через плечо, пояс с застежкой, для шпаги, сабли, шашки.
ПОСНАРЯДНЕЕ, ПОСНАРЯЖИВАЛИ – «Ходит поснарядней» (23) – наряжались в народный костюм, ходить понарядней.
ПРОЛУБЬ – «Пойду, млада, за водою, сунусь в пролубь головою» (3) – искажн. прорубь, отверстие во льду, пробитое для добычи воды, для водопоя, для мытья белья.
РАССЫЧУ – «Рассычу я тебе, душа соловьюшек, сахарной сытицы» (9) – Сытить воду, послащать мёдом; сытить пиво, водку. Разсытить сыту.

РАЗБУМАШИТЬ – «Разбумашавши бороду» (32) – Распушить бороду как хлопок, хлопчатобумажную ткань; развеселиться, расходиться, разгуляться.
СЛОБОДА – «Там слободушка стоит» (23) – пригородное селение, подгородный поселок, за городом, т. е. за стеною, род посада.
СРЕСЬ – «Лотка остановлена, белым парусом наряжена, царскою казною сресь насыпана» (7) – до краев, полностью насыпано.
СТАРИНКА – Уменьш. к старина – «Вот как матушка старинка нас научивала» (10) – человек, достигший старости.
СЫТИЦЫ – «Рассычу я тебе, душа соловьюшек, сахарной сытицы» (9) (СЫТА) – сычёная мёдом вода, медовой взвар.
ТАНОК, ТАНОЧИК – «Плясал я, молодчик, водил я таночик» (33) – хоровод, игровые пляски, круг, улица. Танки водить.
ТАФТА – «на перине одеяло соболиное лежит, соболиное, тафтяное» (44) – персидск. гладкая, тонкая шелковая ткань.
ТАЧАТ пояс – «Тачот пояс, тачот пояс разных шелков семи цветов» (28) – ТАЧАТЬ, стачивать – шить сквозной строчкой, шить строчкою на оба лица.
ТОРБАНИСТЫ с торбанами (20) – «Торбанисты с торбанами, будто черти с кистенями». ТОРБА – Мешок, сума.
ТОРИТЬ – «Не прокладывай следа, дороженку не тори» (37) – прокладывать борозду, тропу, дорожку. Торная дорога, большая, битая, уезженная.
ТЫН – «Поломал он весь железный тын» (39) – деревянный; сплошной забор, заплот, городьба, частокол, огорожа или рубка.
УЧЛИВО – «С Таней грубо говорили. Учливо Таня отвечала» (18) – вежливый, выражающий почтительность.
ЧЕПЬ – «А свекровья на пече, Как борзая на чепе» (32) – цепь.
ЧЕРВОНЧАТОЙ – «Я состроил бы сударушки Червончатой корабль» (44) – Червонный – южн. зап. красный, алый, ярко-красный.
ЧЕРНЕЦКОЕ ПИВО – «Чернецкое пиво разымчиво было»(41) – см. Чернец.
ЧЕРНЕЧИК – «Чернечик ты мой, Горюн молодой» (41) – ЧЕРНЕЦ устар. – монах.
ШАБРОВУШКИ – «Соседушки-шабровушки не хвалят меня» (27) – Шабры сиб. тамб. ряз. Сябер, сябр – сосед. Шабёрка, костр. шабровка, шабрёнка, тамб. – соседка.
ШИНКАРОЧКА – ласкат. к шинкарка – «Как во той ли во корчме шинкарочка сидит» (13) – лицо, занимающееся хранением и торговлей спиртными напитками.

ШИНКУЕТ – «Шинкует шинкарка пивом и вином» (13) – незаконно торгует спиртными напитками.
ШИРИНОЧКА – «Ширионочек настрочу» (20) – ширинка ж. полотнище, отрезок цельной ткани,| утиральник, ручник, полотенце.
ШУМАРХАЙТЕ – «Вы не бойтеся, Вы не каркайте, Не шумархайте. Ко двору ли подойдете, Вы не бойтеся» (10) – шуметь.

Пословицы и поговорки

АБРЕК – «Абрек на поле, пустил в поле – пусть гуляет» – неряха, оборванец, бедняк; кавк. отчаянный горец, давший срочный обет или зарок не щадить головы своей и драться неистово; также беглец.
БОРОЗДНА (дорога)– «Дорога бороздна к загону» – Борозда, углубленная черта на поверхности почвы, проведенная сохой или плугом.
ВЕРЕТЕНО – «Ерема, Ерема! сидел бы ты дома, точил веретены» – простое, ручное орудие для пряжи, для ручного прядения.
ГУБЕРСКА – «суди ж меня губерска, а не баба деревенска» – Губернское Правление.
ИСТЕЦ – «Мы с тобой истцы, а прежние – молодцы» – лицо, предъявляющее иск.
ЛУТОШКА – «Дела как лутошки» – деревцо с ободранной корой.
МОЛОЧИВАТЬ – «На обухе рожь молочивали» – молотить хлеб.
ОБОРИ РЕМЕННЫЕ, ОБОРИНА, ОБОРА – «ременные обори» – верёвка, тесьма, которой обкручиваются онучи и прикрепляются к ноге лапти; верёвка, тесьма от обор.
ПЕСТРЕЦ – «стар пестрец, да уха сладка» – один из видов рыбы.
ПРИЕДЧИВ, ПРИЕДАТЬСЯ – «Чужой хлеб приедчив» – надоедать.
ПРИКАЛИТОК – «Борода с ворота, а ум с прикалиток» – точка, дверь для пешаго в воротах или рядом с ними.
ПУСТОРНАК – «Сеял мужик репу – вышел пусторнак» – сорняк, пустое растение.
СИСЯ – «Сися, Матрена, вчерась родились» – СИСА, сиська, титька, мякитишка, женские груди. Сися, бран. неуклюжий и неопрятный человек.
СКОБЕЛЬ – «После скобля – топором» – плотничный инструмент в виде прямого или изогнутого ножа с двумя ручками по краям; он служит для строгания бревен и для снятия коры с деревьев.
СНАВАЛА – «снавала люди разживаются» – со смелости, с риску.
СОРОЧИТЬ – «сорочи, не сорочи, а сто рублей – деньги» – сплетничать, судачить, ругаться.
СПАЛА С ГОРЯ – «что ему спала горя» – с полгоря.

СУРЬЕ, СУРОВЬЁ – «Хоть сурье белье, да свое рукоделье» – ткань с ткацкого станка без окраски и отделки.
ЩЕТНОЕ – «Волк из щетнова берет» – искаж. счетное (скотина в стаде). Посчитанное – забирает не из бессчетного стада, а из того которое на счету (посчитано).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. ПЕСНИ, СОБРАННЫЕ А.В. КОЛЬЦОВЫМ
   Тетрадь 1. Автограф, 1837. Титульный лист. Из архива кафедры теории литературы и фольклора ВГУ. Копия. (Исторический музей, Москва).

2. КАК ПО СЕНЯМ, СЕНЯМ, СЕНЮШКАМ (№ 39)
   Свадебная песня.
   Автограф, 1837. Лист из тетради с песнями. Из архива кафедры теории литературы и фольклора ВГУ. Копия. (Исторический музей, Москва).

3. ТЫ СТОЙ, МОЯ РОЩА (№ 33)
   Хороводная песня (фрагмент).
   Автограф, 1837. Лист из тетради с песнями. Из архива кафедры теории литературы и фольклора ВГУ. Копия. (Исторический музей, Москва).

4. ПО МОРЮ, ПО МОРЮ, ПО ТИХОМУ ОЗЕРУ (№ 38)
   Игровая песня (фрагмент).
   Автограф, 1837. Лист из тетради с песнями. Сбоку листа – описание игры. Из архива кафедры теории литературы и фольклора ВГУ. Копия. (Исторический музей, Москва).